

European Journal of Humanities and Social Sciences

Nº 3 2016

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2016**

European Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

№ 3 2016

ISSN 2414-2344

Editor-in-chief

Maier Erika, Germany, Doctor of Philology

International editorial board

Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography

Adieva Aynura Abduzhalalovna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics

Arabaev Cholponkul Isaevich, Kyrgyzstan, Doctor of Law

Barlybaeva Saule Hatiyatovna, Kazakhstan, Doctor of History

Busch Petra, Austria, Doctor of Economics

Cherniavska Olena, Ukraine, Doctor of Economics

Kiseleva Anna Alexandrovna, Russia, Ph.D. of Political Sciences

Khoutyz Zaur, Russia, Doctor of Economics

Khoutyz Irina, Russia, Doctor of Philology

Kocherbaeva Aynura Anatolevna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics

Konstantinova Slavka, Bulgaria, Doctor of History

Lewicka Jolanta, Poland, Doctor of Psychology

Massaro Alessandro, Italy, Doctor of Philosophy

Meymanov Bakyt Kattoevich, Kyrgyzstan, Doctor of Economics

Serebryakova Yulia Vadimovna, Russia, Ph.D. of Cultural Science

Shugurov Mark, Russia, Doctor of Philosophical Sciences

Fazekas Alajos, Hungary, Doctor of Law

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

European Science Review

“East West” Association for Advanced Studies

and Higher Education GmbH, Am Gestade 1

1010 Vienna, Austria

Email:

info@ew-a.org

Homepage:

www.ew-a.org

European Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

East West Association GmbH is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Study of art

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-3-5>

*Yunusova Nigar Gaiyur,
Children's Art School № 3 in Baku,
The teacher in the "history of fine arts" and "arts and crafts"
PhD student of Azerbaijan State Academy of Arts
E-mail: nigar_yunus@mail.ru*

The art of costume in the Qajar Period

Abstract: Substantial information on the clothes of kings ("shahs"), the palace officials, the women of the harem and dancers during the Qajar dynasty is given in the article. The clothes of the period are studied and analyzed using photo-sources. The clothes of men and women are compared, common and contradicting features are found and identified. A special attention is paid to the interpretation of clothing culture during the reign of Nasireddin Shah Qajar. As well, information on the main features of the clothes of shahs is given. The clothing styles of officials are discussed. The costumes in art paintings of the period are analyzed.

Keyword: Art of costume, Qajar era, Fathali-shah Ghajar, Aigrettes, Naseraddin shah, costumes of dancers, women's suits, shirts, skirts.

*Юнус Нигяр,
Диссертант Азербайджанской Государственной Художественной Академии
Член Союза Художников Азербайджана
Преподавательница Детской Художественной Школы № 3
Баку, Азербайджан
E-mail: nigar_yunus@mail.ru*

Искусство костюма в эпоху Каджаров

Аннотация: В статье указана детальная информация об одеждах шахов, дворцовых должностных лиц, женщин гарема и танцовщиц времен династии Каджаров. Воспользовавшись фотоисточниками был сделан анализ и проведены исследования одежд того времени. Сравнивая мужские и женские одежды, были выявлены общие и отличительные их черты. Уделяется особое внимание комментариям о культуре одежды времен правления шаха Насиреддина Каджара. В том числе дана информация об основных особенностях одежд шахов, манерах одежды государственных чиновников и проанализированы одежды из художественных произведений того времени.

Ключевые слова: Искусство костюма, эпоха Каджаров, Фатали-шах Каджар, Эгреты, Насиреддин-шаха, костюмы танцовщиц, женские костюмы, рубашки, юбки.

Как мы знаем, правление династии Каджаров, оставившей неизгладимый след в истории, приходится на XVIII–XIX века (1796–1925). Говоря об искусстве этого великолепного государства, прежде всего обращаем внимание на красочность и богатство его живописи, архитектуры, в том числе декоративно-прикладного искусства. Особым стилем отличалось также дворцовое одеяние Каджарских шахов, тюркам по своему происхождению, обосновавшихся с географической точки зрения на иранской территории в Тегеране. Очень интересно отметить тот факт, что по своей художественной архитектонике здание Каджарийя, являющееся дворцом, в котором они жили,

и носившее название «Гюлюстан» («Цветочный дворец»), образует некое единство с костюмом правителей, придерживающихся монархическому укладу жизни. Насколько декоративно, благородно и богато были обработаны экстерьер и интерьер дворца, точно также из нежных тканей были сотканы их костюмы.

Искусство костюма эпохи Каджаров представлено привлекающими внимание образцами, сшитыми с большим вкусом. Результатом богатого художественного воображения являются дизайн одежды, ее пошив и ткани, поскольку искусное изготовление одежды вплоть до мельчайших деталей было присуще для той

эпохи. Естественно, что мужской и женский костюмы отличались, однако несмотря на это, если мы посмотрим на дворцовый костюм, то обратим внимание на общую деталь, присутствующую в мужском и женском костюмах. Этой деталью является головной убор, который носили как мужчины, так и женщины. Как и женщины, дворцовые мужчины использовали украшения для головных уборов, в качестве которых могла быть брошь из птичьего пера или эгреты. Эгреты носили шахи и принцы, это — маленького размера, богато инкрустированное драгоценными металлами и камнями украшение для шляп. Богатая художественная обработка эгретов подчеркивало материальный статус правителя.

Естественно, что в искусстве костюмов эпохи Каджаров наблюдается коренное различие между костюмами шахов и местного населения. Каджарские шахи любили одежду из плюша и дорогих материй, украшенных драгоценными камнями. Все это выделяло и совершенствовало характерные особенности каджарского дворцового стиля. Простолюдины же отдавали предпочтение удобной и простой одежде. Общая черта — мужские шляпы — одинаковые по форме (вертикальные и продолговатые), отличались нюансами в виде украшений и драгоценных камней. Наряду с красотой костюма, большое значение придавалось его качеству. На тот период в наличии были ткани как местного производства, так и материи, которые импортировались из Индии. Мы считаем, что веяния моды были характерны и для эпохи Каджаров. Следование моде, характерной для той эпохи, явно прослеживается в костюмах шахов государства Каджаров. Например, Фатали-шах (1769–1834), согласно моде того периода, носил узко прилегающее к телу до пояса и расширяющееся от пояса до подола платье с длинными рукавами. В области шеи был широкий воротник, на поясе обязательно носил ремень и на руках в области запястья были манжеты; предпочтение отдавал деликатным тканям типа шелка. Воротник костюма украшался жемчугом и другими драгоценными камнями. Рассматривая дворцовые костюмы эпохи Фатали-шаха, не ускользает от внимания и особые украшения, наносимые на рукава, в основном на области запястья и предплечья. Наручи (базубанд — часть доспехов, защищающая руки от локтя до кисти) и налокотники украшались драгоценными камнями. А это, как мы считаем, добавлялось к костюму в качестве шахского знака отличия, указывающего на его силу и могущество. Взяв за основу, что наручи и налокотники являлись мерой физической силы и мощи для борца, мы считаем, что пошив костюмов Фатали-шаха таким способом внесли характерную для него художественность и особую значимость в культуру одежды. Фатали-шах Каджар оставался верен своей манере одеваться и в момент написания его портретов художниками. На созданных в тот период произведениях живописи мы видим шаха с длинной черной бородой и шляпой-коронной на голове. Считаем, что одной из важных деталей,

дополняющей дворцовый костюм эпохи Каджаров, являются украшенные головные уборы. Обращают на себя внимание туфли с каблучком Фатали-шаха (высотой около 3–4 см). Предпочтение отдавал тканям красного, фиолетово-синего, светло желто-охрового и белого цветов.

Помимо шахских одеяний интерес представляют костюмы каджарских принцев, дворцовых дам, танцовщиц и госслужащих. В качестве примера рассмотрим костюм каджарского принца, получившего полное дворцовое образование, дипломата Хозрев-Мирзы Гованлы-Каджара. Костюм Хозрев-Мирзы, который родился в Южном Азербайджане в Тебризе и умер в Иране в Тегеране, отличается очень простым стилем одежды. Итак, на полотне «Портрет Хосров Мирзы», созданном на бумаге акварельной техникой Ф. Берже в 1829 году, мы видим его в простом черного цвета головном уборе (шляпа в форме горшка) и ничем не украшенным серовато-коричневым пиджаке. Отметим, что в настоящее время этот портрет хранится в Москве, в Государственном литературном музее.

Второй пример — это костюм иранского принца, генерал-майора царской армии и армии Азербайджанской Демократической Республики Фейзуллы Мирзы Гованлы-Каджара (1872 — Шуша, 1920 — Баку). Из фотографий видно, что он одет в обычном должностном мундире — высоких сапогах, официальное военное пальто и шляпа.

Историк по профессии Мирза Бахман Каджар был внуком Фатали-шаха, сыном Аббаса Мирзы. Он родился в 1810 году в иранском Тегеране, умер в 1883 году в азербайджанской Шуше. Обращая внимание на его костюм на фотографиях, отметим на очень необычный стиль его одежды. На голове у Бахмана Мирзы Гованлы-Каджара мы увидим продолговатую шляпу, широкую абу (распашной шерстяной плащ), поясик и накинутый на плечи, напоминающий тулуп халат. Мы считаем, что костюмы эпохи Каджаров менялись не только в зависимости от того, кто их носил, но и в зависимости от профессии человека. Например, естественно что, костюмы шахов кардинально отличались от костюмов принцев, государственных работников и рядовых граждан, и эти отличительные черты подчеркивались драгоценными камнями, которые добавлялись в костюм или изначально вшивались в ткань.

Как и мужские костюмы, женские костюмы также обращают на себя внимание. Дворцовые дамы эпохи Каджаров любили носить длиннополые платья из легких декоративных тканей. Мы видим, что дамы в возрасте покрывали голову шалью, тогда как молодые женщины носили шляпы или прикрепленные к волосам аксессуары. К образцам роскошной женской одежды можно отнести костюмы танцовщиц. Рубашка, подчеркивающая тонкую талию, и длинная широкополая юбка вместе с головным украшением образуют гармоничное единство. Таких танцовщиц больше всего можно увидеть на шедеврах живописи, написанных каджарским стилем в XIX веке. На картине «Танцовщица с кастаньетами» (158x90 см./холст, масло/Эрмитаж, Санкт Петербург), датируемой первой

четвертью XIX века (1800–1825 гг.), дан портрет в полный рост танцовщицы в плотно прилегающей к телу рубашке (белого, красного, коричневого, оливкового и других цветов), но с широким подолом, из-под которой идет широкая юбка оранжевато-охрового цвета, на голове изображена надетая на бок маленькая шляпа с брошью. Руки танцовщицы приподняты влево (правая рука выше левой), т. е. она изображена в момент танца. На поясе по центру есть круглая пряжка, от которой до подола юбки тянется красно-голубая лента, напоминающая шарф. Эта деталь является одной из деталей, привлекающих внимание к костюму танцовщицы. Несмотря на то, что на ней надета рубашка с длинными рукавами, у локтя рукав одежды обрывается. Из этого можно предположить, что молодая девушка снизу надела рубашку с длинными рукавами, а поверх нее — рубашку с рукавами-воланами. Вообще, для эпохи Каджаров для костюмов танцовщиц были характерны рубашки с рукавами-воланами. Длинные, волнистые черные волосы танцовщицы придают полноты и особой красоты как ее костюму, так и произведению, вышедшему из-под кисти художника.

Не ускользающим от внимания фактором является изменение костюма эпохи Каджаров из века в век. Например, если при Фатали-шахе (1797–1834) одяние шаха было более богатым, украшено драгоценными камнями, то при правлении Мухаммеда-шаха (1834–1848), восседавшего на троне после него, наблюдаются некоторые изменения в дворцовом костюме. Мухаммед-шах привлекает внимание своим модно подобранным костюмом. Даже на одном из живописном табло мы можем увидеть его в пиджаке с короткими рукавами, на бортах которого нанесены узоры «бута». А бута, как известно, является национальным узором Азербайджана. Из всего этого следует, что костюм, надетый шахом, шит из ткани местного производства. После Мухаммеда-шаха, в одяниях наследника трона, его сына Насреддин-шаха Каджара (1848–1896), можно сказать, вся первоначальная роскошь дворцовых костюмов полностью отсутствует. Таким образом, костюм Насреддин-шаха производит впечатление серьезного, официального. Снизу широкие шальвары (брюки), сверху до голени похожее на манто длинный пиджак с узорами в виде медальонов, на голове шляпа-эгрет с птичьим пером — костюм, характерный для культуры одежды периода Насреддин-шаха.

Костюмы женщин из гарема Насреддин-шаха тоже имеют свои особенности. Они носили головной убор — шаль в виде келагаи (особенно белого цвета), которая завязывалась под подбородком, тем самым лицо принимало круглую форму. В XIX веке женщины из гарема носили платья и юбки, длиной до голени, слегка прикрывающие колена. Из фотографий гарема Насреддин-шаха Каджара видим, что многие женщины носили джорабы (носки), достигающие до середины голени, и обувь. Одеяния жен и наложниц состояли из закрытого верха (голова, покрытая шалью, на теле рубашка с длинными рукавами), открыто-

го низа (короткие юбки), который демонстрировал босые ноги. Особое внимание привлекает одна деталь в костюмах гарема: пышные юбки до колен напоминали балетные пачки. Их носили с носками, доходивших до колени. Говорят, что в 1873 году Насиреддин-шах Каджар во время своего визита в Санкт-Петербург в Россию посетил балет и был им очарован, скажем, балет и балетный костюм ему пришлось по нраву. По приезду он заказал дворцовым портным шить для своего гарема из балетной одежды пышные юбки, называемые шалите.

Рассказывая о женской одежде эпохи Каджар, нельзя забывать и о длинных и широких юбках. Также следует напомнить об украшениях, синтезирующих весь костюм. Украшения, мы бы сказали, являются неотъемлемой частью женского костюма. «Каджарский стиль» проявил себя в полной мере не только в живописи как одного из видов изобразительного искусства, но и в области моды и костюма декоративно-прикладного искусства.

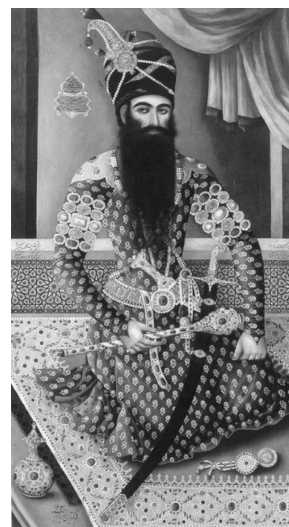

Рисунок 1. Фатали-шах Каджар. (Холст, масло). Мирза Баба. 1798–99.

Рисунок 2. Портрет стоящего Фатали-шаха. (Холст, масло; 253x124 см). Михр Али. 1809–10.

Рисунок 3. Портрет Хосров Мирзы. (Бумага, акварель).
Филипп Берже. 1829

Рисунок 5. Танцовщица с кастаньетами. (Холст, масло;
158x90 см). Неизвестный художник. 1800–1825 гг.

Рисунок 4. Мирза Бахман Каджар. XIX век

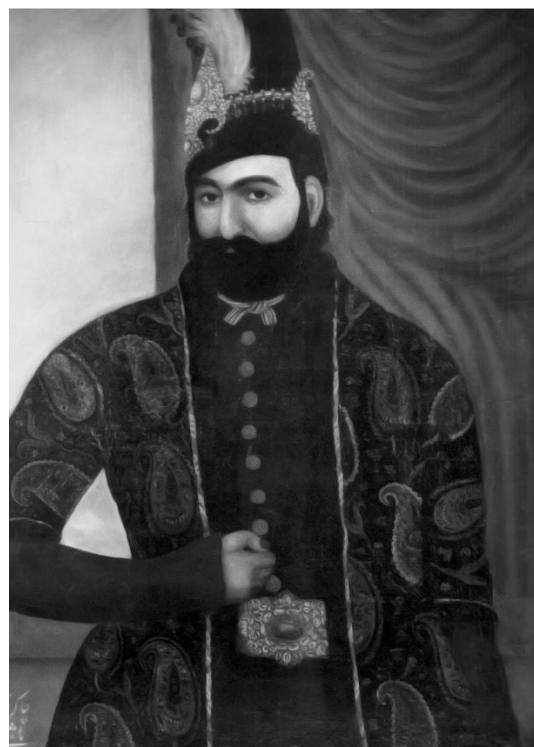

Рисунок 6. Портрет Мухаммед-шаха. (Холст, масло).
Сани-оль-Мольк. 1841 г.

Рисунок 7. Насиреддин-шах Каджар. XIX век

Рисунок 8. Женщины из гарема Насиреддин-шаха в балетных пачках. 1848–1896 гг.

Рисунок 9. Насиреддин-шах Каджар и его придворный фотограф Антон Севрюгин перед фотосъёмкой. XIX век

Список литературы:

1. «Искусство Азербайджана». Средние века. Чингиз Каджар. "Azerbaijan-IRS". 1999–2003 гг. 348 с.
2. «Golestan palace». Publisher: Golestan palace. Copyright: July, 2015. Technical superintendent: Naghsh & Negah. URL: <http://www.iranmiras.ir>
3. Multimedia Documents Center of Golestan palace. Tehran. Iran. Nəsirəddin şah Qacar. URL: <http://www.az.wikipedia.org>
4. Вəһмən Mirzə Qovanlı-Qacar. URL: <http://www.az.wikipedia.org>
5. Хозрев-Мирза. URL: <http://www.ru.wikipedia.org>
6. Fath-Ali Shah Qajar. URL: <http://www.en.wikipedia.org>
7. Несравненные жены из гарема иранского шаха. URL: <http://www.mylove.ru>
8. Иранский портрет 18–19 веков. "Персидская парсуна"/Варварская галерея. URL: <http://www.varvar.ru>
9. 15 реальных фото иранского шаха и его гарема, в котором было почти 100 женщин. URL: <http://www.kulturologia.ru>
10. Golestan palace –Multimedia Documents Center. Tehran. Iran.

Section 2. History and archaeology

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-9-11>

*Gevorgyan Edik,
Armenian State Pedagogical University After Kh.Abovyan
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Department of History of the Armenian people
E-mail: edik_g_gevorgyan@mail.ru*

Massacre of Armenians in the Ottoman Empire in the 1890s: a brief historiographical review

Abstract: In article is considered the problem of the extermination of Western Armenians in the Ottoman Empire in 1890 — ies to assess the historiography. In parallel with the historiographic fact in the article presented information from sources related to this period, which confirm the historiographical fact extermination of Armenians.

Keywords: Destruction of Armenian, historiography, Ottoman Turkey, the Armenian question, Western Armenia.

*Геворгян Эдик Геворгович,
Армянский государственный педагогический
университет имени Х. Абовяна
кандидат исторических наук, доцент
кафедра Истории армянского народа
E-mail: edik_g_gevorgyan@mail.ru*

Истребление армян в Османской империи в 1890-х годах: краткий историографический обзор

Аннотация: В статье рассматривается проблема истребления западных армян в Османской империи в 1890-х годах по оценке историографии. Параллельно с историографическими данными в статье представляются также сведения из источников, относящихся к данному периоду, которые подтверждают историографические данные истребления армян.

Ключевые слова: Истребление армян, историография, Османская Турция, Армянский вопрос, Западная Армения.

В 1890-х годах истребление армянского народа являлось не только политикой Абдул-Гамида Второго, но и по сути ознаменовало начало или, как принято говорить в историографии, первым этапом геноцида армян. Со 2-й половины 19-го века политика истребления армянского народа со стороны султанских правящих кругов перешла все границы варварства, открыто преследуя физическое уничтожение армян, геноцид всей нации [10, с. 73].

Следует подчеркнуть, что одним из важнейших компонентов геноцида является умышленное уничтожение расы, национальной или религиозной группы. Геноцид отличается от массовой резни, потому что с политической и юридической точки зрения существует не только качественное отличие, но и количественное [13, с. 33].

В рамках хронологического выяснения армянского геноцида реалистический подход проявил академик

М. Нерсисян. С его точки зрения, упоминая словосочетание **армянский геноцид**, нужно учитывать, что это началось в конце 19-го века. Выдающийся историк об этом выразился следующим образом: «важно не количество жертв: в одном случае 300 тыс., в другом 1,5 млн. Мы знаем, что бывают геноциды как больших, так и малых групп» [9, с. 14]. Исходя из этого, М. Нерсисян массовые резни в конце 1890-х годов характеризует как геноцид [9, с. 64].

Для нас важность представляет информация турецкого историка Османа Нури про массовую резню армян в 1890-х годах. Вспоминая особенно про инциденты в Стамбуле (Константинополь) в 1896 г., он писал: «Эта резня была ужасающим злодеянием против человечества. А причиной этой резни был султан Абдул-Гамид Второй» [9, с. 66]. Из вышесказанного становится ясным, что резня и истребление армянского народа начиная с 1890-х годов являются

первым этапом армянского геноцида. Неотрицаемые факты свидетельствуют, что все это было тщательно организовано и приведено в исполнение на государственном уровне, о чем свидетельствуют сохранные доказательства очевидцев. Существуют и свидетельства о том, что решения принимались в султанском дворце, который на самом деле являлся высшим органом власти [13, с. 167–168].

Об умышленном истреблении армянского народа со стороны Абдул-Гамида свидетельствует письмо патриарха Ашшягяна М. Орманяну от 24 декабря 1898 г, согласно которому в личной беседе с автором письма Абдул-Гамид сообщил: «Прокляну всех моих преемников, чтоб до конца существования ислама они боролись против независимости армян» [4, с. 571]. В дальнейшем высказывание Абдул-Гамида стало директивой в политике турецких правящих кругов, направленной на геноцид, и в последствии со стороны младотурок использовалось как план решения «Армянского вопроса». Планы младотурок основывались на предыдущей политике истребления армянского народа и для осуществления данной 'мечты' плодотворной почвой послужила Первая мировая война, которая позволила бы данные действия представить как последствия войны [5, с. 222; 236–237; 265; 293; 303 ...]. Турецкие правящие круги во время войны с новой силой продолжили политику истребления армянского народа, начавшуюся еще в конце 1890-х годов [3, с. 123].

Следует отметить, что позиции властей Османской империи для организации и реализации геноцида армянского народа укрепились еще с Берлинского конгресса в 1878 г, где принятая со стороны европейских держав 61-ая статья Берлинского трактата имела тяжелые последствия в судьбе западных армян. Армянский народ ничего ощутимого не получил, взамен ему досталась вражда турецких властей [6, с. 262].

После этих событий турецкие власти начали подготовку к быстрой реализации собственного плана массовой резни армян. Турецкое правительство пыталось физическим истреблением армянского народа на международной дипломатической арене достичь снятия «Армянского вопроса» [2, с. 8]. После Берлинского конгресса наиболее приближенное лицо к султану, Великий визирь Кямилпаша считал, что нужно очистить и истребить армянский народ с «собственной территории». Для достижения всего этого у нас есть курдские, черкесские, жандармские круги, суды и вообще, все те средства, которые нужны для начала священной войны против них, которые не имеют ни оружия, ни защитников. Следовательно, если уничтожить эту нацию, то даже христианская Европа не сможет найти христиан в Малой Азии. Тогда Европа оставит нас в покое, и у нас будет возможность больше заниматься внутренними делами нашей страны» [6, с. 262]. В этом открытом заявлении четко отмечались все планы по уничтожению армян в собственной стране. Для реализации своих истребительских планов османские правящие круги с начала 1890-х годов предприняли против мирного населения ряд запланированных мероприятий. В 1891 г. Абдул-Гамид 2-й

сформировал курдские вооруженные отряды, идею создания которых кровавый султан заимствовал у русских казацких отрядов. Это ему посоветовал в прошлом турецкий посол в Петербурге Али Саид-паша [15]. Для поднятия в стране авторитета и престижа данных отрядов, султан их назвал своим именем — «Гамидовские полки» (гамидие). Формируя данные вооруженные отряды, султан преследовал цель использовать их для сдерживания Российской империи в малоазиатском регионе [7, с. 180–181] и для реализации массовой резни армянского населения, что широко было проведено в 1894–1896 гг. Французский посол в Константинополе Поль Камбон (1891–1898 гг.) в своих воспоминаниях рассказывает о курдских отрядах: «Я видел эти отряды вблизи, которые называются гамидовскими. Они зарезали бесчисленное количество людей в Малой Азии» [14, с. 417–418]. 14-го февраля 1891 г. английский посол в Константинополе пишет своему правительству о формировании гамидовских полков и массовой эмиграции населения: «О том, какие цели преследуют данные планы формирования вооруженных отрядов, у нас недостаточно информации, но я лично с опасением смотрю на это. Армянское население Эрзурума очень обеспокоено, и многие из них, у которых есть возможность, заявляют, что намерены покинуть город, как только откроются дороги» [1, с. 161–162].

Нужно подчеркнуть, что при формировании и обучении военному делу гамидовских отрядов султан получил поддержку со стороны немецких военных деятелей [8, с. 255]. Начиная с 90-ых годов 19-го века высокопоставленные немецкие чиновники начали интересоваться Западной Арменией и проявляли к ней особое внимание. В 1891 г. инспектор немецкой военной миссии в Османской империи генерал (с 1911 г. фельдмаршал) фон дер Гольц отправил в Западную Армению своего близкого единомышленника Музаффеда пашу, который был более известен под псевдонимом Садык. Ему было поручено заниматься военной подготовкой курдских вооруженных отрядов гамидие [8, с. 255].

О том, что гамидовские зверства были организованы на государственном уровне, свидетельствуют и французские источники. Свидетели и современники этих событий осудили Абдул-Гамида 2-го и его преступления охарактеризовали как геноцид. Организаторов армянского геноцида осуждали известные французские писатели, публицисты и политические деятели [12, с. 97]. Особенно выделим политического деятеля, писателя и современника событий Дени Кошена, который гамидовскую резню буквально характеризует как геноцид. По его мнению «все происходило при подстрекательстве и мерзком пособничестве Османской империи» [12, с. 113].

Об организации армянской резни османскими властями и лично Абдул-Гамидом 2-м свидетельствуют и арабские источники. Арабские историки, исследовавшие историю Османской империи 19-го века, почти без исключений обратили внимание на истребительскую политику Абдул-

Гамида 2-го и его интерпретацию. Они считают, что такой масштаб убийств не мог быть случайностью. Один из арабских историков, например, Фуад Гасан Хафиз считал, что кровавая политика султана Гамида составляла часть его внутренней политики [11, с. 72]. Усман ат-Турк считает, что армянская резня в 1894–1896 гг. была тщательно запланирована. Он подробно описывает убийства и побоище, массовое выселение и зверства в вилаетах и в других местах, населенных армянами [11, с. 68].

О геноциде и его организации на государственном уровне свидетельствует заявленная турецкими властями еще в половине 19-го века политика “объединения и слияния” [13, с. 54]. Активными сторонниками и исполнителями политики ассимиляции всех народов Османской империи были новые османы, которые появились на арене истории с 1860–70-х годов, и под их давлением в 1876 г. султан Абдул-Гамид 2-й привел в действие первую в истории Османской империи Конституцию. Одним из главных положений в идеологии новых османов была “Теория османской нации” [11, с. 71; 13; с. 81].

Еще в 1876 г. в Османской Конституции (статья 8) было записано, что “все подданные империи называются османцами, без религиозного различия” [11, с. 72]. Таким образом, тезис “османская нация” в Османской империи являлся официально признанным тезисом и был закреплен в Конституции.

И так, политика Османской империи “объединения и слияния” в половине 19-го века подразумевала использование силы над теми народами, которые каким то образом могли бы подорвать осуществление данного плана. А уже со второй половины 19-го века в армянских кругах происходили события, которые свидетельствовали о росте национального самосознания армянского народа. Естественно, все это не позволило бы новым османам осуществить свою “политику ассимиляции” и сформировать “османскую нацию”. Следовательно, это привело к применению силы

против армянского народа, что являлось важной составляющей частью политики ассимиляции. Пробуждение национального самосознания и его последствия считались самым важным препятствием для османских злодеев на пути к осуществлению собственных планов. Армянский фактор был клином в центре Османской империи и не поддавался слиянию. Для уничтожения этого клина Османская империя должна была применить силу. В Османской империи осуществление планов истребления армянского народа ускорило после появления на международном уровне “Армянского вопроса”. Варварская сущность Османской империи ярким образом выражалась с первых дней правления Абду-Гамида 2-го, чьи тридцать три года правления известны как эпоха “Зулума” [11, с. 64]. Во время так называемой эпохи “Зулума” первыми жертвами кровавой политики султана стали армяне. Реализации политики способствовала еще и личная боязнь султана народов империи. Для преодоления личного страха и подавления национального возрождения в стране он приступил к организации массовых побоищ [11, с. 64]. Будучи не в силах решить национальный вопрос политическими средствами, кровожадный султан прибегал только к насилию.

И так, можно уверенно сказать, что в этих условиях в Османской империи сформировалось и со стороны Абдул-Гамида 2-го было реализовано решение “Армянского вопроса” – физическое уничтожение армян, которое с 1890-х годов стало единственно приемлемым вариантом на государственном уровне способом решения вопроса.

Обобщая принятые в историографии мнения и неопровержимые доказательства “гамидовской эпохи” об осуществлении политики истребления в Западной Армении и населенных армянами областях, можно утверждать, что преднамеренная, тщательно спланированная и воплощенная в жизнь на государственном уровне политика Абдул-Гамида 2-го против армян была началом или первым этапом геноцида.

Список литературы:

1. «Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году», – М., – 1896.
2. Вандал А., Армяне и турецкие реформы, – Санкт-Петербург – 1908.
3. Галоян Г., В перекрестках истории. – Ереван, – 1982.
4. Еазачеан г., Абдул-Гамид 2-й “Красный султан”, – Бейрут, – 1980.
5. Карапетян М., Геворгян Э., Мелконян Э., Абгарян А., Проблемы истории геноцида армян в армянской историографии. – Ереван, – 2010.
6. Киракосян Дж., Буржуазная дипломатия и Армения, – Ереван, – 1981.
7. Маркосян С., Положение западных армян в конце 19-го века. – Ереван – 1968.
8. Нейман М., Армяне, – Санкт-Петербург – 1899.
9. Нерсисян М., Неоспоримые документы об армянском геноциде. – Ереван – 2005.
10. Нерсисян М., Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма в 1850–1890 гг., – Ереван – 2002.
11. Оганнисян Н., Геноцид армян в просвещении арабской историографии. – Ереван – 2004.
12. Погосян В., Первый этап Геноцида армян по оценке французской общественной мысли и во французской историографии (конец 19-го-начало 20-го века), – Ереван, – 2005.
13. Сафрастян Р., Османская Империя. Генезис программы геноцида, (1876–1920 гг.), – Ереван, – 2009.
14. Cambon P., Correspondence, v1, – Paris, 1940.
15. Kurdes ét Arménien, Le Matin, – 29.11. 1895.

*Kabulov Eshbolta,
Termez State University, Termez, Uzbekistan
E-mail: eshbolta@mail.ru*

Traditional cattle breeding of Surkhan oasis (Uzbekistan)

Abstract: On natural and geographical features Surkhan's valley (Сурхандарьи) in Uzbekistan is ideally suited for development of all industries of agricultural industry and economy. In an oasis in comparison with other regions breeds of sheep which significantly differed from breeds of sheep of other regions got divorced. The data provided in article are analyzed on the basis of archive documents and ethnographic data. The author on the basis of ethnographic supervision provides data on some breeds of sheep which are not fixed in sources.

Keywords: Oasis, agricultural industry, steppe, adyra, mountains, pastures, cattle breeding, meadows, breeds of sheep, shepherd.

*Кабулов Эшболта,
Термезский государственный университет,
Термез, Узбекистан.
E-mail: eshbolta@mail.ru*

Традиционное животноводство Сурханского оазиса (Узбекистан)

Аннотация: По природно-географическим особенностям долина Сурхана (Сурхандарьи) в Узбекистане идеально подходит для развития всех отраслей сельского хозяйства и экономики.

В оазисе по сравнению с другими регионами разводились породы овец, которые существенно отличались от пород овец других регионов. Приведенные в статье данные анализированы на основе архивных документов и этнографических сведений. Автор на основе этнографических наблюдений приводит сведения о некоторых породах овец, которые не зафиксированы в источниках.

Ключевые слова: Оазис, сельское хозяйство, степь, адыры, горы, пастбища, скотоводство, луга, породы овец, пастух.

Сурханский оазис по своей природно-географической характеристике считается регионом, имеющим широкие возможности для развития всех отраслей сельского хозяйства. В частности, благоприятный климат, просторные пастбища и разнообразие растительного мира в нём, а также периодическая последовательность времён года создают большие возможности для развития скотоводства. В оазисе растительные пояса по высоте располагаются следующим образом: степь, горный склон (холмистая местность), гора, пастбища (высокогорье). К степной зоне относятся земли, которые находятся на 500–600 метров выше над уровнем моря. Эта зона составляет 51,1% территории оазиса [9, с. 197]. Для степи характерны климат, почва и растительный покров степного типа. Все растения здесь, в основном, пытаются влагой редких осадков. Степные пастбища для каракульских овец и верблюдов являются круглогодичными выпасами, а для других видов скота — только весенними.

Склоны гор (адыры) находятся на высоте 400–1200 метров над уровнем моря. Когда в степях высыхают растения, разнообразная дикая и культурная флора даёт возможность перейти на следующий этап для выпаса скота.

В горах (средней высоты) расположенных на высоте от 800–1000 метров до 2000–2700 метров над уровнем

моря растут растения, приспособленные расти в адырах, а в верхних частях кустарники (шиповник, боярышник, барбарис и другие), лиственные породы (орех, алыча, вишня, яблоня, клён, карагач), арчевые рощи, растущие на влажной почве. Большая часть скота в оазисе летом пасётся в горных пастбищах. На высоте 2500–2700 метров над уровнем моря расположены разнотравные луга, служащие в качестве кратковременных летних пастбищ для овец гисарской породы и табунной лошади. Зоны горных пастбищ занимают 48,9% от общей площади Сурханского оазиса [9, с. 197].

Как было сказано выше, периодическая последовательность роста растительного мира считается важным фактором в развитии скотоводства оазиса. Эти факторы играли важную роль особенно в развитии овцеводства. В Бухарском эмирате, особенно в Сурханском оазисе, уделялось большое внимание этой отрасли. В первых большая часть населения была занята этой отраслью; во вторых, она ещё играла важное значение в экономике оазиса. Это доказывает и тот факт, что, что если в Кокандском ханстве (существовало с 1709 г. по 1876 год) одну овцу меняли на 6–7 пудов пшеницы, то в Бухарском ханстве во время правления мангытской династии (1756–1920 гг.) на 13–18 пудов и даже больше. По этому, учитывая важное место

овцеводства в экономической жизни, прилагали все усилия для увеличения количества, и на улучшение породы овец. В конце XIX века в Бухарском эмирате общая численность овец составляла 6 миллионов [7, с. 65], а к концу XX века это цифра достигла 16 миллионов голов. Здесь откармливали следующие шесть пород овец: арабские или каракульские овцы, туркменской и афганской породы, овцы полученные путём скрещивания овец каракульской и афганской породы, а также овцы киргизской и иранской породы [11, с. 9–10].

На пастбищах оазиса паслась порода овец, которая была приспособлена к здешнему климату. Например, в предгорьях Денауского и Байсунского бекств (название владения, правителем которого назывался бек), в основном, пасли овец гисарской породы (одна из разновидностей чёрных овец), которые давали много жира и мяса, летом их гоняли к выпасам горной зоны. Шерсть этих овец была грубой. В степных зонах этих бекств и в Шерабадском бекстве откармливали овец другой породы: «ислики» (грязная, чумазая) чёрная овца (в отличие от гисарских чёрных овец помельче и шерсть потоньше, ещё их называли овцами казахской породы), «галжаки» (привезенные из Афганистана), «чуваланг» (арабские, каракульские), «кургуза» (разведены от казахской и каракульские породы овец) и «сарджипаранг» (разведены овцеводом Сарджибаем) [2, с. 53].

Население Сурхан-Шерабадской местности для мяса и жира откармливали в основном гисарских овец или «ислики» — чёрных овец, эти овцы по строению туловища и курдюка назывались по разному. Например: «капгир думба» (шумовка образный курдюк), «ойна думба» (круглый как зеркальца курдюк), «шалти думба» (висячий курдюк). Иногда вес курдюка хорошо откормленной овцы (барана) «капгир думба», доходил до 30–35 килограммов. Овец породы «ойна думба» давали больше жира, чем мяса. Овец породы «шалти думба» давали столько жиру, что и овцы «капгир думба», но овцеводы из породы «шалти думба» не держали барана в качестве производителя. Потому, что гисарские и «ислики» чёрные бараны породы «шалти думба» после ожирения не могли ходить, им мешали тяжелые курдюки. Поэтому пастухи в качестве барана-производителя для овцематок выбирали баранов с длинными поясницами и ростом, с продолговатыми головами и мордами породы «капгир думба» (с шумовкообразным курдюком) и одного барана для случки больше двух лет не держали. Чабаны также учитывали, чтобы овцематка не мучилась в период окота, не выродилась и не мельчала порода. В разных бекствах Сурханского оазиса в зависимости от климата, качества трав, от ухода овцы имели разный вес. Например: гисарские породы в предгорьях Гисара, Денау и Сариясия давали 180–200 килограммов, а породы «ислики» — чёрные овцы — до 90–110 килограммов мяса и жира.

Одним из основных регионов Бухарского эмирата, специализировавшегося на откорм овец являлся Байсунское бекство. По описанию Н. А. Маева, важным богат-

ством узбеков-кунгратов и вообще всех байсунцев, были овцы, которых пасли выгоняя на горные склоны. Зимой скотоводы Байсуна пасли овец в степях, расположенных между Карши и Гузаром Кашкадарьинского оазиса. В селении Гузар они своих овец продавали купцам, которые везли их для перепродажи через город Карши в Бухару или через Шахрисабз в Самарканд [5, с. 327].

Рисунок 1. Овца каракульской породы

В скотоводстве Сурханского оазиса каракулеводство считалось отраслью, имеющее мировое значение. Каракульских овец называют одними из древнейших среднеазиатских пород. Споры о происхождении породы ведутся до сих пор. Некоторые ученые считают, что на выведение каракульской породы потрачены тысячи лет. Раскопки в Туркмении дали сведения, что овцы, очень похожие на каракульских жили на той земле за несколько тысяч лет до нашей эры.

Некоторые исследователи имеют мнение, что овцы, имеющие ценный мех, были завезены в среднеазиатские земли арабскими завоевателями, а уже после местные жители направили усилия на тщательный отбор и откормку овец. Так и была создана каракульская порода. Эту теорию подкрепляет еще и тот факт, что местные жители называют каракульских овец «араби». Мнений и гипотез очень много относительно древних корней этих овец.

Какое бы происхождение не имели каракульские овцы, их современников разводят во многих странах: в Украине, России, Средней Азии, арабских странах, Америке и даже Африке. Каракульская порода прекрасно приспособлена к жаркому, засушливому климату, что делает ее разведение возможным в странах, близких к экватору.

Одна из важнейших причин популярности и повсеместного разведения этой породы, это большая ценность шкурки ягнят, или, как правильно их называют, смушков. Производители меха их называют — каракуль. Смушки каракуля добывают путем убивания ягнят в первые дни их жизни, шкурки имеют большой спрос и напрямую зависят от возраста приплода. Смушки бывают самых разнообразных цветов — белыми, серыми, голубыми, молочными и черными, что делает их еще более ценными.

Овцы имеют суховатое, поджарое тело при крепкой конституции, поскольку приспособлены к содержанию в жарких условиях, выносливы и неприспособлены к кормам.

Они способны поедать более половины видов растений, растущих в местах их пастбищ, тогда как коровы и лошади — не более 20%. Молоко каракульских овец добывают за счет маток, чьих ягнят отобрали на производство смушек, а мясная продукция реализуется за счет особей, которые не подошли для качественных смушковых (возраст 7–8 месяцев) и за счет старых овец.

Каракульские овцы относятся к длиннохвостым овцам, имеют изогнутый английской буквой «S» хвост (в Сурхандарье их называют «чуваланг»), в основном он растёт до скакательного сустава.

Рисунок 2. Овечьи шкуры

Из недостатков специалисты отмечают, что при содержании овец в сыром климате, с большим количеством осадков и насыщенными пастбищами, овцы мельчают. Для их содержания идеален засушливый климат.

У арабских овец «чуваланг», которые давали ценные каракульские смушки, туловище не очень большое, но подвижные, у баранов рога большие, шерсть тонкая и длинная. Они откармливались, в основном, в степных и полу степных зонах оазиса за шерсть и смушки. Бараны овец этой породы давали до 40–50 килограммов мяса и жира, а овцы — до 25–30 килограммов, они больше нагуливали нутряной жир [8]. У чуваланг (арабских овец) шерсть по окрасу была ч (ш)ирози (бордового), гарди (цвет хаки), пайгами (синего), чёрного и светло-коричневого цветов, а каракульские смушки выделялись своими завитками, притягательностью и красотой. Шерсть чирози и светло-коричневых овец считалось высшего сорта, а каракульские смушки высоко ценились на мировом рынке. Каракульские смушки ценились не только в Бухарском эмирате, но и в России и Европе. Одна штука каракульской смушки стоила 9,5 рублей [12, с. 2].

Особенно, когда Бухара оказалась в протекторате у России, большое значение придавалось развитию каракулеводства, и год за годом отсюда вывозили всё больше каракульских смушек. Только за 1840–1849 годы было продано в России 398 тысяч штук каракульских смушек. Одна штука самой лучшей каракульской смушки чирози, светло-серого или светло-коричневого цвета обменивали на одну большую гисарскую овцу. Как мы отметили в оазисе были широко распространены овцы породы чуваланг (арабские овцы) синего (пайгами) и пепельного цвета [8].

На берегах Амударьи, в сопредельных с Афганистаном местах пасли овец породы «кургуза» (от: нераскрывшиеся коробочка хлопчатника). Эти овцы получены путём скре-

щивания чёрных овец породы «ислики» и чуваланг (арабские), они давали до 50–60 килограммов мяса и жира [4, с. 42].

На склонах Бабатага и адырах откармливали овец породы «галжаки». Овцы этой породы были завезены в Сурханский оазис из Афганистана. Овцы породы «галжаки» имели пегий, беловатый, серый и синеватый цвета и давали около 18–20 килограммов мяса и жира. Шерсть этих овец была очень тонкой, они, в основном, откармливались на шерсть, в большинстве случаев они рожали двойняшек [4, с. 42].

Ещё одной из пород овец, которую пасли на холмистых местностях оазиса, является «саржипаранг». Порода этих овец носит имя туркменского бая овцевода Сарджибая. Овцы этой породы давали около 50–60 килограммов мяса и сала, шерсть очень тонкая, от каждой овцы можно было получить до 2–3 килограммов шерсти [8]. На холмистых местностях Ак у берегов Амударьи пасли туркменских овец породы «ак гарди» (овцы пасшие в местности Ак) желтого и белого окраса. Распространение этих овец приходится на период, когда туркмены начали обживать берега Амударьи Шерабадского бекства в 60-е годы XIX века. В Бухаре этих туркмен называли «нонталаблар», то есть «ищущие хлеба» [6, с. 155].

Умножение пород, беречь породистых овец и развитие племенного хозяйства требовали от наших предков большого труда, терпения, соблюдения традиций и правил скотоводства. Бараны — производители, отобранные для получения потомства, отдельно откармливались в ангарах, в свою очередь, хорошо кормились и подготавливались и овцы. В южных регионах Бухарского эмирата случка овец с баранами начиналась с 1 октября [3, с. 73–74; 13, с. 73–74]. В частности, случка отобранных породистых баранов с овцами в горных зонах производилась 1–10 октября и в течение 40 дней, где бараны паслись вместе с овцами казахской породы, а получение приплода рассчитывалось на март месяц. В степных зонах случка производилась 15–25 августа и в конце декабря — первой половине января получали приплод.

Рисунок 3. Овцы казахской породы

Пастух (дахмарда) и подпасок (чуллик) независимо от того, что в отаре (в каждой отаре имелось 1000 голов овец) все овцы были похожи, умели отличать их друг

от друга. Если вдруг в отаре не оказалась хоть одна овца, они тут же замечали это и точно могли назвать по цвету овцу, которую потерялась. Пастухи, давали названия овцам и ягнятам в зависимости от возраста. Ягнятам давали традиционные названия, а когда они становились овцами, определяли их по зубам. Например, новорождённый ягненок назывался «*барра*» (молодой барашек), 2–3 месячный — «*ширвоз*» (молочный), 4–5 месячный — «*сароёк*», до одного года — «*габа*», годовалый — «*тукли*» (ярка), двухгодовалый — «*шишиак*», трёхгодовалый — «*чары*», четырёхгодовалый — «*панджи*», после пяти лет баран назывался «*манги*» [8]. У узбеков найман ягненок до одного года назывался — «*кузы*» (барашек), двухгодовалый — «*туклы*», трёхгодовалые самки — «*тусох*», а самцы — «*шишиак*», четырёхгодовалый — «*навчари*», на пятом — «*панджи*», на шестом — «*манг*» и на седьмом — «*чанг*» [14, с. 55].

Возраст овец определяли по зубам. До возраста «*шишиак*» зубы ягнёнка не выпадали. В возрасте «*шишиак*» средние два зуба выпадают, а на их месте вырастают большие зубы, в возрасте «*чары*» вырастают четыре больших зубов, а в возрасте «*панджи*» все пять передние зубы становились большими.

Мудрость наших отцов и дедов гласит: если хочешь купить овцу, купи ягнёнка или чары. Потому что мясо ягнёнка вкусное, по весу равно весам *чары* и *панджи*. Но в возрасте *шишиак* его мясо становится легче. Поэтому в народе говорят: «*шишиак суйдинг* — *пишиак суйдинг*», дословно: «резал *шишиака* — резал кошку».

В овцеводстве оазиса окотный период считается очень ответственным. Чтобы овцы ягнились без потерь, принимали все меры. Отбирали породистых для продолжения потомства, а остальных кастрировали в течение 10–15 дней после рождения. Кастрированные ягнята откармливали на убой и в возрасте *панджи* их продавали. После кастрации ягнята быстро набирали веса и их мясо было аппетитным, вкусным.

Стрижка овец имела большое значение, и она осуществлялась два раза в году. В горных и предгорных зонах оазиса первая стрижка производилась после окота, в конце

апреля, а в степных зонах производилась в конце марта. Эта шерсть считалась мёртвой, омертвевшей. Потому что после морозных и дождливых дней шерсть овец становилась грубой, лохматой. С наступлением весны под старой шерстью начинает вырастать новая. Новые пушки начинают отталкивать старую шерсть, и она отделяется от тела. Отделившаяся от тела шерсть перестаёт расти и эта шерсть считается омертвевшей.

Рисунок 4. Стоянка пастуха

В предгорных зонах оазиса вторая стрижка начиналась в конце августа, а в степных зонах — в начале сентября. И эта стрижка называлась стрижкой живой шерсти (тирик кирким). Шерсть второй стрижки не отделялась от тела, поэтому её называли живой шерстью. Шерсть второй стрижки по сравнению с первой была качественной и объёмной. На мировом рынке и на шерсть, и на смушки спрос был большой. Россия каждый год на покупку извне: шерсти, кожи и жира тратила до 45 миллионов рублей. Поэтому в Бухарском эмирате обращали большое внимание на развитие овцеводства и за короткие сроки Бухара стала в ряду государств, имеющих свой мировой рынок по реализации шерсти и каракульских смушек [10, с. 1]. В 1801 году из Бухары в Россию было экспортировано шкуры на 45,5 тысяч рублей, с 1841 по 1850 годы каждый год — на 83,4 тысячи рублей, уже в 30-годы XIX века экспортировано до 200 тысяч, а в 1879 году — 500 тысяч штук [1, с. 157]. В целом овцеводство считается отраслью, имеющей своё прочное место в экономике оазиса.

Список литературы:

1. Батраков В. С. Особенности развития сельского хозяйства Бухарского ханства с половины XVIII до 70-х гг. XIX века // Труды ТашГУ, Вып. 193. – 1962. – С. 154–184.
2. Кабулов Э. Термины животноводства Сурханского оазиса // Материалы научно-практической конференции. – Термиз, – 2010. – С. 53.
3. Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы южного – Таджикистана. – Сталинабад, – 1954. 169 с.
4. Кичкилов Х., Кабулов Э. Традиции предков в овцеводстве Сурхано-Ширабадского оазиса // Жайхун, – 2005, – № 3–4. – Б. 42.
5. Маев Н. А. Географический очерк Гисарского края // Материалы по статистике Туркестанского края. Вып. 5. – СПб., – 1874. – С. 327.
6. Маев Н. М. Очерки Бухарского ханства. Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 5. – СПб., – 1879. – 400 с.
7. Покотило. Отчёт о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 г. – Ташкент, – 1888. – 168 с.
8. Полевые записи автора по селениям Сурхандарьи, – 2000, – 2001 гг.

9. Сатторов А. У. Особенности развития и размещения сельских населённых пунктов Сурханьдаринского вилоята. Автореф. дисс. канд. геог. наук. – Ташкент, – 2009. 26 с.
10. Туркестанские ведомости. – 1910, 14 декабрь.
11. ЦГА РУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 115-а. – С. 9–10.
12. ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 12. Д. 1915. – С. 2.
13. Шаниязов К. Узбеки-кардуки. – Ташкент: Фан, – 1964. – 195 с.
14. Этнографическое изучение быта и культуры узбеков. – Ташкент: Фан, – 1972. – 160 с.

Section 3. Cultural studies

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-17-19>

*Ovcharenko Tatiana Stanislavovna,
Ph. d. Associate Professor of cultural studies,
culturology and fine arts, ONPU, Odessa,
E-mai: azora2013@yandex.ua*

Some aspects of the creation of the theatre collection: search for identity in contemporary art

Abstract: this article discusses the issues and opportunities identification collecting itself through the collection. On the examples of theatrical collection demonstrates the mutual influence of the choice of subjects and collection phases of its creation. Among the aspects of creating a collection should be allocated-motivation and functional purpose, articulation and the result of collecting.

Keywords: collection, a theatre collection, systematization, articulation of identity.

*Овчаренко Татьяна Станиславовна,
кандидат культурологии, доцент кафедры
культурологии и искусствоведения,
ОНПУ, г. Одесса
E-mai: azora2013@yandex.ua*

Некоторые аспекты создания театральной коллекции: поиск идентичности в актуальном искусстве

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы коллекционирования и возможности идентификации себя через коллекции. На примерах театральных коллекция показано взаимовлияние выбора предметов коллекции и этапов ее создания. Среди аспектов создания коллекции следует выделить — мотивацию и функциональное предназначение, артикуляцию и результат коллекционирования.

Ключевые слова: коллекция, театральная коллекция, артикуляция, систематизация, идентичность.

Несмотря на то, что долгие годы государство уничтожало все виды коллекционирования (нумизматику, филателию и т. д.), процесс создания коллекций можно рассматривать как активную культурную и социальную деятельность, наделенную ценностью. По мнению С. Пирс «коллекционирование претендует на то, чтобы рассматриваться как нравственная активность, которая как и игра, и любовь, облагораживает человека» [1, с. 208]. Анализируя этапы развития и становления «науки коллекционирования», мы можем выделить определенные исторические периоды, в которые функции и мотивы коллекционирования менялись. Например, в 18 веке коллекционирование приравнивалось к меценатству и служило для многих целью «самоутверждения» в обществе, получения «нужного» статуса, чинов и званий. Однако, были и жертвователи (П. Третьяков, С. Мамонов, С. Морозов) [2, с. 169].

В 19–20 веках, в век технического прогресса появляются коллекционеры-интеллектуалы, которые не только соби-

рали понравившиеся им предметы, но и узнавали о них все подробности. Таких людей называли «библиофилами».

Постмодернистское общество выдвинуло на первый план новый тип коллекционера — безумца, маньяка, психопата. Это хорошо видно на примерах из художественной литературы («Парфюмер» П. Зюскинда, «Летучие собаки» М. Байер, «Коллекционер» Дж. Фаулз) [3]. Да, и само искусство коллекционирования теперь рассматривается с точки зрения медицины, психологии, социологии.

Однако есть и другой тип коллекционера — художник, творец. О соединении коллекционирования и творчества указывает М. П. Барболин: «коллекция подразумевает определенный способ ее формирования, подчиняющийся законам драматургического действия. В ней есть начало — восходящий путь развития — окончание. Только такая коллекция, отвечающая принципам динамики и целостности, способна интеллектуально и эстетически воздействовать на зрителя» [4].

Анализируя и рассматривая театральные коллекции, можно отнести их типу систематических, так как отличительным признаком их организации есть некая научная система. Они по сути своей, вторичны, так как не создают ничего нового, а только соединяют уже существующие предметы. Театральные коллекции также, дают возможность соединить в себе разнородные по структуре, материалу, своей истории вещи.

О таких неординарных коллекциях пойдет речь в нашей статье. Три разных автора, три разные коллекции. Для многих коллекционеров сам процесс создания коллекции очень важен: она позволяет завести новые знакомства; выделяет его в особую группу людей — знатоки, библиофилы; коллекция играет главную роль «в стабилизации человеческого существования, в обеспечении познавательной, аксиологической, эмоциональной, поведенческой безопасности» [1, с. 361].

Предметы в них разнородны, но по тематике их можно отнести к театральным коллекциям:

– Горбунов Иван Федорович — писатель, актер, создатель музея «Артистического фойе» при Александринском театре. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Случай свел его с драматургом А. Островским и актером П. Садовским, и началась его литературная и артистическая карьера. Был актером особого жанра — короткого рассказа-сценки, основанного на бытовом материале. Стал писать книги о театре: «Первые русские придворные комедианты», «Московский театр в 18 столетии», библиографический словарь деятелей театра «Драматические деятели в их биографиях с основания русского театра до наших дней», книга «Материалы по истории русского театра. Каталог портретов». Его коллекция стала основой для нового театрального музея — ныне Государственный музей театрального и музыкального искусства в Петербурге;

– Бартрам Николай Дмитриевич — художник, историк искусства, музейный деятель, создатель Музея игрушек, любитель кукольного театра. Родился в семье художника, человека образованного и талантливого (владел многими ремеслами и сам изготавливал игрушки и шкатулки). Николай Дмитриевич в 1908 году создал музей игрушек, в коллекции которого были игрушки из разных материалов и для разных возрастов. В 1900–1903 году ездил в Европу, с целью посещения центров игрушечного производства. В 1918 году музей стал государственным и пополнился игрушками из Ливадии (из коллекции царской семьи). По воскресеньям в музее проводились театральные спектакли, с использованием кукол.

– Вальц Карл Федорович — механик-машинист сцены, художник-декоратор. Обучался в Дрездене у профессора театрально-декорационной живописи королевского оперного театра О. Рама, затем у профессора К. Гропшиуса. В 15 лет работал художником-декоратором в Большом театре, а в 1869 году заменил отца. Стал первым создателем технических и световых эффектов, сопровождал в Париж знаменитую антрепризу Дягилева. Среди его известных работ: финальная сцена в «Лебедином озере» — вихрь из веток и сучьев деревьев, которые летали, ломались, падали в воду и уносились волнами, а после «грозы» наступила заря и деревья осветились солнцем. В его коллекции: предметы «театральной машинерии», чертежи, схемы, эскизы декораций, инструменты и приспособления для оформления спектаклей, модели и макеты, а также, книги по искусству театра и механике сцены. Сейчас его коллекция находится в театральном музее А. А. Бахрушина [5].

Таким образом, судьба каждого отдельного коллекционера и его коллекции неповторима, имеет много скрытых мотивов и не может рассматриваться отдельно от исторического периода. В постмодернистском обществе акцент делается не на благородной миссии коллекционирования (сохранение культурных артефактов, культурной народной традиции), а на поведении самого коллекционера, его желании заявить о себе, артикулировать свою значимость, оставить о себе след и воспоминание. Собирателем ищет себя в новом «симулякровом пространстве», в эпоху постмодернизма и глобализации. О симулякровом обществе пишет Ж. Бодрийяр: «Мы вступили в эру симуляции, наступление которой знаменует взаимозаменяемость противоречивых и диалектически противоположных элементов: красивого и уродливого, истинного и ложного, полезного и бесполезного на уровне объектов, природы и культуры на любом смысловом уровне» [6]. Ж. Бодрийяр выделял стадии создания образа и аспекты симулякра искусства: искусственность-вторичность-эфемерность-серийность. Все эти аспекты присущи современным коллекциям.

Следует согласиться с мыслью ученого, доктора философии Ренаты Таньчук, которая исследовала процесс коллекционирования и считает, что «роль коллекционера велика и неоспорима, но и роль предметов в коллекции также важна. Именно они (предметы коллекции) наделяют автора идентичностью и сами выступают проявлением идентичности автора. Они взаимозависимы» [1, с. 361].

Список литературы:

1. Таньчук Рената. Искусство коллекционирования. Коллекционирование как форма культурной активности/Пер. с польск. – Х.: изд-во «Гуманитарный центр», М. В. Григорьева, – 2016. – С. 208.
2. Боханов А. Н. Коллекционеры и меценаты в России. – М.: Наука, – 1989. – С. 169.
3. Запорожченко Ю. А. Герой-коллекционер в немецком постмодернистском романе/Материалы конференции: поэтика художних форм у сучасному сприйнятті. – Одеса: Астропринт, – 2012. – С. 288–299.

4. Барболин М.П., Голядкин Г.Н. Коллекционирование как способ сохранения, воспроизводства и устойчивого развития цивилизации: опыт осмысления и осознания//Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, – 2009. – № 1 (41). – С. 135–142.
5. Полунина Н.М. «Кто есть кто в коллекционировании старой России: Новый биографический словарь. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, – 2003. – 560 с.
6. Бодрийяр Ж. Соблазн. – М.: Ad marginem, – 2000. – 320 с. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/bodriy/index.php

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-19-22>

*Fokeeva Varvara Petrovna,
Moscow State Linguistic University
E-mail: barbara.fokeeff@gmail.com*

Aby Warburg's Schlagbild: visual images in political representation

Abstract: The paper deals with Aby Warburg's approach to the relationship between visual images, politics and to the appearance of political mythology from a cultural and philosophical point of view. Images and photos in virtual space are considered to be distinctive labels –“Schlagbilder” of historical events and periods, keeping their original energetic impulses and remaining deeply rooted in cultural memory and social consciousness.

Keywords: Schlagbild, Aby Warburg, visual image, cultural memory, political iconography, visual metanarrative.

*Фокеева Варвара Петровна,
Московский государственный
лингвистический университет
E-mail: barbara.fokeeff@gmail.com*

Schlagbild Аби Варбурга: визуальные образы в политической репрезентации

Аннотация: В статье с культурфилософских позиций рассматривается подход немецкого искусствоведа и теоретика культуры Аби Варбурга к связи между визуальным образом и политикой к появлению «политической мифологии». Изображения и фотографии в виртуальном пространстве становятся своеобразными ярлыками — «Schlagbilder» исторических событий и веж, сохраняя первоначальный энергетический импульс и глубоко укореняясь в культурной памяти и общественном сознании.

Ключевые слова: Schlagbild, Аби Варбург, визуальный образ, культурная память, политическая иконография, визуальный метанарратив.

Возникновение новых медиа способствует массовому распространению информации и ее визуализации в социальных сетях, блогах, Twitter, Youtube: воздействие неформального и лишенного профессиональных комментариев фото — или видеоряда сопоставимо с эффектом телевизионных трансляций при возможности охвата значительно большей аудитории.

Изображение раскрывают собственную динамику и начинает генерировать новые смыслы, малосвязанные с информационным поводом, и в этом смысле не является объективным отражением реальности, а наоборот — фильмом, ограничивающим часть многоплановой действительности. Более того, ряду социальных проблем удается лишь в том случае получить известность и релевантность, когда их визуализируют: «я верю, только когда вижу», так можно переформулировать известное высказывание, кото-

рое доказывает незыблемую доминанту изобразительного. От изображения ожидается по умолчанию, что оно воспроизводит реальность точнее и непосредственнее, чем текст или язык. Нам более не рассказывают о мире, его показывают. Однако и изображения такой же субъективный способ повествования, маскирующий субъективность под неодушевленность фотоаппарата или камеры, на самом деле представляя интерпретацию и видение фотографа. Контекст возникновения, адресаты, условия восприятия и распространения — точно такие же субъективные манипуляторные факторы.

Наделение объективностью текста или языка, в раскрытии действительности отступило на второй план, а в современном культурном пространстве визуальный образ, не обремененный материальностью, «физическим телом», переходит в виртуальное пространство и полно-

стью приобретая самостоятельный статус. Перед визуальным пространством в прямом смысле открываются новые перспективы, связанные с достижениями науки и новыми формами мышления, которые предлагаются современной наукой. Из линейной парадигмы оно переходит в нелинейную — с новыми способами познания и понимания мира. Визуальное пространство более не дискретная среда, а информационный континуум. Создание и распространение образов стало возможным благодаря новым сверхмощным технологиям, ориентировано на них и показывает небывалый прорыв как в количестве образов, так и в способах их формообразования и усилившегося воздействия и влияния. Так, визуальной образ повсеместно присутствует в деле общественной и политической манипуляции, психологического и эстетического воздействия, в современных формах рекламы, в «войне изображений» — ситуаций фальсификации, когда для иллюстрирования событий прилагаются кадры, оказывающие мощный психологический эффект, однако не имеющие отношения к реальному происшествию.

XX век дал такое понятие, как «политическая мифология», политическая деятельность с точки зрения историка искусства, это опирающееся на образность своеобразное символическое представление на политической сцене, находящее подпитку в традиции. Плачущая вьетнамская девочка, убегающая от напалма, солдаты штурмующие Рейхстаг и водружающие на него советский флаг, астронавт Нил Армстронг на Луне, самолеты, поражающие башни-близнецы в Нью-Йорке. Зритель может быть даже едва знакомым с историей, однако память моментально услужливо предлагает подходящую иллюстрацию. Таких изображений сотни, они формируют архив памяти, своего рода иконы, откладывая глубокий отпечаток на мировосприятие. Для анализа таких образов недостаточно лишь констатации наличия символического, они требуют научной реконструкции истории восприятия и заимствования определенного образного мотива, не увлекая ученого в мир свободных ассоциаций.

Будет также уместно предположить следующее тождество: образ есть политика, возможно, это утверждение даже более глубоко укоренное в сознании, поскольку образ (череду или какую-либо вообще последовательность образов) можно рассматривать и как прамыслительный процесс, поскольку множество образов существует в коллективном бессознательном. В определенные исторические моменты они становятся достоянием политического, а политическое, в свою очередь, становится достоянием образов.

Труды выдающегося немецкого историка искусства и теоретика культуры Аби Варбурга, уникальный подход и новаторские идеи оказали колоссальное влияние не только на дальнейшие исследования образов, но и на преобразование «политического» из практической области в область культурфилософскую.

Подход Варбурга представляют собой яркий пример того, как «историк образов» обращается к источникам.

Не только следы языческих античных образных мотивов отражаются в произведениях Ренессанса, в ходе его аналитических поисков образы инвертируются и в настоящее время, не теряя силы своего воздействия. Аби Варбург начинает интересоваться соотношением политики и визуального образа в связи с началом Первой мировой войны. Для более емкого и ясного выражения своей мысли Варбург изобретает собственную терминологию, понятийный аппарат.

Так, один из важнейших терминов для нашей работы, *Schlagbild*, образный лозунг или слоган, является одним из многочисленных неологизмов Варбурга, сложно переводимых на русский язык из-за игры слов. Варбург развил понятие «*Schlagbild*», опираясь на журналистскую профессиональную лексику и соотнося его со словами *Schlagwort* или *Schlagzeile* — броским, «лозунговым» заголовком на титульной странице газеты, только в данном случае функцию заголовка получает изображение. Варбург использует журналистское клише для того, чтобы не только подчеркнуть культурное превосходство образа над словом, но и чтобы отметить родство их функций. Как лозунг обозначает громкое и зачастую спорное понятие или идею, которая у всех на слуху, так и образ, создающийся и использующийся (в частности в политических целях) с акцентом на психологическое воздействие на зрителя, легко запоминается и воссоздается перед мысленным взором.

Привлекательность таких *Schlagbilder* — энергетически заряженных визуальных композиций — заметна в политическом контексте для воздействия на зрителя и артикулирования острых тем [8, с. 456, 466]. Освобожденные из контекста, они могут истолковываться как устойчивый репертуар визуальных архетипов, наследуемый отчасти биологически и оттого непосредственно доступный пониманию каждого, для которого европейское культурное пространство является родным. Основанием для такой интерпретации отчасти послужил последний проект Варбурга атлас «Мнемозина», охарактеризованный некоторыми исследователями как «история искусства без текста» [6, с. 66], хотя иные усматривают в этой интерпретации недопонимание, указывая на то, что Варбург планировал два сопроводительных тома к атласу [5, с. 78–79; 8, с. 14, 603].

Понятие *Schlagbild* Варбург впервые использует в статье «Язычески-античное пророчество лютеровского времени в слове и изображении» [7, с. 513, 520], — применительно к листовкам эпохи Реформации. Они кочевали между севером и югом как «встревоженные зловещие буревестники» с напечатанными изображениями, расшатывающими из без того неустойчивую политическую ситуацию в эпоху религиозных войн и подогревающими стороны на продолжение борьбы. В существующем русском издании предлагается вариант «прокламация» [1, с. 272, 284]. Такие прокламации представлялись Варбургу предшественниками современных средств политической пропаганды.

О взаимосвязи с политическим воздействием визуального, в частности, портретного искусства в ходе Реформации и проекции этого воздействия на опыт Первой мировой войны, а также о переносе явления на современную политическую реальность существуют научные изыскания [4; 9, С. 58–83]. Так, термин *Schlagbild*, как определенный тип изображения, которое вновь и вновь появляется в политическом и общественном контексте, появляется в монографии историка искусства Михаэля Дирса [4]. Для исследователя он занимает промежуточное положение между символом и иконическим знаком, образуя стержень «политической иконографии» — направления визуальных исследований, описывающего и интерпретирующего художественную инсценировку политического контекста. Что касается термина «иконический знак», который трактуется как «сжатое» изображение, то есть, выраженное в лаконичной форме подчеркнуто ясное, но, возможно, неоднозначное по значению положение *pro* или *contra*, то есть стремление сильно подчеркнуть событие, даже если оно и будет подано с некоторой долей иронии, сатиры или же презрения, но ясно освещенное. Словом, все, что может привести к полемике, то, что в конечном счете будет у всех на устах, таковой функцией обладает изображение, как перводвижитель к действию, будь то, например, реклама или листовка. Таким образом, в контексте этих трех терминов — *Schlagbild*, иконический знак и символ — разрабатывается концепция политической иконографии. Дирс непосредственно обращается к политической иконографии, а именно рассмотрению современной истории общественного медийного образа, приобретающего все более значимую роль, с помощью искусствоведческих методов, и в центре его исследования стоят не особенности произведения искусства, но особенности образа, что подчеркивает специфическую взаимосвязь этого понятия с политической иконографией как области исследования образов-лозунгов.

Такой подход корреспондирует с одним из тезисов Варбурга, к которому он пришел во время Первой мировой войны, когда демонстрация военного потенциала и агрессии стала злоупотреблением в целях массовой пропаганды. Таким образом именно война заставила его рассматривать себя не как историка искусства, но как историка образности в целом, признавая все возрастающую значимость изображений, определяющую общественную жизнь как доминирующее средство — как коммуникации, так и воздействия на восприятие человека. Предпосылкой для истории образов является признание коллективной памяти, аккумулирующей их неистощимую палитру.

Хорст Бредекамп проводит параллель между мотивами демонстрантов, уничтожающих изображения румынского президента Николае Чаушеску и представителями иконоборческого движения IX века [3, с. 5–6]. Воздействие образов возможно изучить лишь при обращении к глубинным уровням генезиса образа и формам обращения с изображением. По мнению Бредекампа, успех румынской револю-

ции связан с захватом телевизионной станции, а поражение американцев во войне во Вьетнаме произошло отчасти из-за ее постоянного освещения по телевидению [3, с. 6].

Политическая деятельность с точки зрения теоретика культуры, это опирающееся на образность своеобразное символическое представление на политической сцене, находящее подпитку в традиции.

Так, например, федеральный канцлер ФРГ Вилли Брандт, преклонивший колена перед памятником Варшавскому гетто, ассоциативно связывается со знаменитым «Хождением в Каноссу» германского императора Генриха IV и скульптурной группой «Скорбящие родители» архитектора Кете Кольвиц на бельгийском военном кладбище Владсло. Однако для анализа *Schlagbilder* недостаточно лишь констатации наличия символического, эти образы требуют научной реконструкции истории восприятия и заимствования определенного образного мотива, не увлекая ученого в мир свободных ассоциаций.

Помимо рекламы также богатое поле для исследования в русле политической иконографии представляют памятники и монументы, каковыми становятся фотографии в средствах массовой информации. Они по-варбургски тоже могут рассматриваться и толковаться как *Schlagbilder*.

Таковыми *Schlagbilder* могут быть рекламные изображения (Бенеттон), фотографии из СМИ (встреча Ясира Арафата и Ицхака Рабина), художественные произведения (граффити Д. Врубеля с поцелуем ген. секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева и руководителя ГДР Эриха Хонеккера), архитектурные сооружения и исторические памятники (Берлинская стена, башни-близнецы в Нью-Йорке).

Французский философ Поль Вирильо пишет, что в эпоху симуляций общественное изображение заступает общественное место и берет на себя его функции, поскольку репрезентативное представление становится важнее происходящего в действительности [2]. И в самом деле, не рациональный дискурс, не выразительные средства языка литературных произведений или изобразительного искусства знаменуют опыт XX века, но изображения в средствах массовой информации или рекламы проникают в коллективную память и ее формируют. Обладая значительно более мощным воздействием, чем вербальные средства выражения, они несут в себе информационное послание и сообщают зрителю эмоциональный заряд, который закодирован и сложно формулируется с помощью слов, но однозначно воспринимается и трактуется зрителем на уровне чувственного, эмоционального восприятия. Появляясь миллионными тиражами, визуальные образы-прокламации фиксируют и документируют политические события и процессы и сами становятся инструментом в руках политических деятелей, которые — интуитивно или сознательно понимают силу их воздействия и создают легкозапечатлевающиеся паттерны — *Schlagbilder*, учитывая ради необходимого успеха эстетические критерии зрителя, особенности психологии восприятия и культурную традицию изображения.

Итак, выведенные из области мнемы, коллективной памяти, образы ради определенного воздействия на человеческое сознание оказываются не только реактивированными уже в индивидуальной памяти, но и заведомо помещенными в политический дискурс, что, рано или поздно, приводит к появлению новых категорий, которыми живет философия: онтологические вопросы становятся переходными и теряют всякую устойчивость, эстетика, преломляясь через призму политического, преобразуется в не-эстетику, а политическое, в частности философия, делается метаполитическим.

В отличие от все более расплывчатого понятия «визуальных исследований», в «науке об образах» у Варбур-

га видна четкая направленность в историю образности, в рамках науки о культуре. В этом контексте образы выступают не только как пассивные носители информации, благодаря которым можно прочесть историю, но как каждый образ выступает как визуальный «метанарратив», который сам может конструировать и созидать историю. Однако аккумулируемый энергетический объем, сохраненный в коллективной образной памяти, обязывает в той же мере, в какой и открывает новые перспективы. «Торопливые странники» на территории сравнения образов очевидно совершенно не те, кому Варбург чувствовал себя обязанным [10, с. 297].

Список литературы:

1. Варбург А. Великое переселение образов. Исследование по истории и психологии возрождения античности. – СПб: Азбука-Классика, – 2008. – 384 с.
2. Вирильо П. «Машина времени». – СПб.: Наука, – 2004 г. – 139 с.
3. Bredekamp H. «Du lebst und thust mir nichts». Anmerkungen zur Aktualität Aby Warburgs. In: Aby Warburg: Akten des internationalen Symposions. Hamburg, 1990/Hrsg. H. Bredekamp. Weinheim, – 1991. – S. 1–7.
4. Diers M. Schlagbilder. Zur politischen Ikonographie der Gegenwart. Frankfurt/Main: Fischer-Taschenbuch-Verl., – 1997. – 224 s.
5. Hoffman K. Zu Aby Warburgs “Gedächtnis”. Bemerkungen anlässlich von Dorothee Bauerle: «Gespenstergeschichten für Erwachsene». Ein Kommentar zu Aby Warburgs Bilderatlas Mnemosyne – 1988. In: Kritische Berichte, Bd. 16, H.4, – 1988. – S. 78–79.
6. Schug W. Grundmuster visueller Kultur: Bildanalysen zur Ikonographie des Schmerzes. Wiesbaden: VS-Verl. – 2012. – 288 S.
7. Warburg A. Heidnisch-antike Weissagung in Wort und Bild zu Luthers Zeiten. in: Warburg A. Gesammelte Schriften. Bd. I, 2. Die Erneuerung der heidnischen Antike. Beiträge zur Geschichte der europäischen Renaissance. Berlin: Akademie Verlag Berlin, – 1998. – 282 S.
8. Warburg A. Werke in einem Band. Berlin: Suhrkamp, – 2010. – 913 S.
9. Warnke M. Vier Stichworte. In: Die Menschenrechte des Auges: über Aby Warburg. Hrsg. von Werner Hofmann, Georg Syamken u. a., Frankfurt am Main: Europäische Verlagsanstalt, – 1980. – S. 53–83.
10. Zöllner F. „Eilig Reisende“ im Gebiete der Bildvergleihung“. Aby Warburgs Bilderatlas ‚Mnemosyne‘ und die Tradition der Atlanten. In: Marburger Jahrbuch für Kunstwissenschaft 37, – 2010. – S. 279–304.

Section 4. Philology and linguistics

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-23-25>

*Iliukhin Aleksei Nikolaevich,
Institute of Oriental Studies of A. Krymskyi
National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv
E-mail: bogard8@gmail.com*

Genealogy of Indonesian language: influence of Sanskrit

Abstract: Through this research the main influence of Sanskrit on Indonesian and Malay languages were investigated. The impact of Sanskrit borrowings on the formation of the Indonesian language vocabulary was also studied.

Keywords: Indonesian language, Malay language, Sanskrit.

*Илюхин Алексей Николаевич,
Институт востоковедения им. А. Ю. Крымского
Национальной академии наук Украины, Киев
E-mail: bogard8@gmail.com*

Генеалогия индонезийского языка: влияния санскрита

Аннотация: В рамках этого исследования основное влияние санскрита на индонезийский и малайский языки были исследованы. Было также изучено воздействие санскритских заимствований на формирование индонезийского языка.

Ключевые слова: индонезийский язык, малайский язык, санскрит.

Первые языковые контакты с Нусантарой (термин, обозначающий в средневековой яванской литературе территорию, которая входила в состав империи Маджапахит с центром на о. Ява) берут свое начало на зоре нашей эры. Один из самых значимых контактов произошел вследствие контактов с индийской культурой. Развитие торгового ремесла и стремление открытия новых рынков сбыта были главным мотивом, который привел ранних посетителей из Индии. Индийцы не завоевывали и не аннексировали земли для своего государства. Тем не менее, индийское проникновение оставило после себя большое культурное наследие, включая систему письма, лунно-солнечный календарь, космогонические мифы, литературное наследие, такое как эпос «Рамаяна», административные и правовые понятия, острое чувство социального ранга, а также некоторые понятия кастовой системы [6].

Что касается системы письма, то форма письменности заимствовалась в Индии и использовалась во многих языках индонезийской подгруппы, в частности в яванском и редко в малайском языках. Что касается заимствований лексики, то это больше относится к малайскому языку, где можно найти семантические поля заимствований из санскрита [5].

Если говорить о влиянии на малайский язык, то необходимо принять во внимание тот факт, что самые ранние письменные памятники любого из языков индонезийского

региона были написаны на санскрите. Так, один из примеров — это надписи, найденные в районе Кутей в восточном Калимантане. После подробного изучения этих надписей, голландский индолог Йоханнес Г. де Каспарис приходит к выводу, что их можно отнести по палеонтологическим доказательствам к 400 г. н. э., или, возможно, ко второй половине четвертого века. В последующие века встречаются и другие надписи на санскрите, которые широко разбросаны по всему региону: в западной Яве, на Малайском полуострове и центральной Яве. Еще одни примеры письменности нашли на о. Суматра, датируемые 683 г. н. э. и более поздние в 684 г. н. э. и 686 г. н. э. периода Сривиджая (древнее малайское царство с центром на острове Суматра, распространялось также на острова Малайского архипелага и на побережье Юго — Восточной Азии). Все они написаны индийским письмом, но речь древнемалайская. Так, голландец М. Батенбург обнаружил писания «Кедукан Букит» 29 ноября 1920 в регионе южной Суматры, на берегу реки Татан. Это самый старый из сохранившихся образцов малайского языка, в форме, известной как древнемалайский. Находка представляет собой небольшой камень 45 на 80 см. Эта надпись датируется 683 г. н. э. и содержит большое количество слов на санскрите [4].

Что касается самого процесса влияния санскрита, то первые гипотезы, которые предполагали, что главное

воздействие осуществлялось древнеиндийскими купцами, были отвергнуты по той причине, что «этот слой населения не настолько образован, что бы привнести слова с таких сфер жизни, как религия, юриспруденция, философия и др. Основную современную теорию влияния выражает Йоханнес Г. де Каспарис и считает, что индийское влияние на позднюю индонезийскую цивилизацию частично возникло в результате деятельности небольшого количества индийских брахманов и буддийских монахов, которые находились на службе в индонезийских судах в качестве советников, а также благодаря тем индонезийским паломникам и студентам, которые посещали священные места в Индии и были учениками индийских гуру [4]. Эклектичный характер индийских элементов в индонезийской культуре и культурах Юго-Восточной Азии вполне подтверждает эту теорию.

Для полного понимания исторического процесса усвоения малайским языком заимствованных слов из санскрита, мы должны сделать экскурс за пределы собственно поля исследования в древнеяванский язык по двум важным причинам: во-первых, доказательства развития древнемалайского языка в более позднюю малайскую форму не совсем последовательны, к тому же, они немногочисленны. Древнеяванские писания появляются через столетие, после древнемалайских, но письменных примеров на древнеяванском языке намного больше [4]. Древнеяванский язык предоставляет письменные доказательства своего существования, а древнемалайский — нет, кроме тех нескольких примеров приведенных выше. Вторая причина заключается в том, что многие из санскритских слов попали в малайский язык через яванский. В связи с этим, востоковед Дж. Гонда выдвигает теорию, что их яванская форма была промежуточной стадией попадания в малайский язык и принятия формы той, которую имеет сейчас [5].

Значительное признание в поле заимствований из санскрита получила работа Дж. Гонды «Санскрит в Индонезии» [5]. Именно эта работа является основой классификации заимствованных слов по семантическим полям, которые мы будем рассматривать ниже.

Боги. Это естественно, что в малайском языке можно найти санскритские имена для божеств: «Брахма» — *Brahma* (санскр. *Brahma*), «Вишну» — *Wisnu* (санскр. *Visnu*), «Индра» — *Indra* (санскр. *Indra*), «Шива» — *Siwa* (санскр. *Siva*) и т. д. Слово «бог» — *dewa* также пришло из санскрита *deva*.

Религия и мистика. Здесь мы находим такие слова, как «душа» — *atma* (санскр. *atma*), «дух» — *sukma* (санскр. *sukma*), «концентрация мысли» — *cita* (санскр. *citta*, с которого пошло малайское *cipta* — «создать»), «любовь» — *cinta* (санскр. *cinta*), «страстное желание» — *begahi* (санскр. *virahi*), «религия» — *agama* (санскр. *agama*).

Церемонии и закон. В индонезийском языке для слова «церемония» используется слово *upacara* (санскр. *upacara*), «волшебная формула» — *mantra* (санскр. *mantra*), «рождение» — *jelma* (санскр. *janma*), «свидетель» — *saksi* (санскр. *saksi*), «доказательство» — *bukti* (санскр. *vyakti*), «выгода» — *laba* (санскр. *labha*), «говорить» *bicara* (санскр. *vicara*), «штраф» — *denda* (санскр. *danda* — как символ власти, применение силы, наказание любого вида).

Анатомия. Как ни странно, большинство названий частей тела взяты именно с санскрита: «голова» — *kepala* (санскр. *kapala* «череп»), «лицо» — *muka* (санскр. *mukha*), «плечо» — *bahu* (санскр. *bahu* «рука»), «сустав» — *sendi* (санскр. *sandhi*), «волосы на теле» — *roma* (санскр. *roma*), «пульс» — *nadi* (санскр. *nadi*), «насморк» — *selesma* (санскр. *salesman* «слизь»), «пять органов чувств» — *pancaindra* (санскр. *panca indriya*).

Некоторые абстрактные понятия. «содержание» — *sentosa* (санскр. *santosa*), «порядочный» — *susila* (санскр. *susila*), «свобода» — *merdeka* (санскр. *maharddhika* «мощный»), «понимание» — *arti* (санскр. *artha*), «лояльный» — *setia* (санскр. *satya*), «дефект» — *cedera* (санскр. *chidra*), «почтенный» — *mulia* (санскр. *mulya*).

Имена. Древние цари, особенно в восточной Яве заимствовали имена в индийской культуре. И в наше время некоторые имена санскритского происхождения являются наиболее распространенными, например, имя первого президента Индонезии Сукарно — *Sucarno* (санскр. *Sukarna* «с красивыми ушами»); Сумитро — *Sumitro* (санскр. *Sumitra* — «хороший друг») и т. д.

Образование. Для понятия «ученый» есть слово *sarjana* (санскр. *sajjana* — «почтенный, мудрый»), «язык» — *bahasa* (санскр. *bhasa*), «литература» — *sastra* (санскр. *sastra*), «учитель» — *guru* (санскр. *guru*).

Государственные звания. Структура заимствований в этой сфере соответствует предположению, что под влиянием Индии племена, существовавшие тогда в Индонезии трансформировались в королевства. Так, для понятия «правитель» используется слово *raja* (санскр. *rajan*), «министр» — *menteri* (санскр. *mantri*), «премьер-министр» — *perdana menteri* (санскр. *Pradhanamantrin*) [2].

Как мы видим, санскрит был первым языком, который имел влияние на языки Индонезии. Исследователь Индии и Юго-Восточной Азии Х. Саркар отмечает, что санскрит и литература пришли без приглашения в империю индонезийских языков. [7] Большое количество заимствований из санскрита, которые существуют в настоящее время в малайском или индонезийском языках настолько ассимилировались, что носители этих языков совершенно не подозревают, что это заимствованные слова.

Список литературы:

1. Оглоблин А. К., Ревуненковой Е. В. Индонезийцы и их соседи – С.: МАЭ РАН. 2008. – 428 с.
2. Русско-индонезийский словарь (Kamus Rusia-Indonesia). Около 25 000 слов и словосочетаний. – М.: Восток-Запад, – 2004, 268 с.

3. Сикорский В. Малайско-индонезийские исследования/В. Сикорский. – М.: 2012. – 318 с.
4. Casparis, J. G. Indonesian Paleography. A History of Writing in Indonesia from the Beginnings to C. A. D. 1500. – Leiden/Koln E. J. Brill.: 1975. – 92 p.
5. Gonda, J. Sanskrit in Indonesia (Sarasvati vihara series). – International Academy of Indian Culture.: 1952. – 456 p.
6. Poesponegro, Marwati Djoened Sejarah Nasional Indonesia II/Marwati Djoened Poesponegoro: Nugroho. – cet. 2. – Edisi Pemutakhiran – Jakarta: Balai Pustaka, – 2008. – 468 h.
7. Sarkar H. B. South-India in Old-Javanese and Sanskrit Inscription. – BKI Deel 125.: 1969. 193–2016 p.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-25-29>

*Katranidou Anastasia,
University of the Aegean Informatics Laboratory
Dept. of Mediterranean Studies
E-mail: katranid@gmail.com*

*Frantzi Katerina T,
University of the Aegean Informatics Laboratory
Dept. of Mediterranean Studies
E-mail: frantzi@rhodes.aegean.gr*

The Greek Corpus of Defendants' Testimonies: frequent use of infrequent words

Abstract: This paper introduces the Greek Corpus of Defendants' Testimonies (GCDT), the first Greek corpus of defendants' testimonies created not in laboratory conditions, but of language material produced in a real Greek Court environment. With the aim of recognizing the language profile of defendants accused of homicide and testifying in front of the judge, extracted information regarding frequently used words at their hearings held in the Greek Court is presented by processing the GCDT.

Keywords: corpus construction, corpus processing, court language, forensic linguistics.

Introduction

This work is part of a project which aims to describe of the language used by defendants accused of homicide and testifying in court. To this day, there has been no research which is based on the speech analysis of people involved in a trial in Greece, in order to extract information regarding their language profile. The study and analysis of the speech of the defendants inside the courtroom helps in the creation of their language profile. In this paper we present the Greek Corpus of Defendants' Testimonies (GCDT), i. e., testimonies in the Greek court by defendants accused of homicide. The collection of this language material directly from the Greek Court is a challenging but necessary task, since, as yet, there is no easily accessible relevant material. We present the first language information extracted when processing the corpus, i. e., the defendants' frequent use of some infrequent words — when compared to use in the general population.

Court language corpora for forensic linguistics purposes

There are specific stages of investigation in Greece before a criminal case goes to court: the preliminary examination, the preliminary criminal investigation and the criminal investigation. In case of felonies only the criminal investigation is conducted. This investigation takes place with a view to establishing, collecting and preserving evidence as well as obtaining evidence of

the crime. The criminal investigation or interview is conducted solely by the Investigating Magistrate and is written down by an authorized secretary. Following this procedure, it is decided whether the defendant should stand trial or be released. The three-member Criminal Court of Appeal or the Mixed Grand Jury are competent to deal with cases of felonies while the final decision is made by judges and a jury at the Mixed Grand Juries.

Hearings in Court follow a predefined procedure which depends on rules determined by the Code of Criminal Procedure. This means that the procedure of every hearing is highly regular, providing an opportunity to collect data in relatively homogeneous conditions, even when the cases differ. The protagonist of each hearing is the defendant who gives the testimony. He or she answers the questions posed by the judge, the public prosecutor, the juries and the defendant's lawyer. The defendant cannot be absent from any hearing and so the considered testimonies have the form of a dialogue. It is possible that other individuals intervene, for example more than one public prosecutor, or more than one defendant lawyer, defense witnesses and prosecution witnesses.

The defendant, the defense witnesses and the prosecution witnesses are interviewed by the judge, the juries, the prosecutor and the defense lawyer. In the Greek Court of law, all the exact words of the testimonies are written down word by word by an authorized trial secretary.

Forensic linguistics concerns the study of written and spoken language mainly for legal purposes [6]. In recent years, the interest in Forensic Linguistics has greatly increased [2; 3; 8; 10] since language, as any other kind of evidence, can be used by the police investigation and during the trial procedure. Thus, new scientific methods are applied to analyze testimonies given by suspects of criminal actions, since the evaluation of the witness's and defendant's profile could be a determining factor in the trial procedure. Analyses are often done for investigative purposes and when a specimen (e. g., a text, an email, an internet chat) is due to be presented as evidence in court.

Corpora are collections of real language texts designed and built so that the representativeness of the language, sub-language, special language they describe is achieved [7]. Corpus-based studies guarantee precision and completeness involving the processing of real language material [9]. The existence of corpora for forensic linguistics purposes and specifically of a speech corpus containing defendants' testimonies is limited. Regarding the Greek language, until now there is no such corpus since even the publication of trial proceedings is almost nonexistent while as for the English language, there are specific trial proceedings published on the World Wide Web, regarding notorious trials such as these of O.J. Simpson [11], of bomber Timothy McVeigh [12] and serial killer Harold Shipman [13].

Due to the lack of forensic corpora, researchers are often forced to create their own 'laboratory corpora' so as to study the effectiveness of their methods and tools. Such corpora cannot of course have the potential of 'real language' corpora. Fitzpatrick et al. [4] describe a set of guidelines for acquiring and developing corpora of court data. A corpus created in real life conditions is that of Fornaciari [5], which was the first corpus of deceptive Italian texts, not relying on material created in laboratory conditions but of language material collected in a natural environment, to create models for distinguishing true from false statements.

The Greek Corpus of Defendants' Testimonies (GCDT)

In order to study the testimony language in the Greek Court of law, we built a corpus of texts coming from real testimonies and collected in standard conditions. The aim was to find testimonies that involved several subjects in the criminal case with adequate length of speech from each of them. This corpus focuses on felonies.

In order to collect this kind of data, contacts have been made with a Court of Law in the Greek city of Thessaloniki. The aim was to examine all the relevant documents in order to extract the texts for our scientific purposes. The collection of such language material was a challenging task and all authorizations have been received in order to have access to and collect the data. There was of course the restriction of using the information in anonymous form, out of respect for the privacy of the subjects involved.

The Greek Corpus of Defendants' Testimonies (GCDT) is constructed of transcripts that contain the exact words pro-

nounced by the subjects in the hearings in front of the judge. All the subjects have been accused of homicide. The corpus consists of transcripts texts which contain only the exact words of the testimony of the defendants, leaving every other participant's words out of the corpus. This will allow the study of the defendants' language.

In total the corpus consists of 78,572 words, sixty-five hearings, issued by 84 subjects, all of whom are defendants in a homicide. Seventy-five of them are men and nine are women. Sixty-one of them are native Greek speakers and twenty-three testify through an interpreter. Their mean age at the time of the hearing is approximately 37 years. Their education is not known in precision. Most of them are workers, farmers, builders, freelancers, two of them are students and fifteen are unemployed.

In most of the cases (91.7%) the verdict is condemnatory and in very few cases (only 8.3%) the defendant has been acquitted. Usually, the defendant's lawyer tries to find extenuating circumstances in order to reduce the defendant's penalty instead of aiming for an acquittal while the few times that the verdict is not guilty are because there is no clear evidence of the crime.

Processing the GCDT: most frequently words used

For the first extractions of GCDT processing, we focus on the most frequently used words, function words as well as the most frequent nouns and verbs which belong to content words, i. e., words that contain most of the information and are a good indicator of the language style. We use the Relative Frequency measure (f_i) for the words in GCDT since it gives the normalized frequency of every word in the corpus. Using relative instead of absolute frequency we can make comparisons between the frequency of specific words in GCDT and a reference corpus. Comparing the frequencies between the GCDT and a reference corpus gives information regarding special characteristics of the testimonies' language.

Table 1 gives the ten most frequent words in GCDT and their relative frequencies, mostly function words as well as personal pronouns.

Table 1. – Ten most frequent words in GCDT

	Word	Translation	$f_i\%$
1.	και	and	3.99
2.	να	to	3.35
3.	δεν/δε	not	3.34
4.	το	the (it)	3.22
5.	μου	my/me	2.48
6.	με	with	2.07
7.	τον	the (he)	1.67
8.	την	the (she)	1.56
9.	ότι	that	1.55
10.	στο	at	1.42

In order to compare the frequency of the most frequent words of the GCDT with that of a Greek general language corpus, we use the Hellenic National Corpus [14] (HNC) as a reference corpus. HNC is developed at the Institute of

Language and Speech Processing [15]. HNC consists of more than 47,000,000 words. Figure 1 shows the frequencies of the

ten most frequent words of GCDT compared to their frequencies of occurrence in HNC.

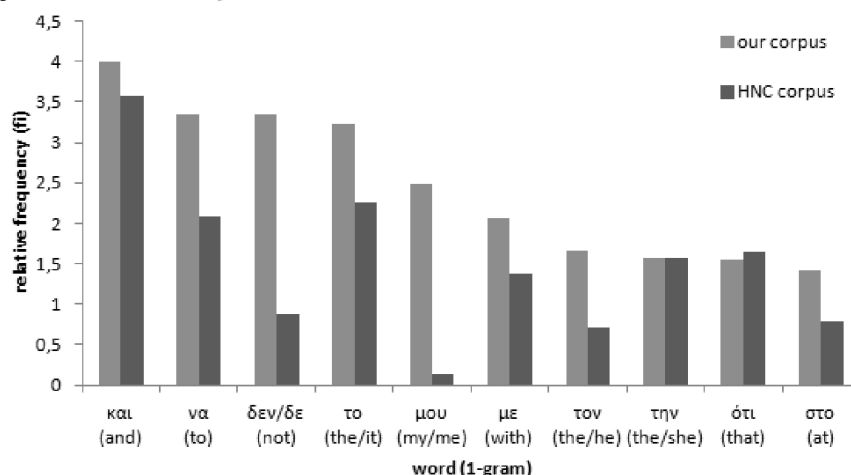

Figure 1 Comparison of the frequencies of occurrence of the most frequent words in GCDT vs. their frequencies of occurrence in the HNC corpus

There is an agreement between the frequencies of occurrence of three of the most frequent words in GCDT compared with their frequencies of occurrence in the reference corpus, as is shown in Figure 7.1, i. e., the words 'και' ('and'), 'ότι' ('that'), 'αυτή' ('she'). There is less agreement between the frequencies of occurrence for the words 'να' ('to'), 'το' ('the/it'), 'με' ('with'), 'στο' ('at'). On the other hand, the words 'δεν' ('not'), 'μου' ('my/me'), 'τον' ('the/he'), ('στο') 'at' seem to appear a lot more often in GCDT than in HNC. Especially the negative adverb is more than three times more common in the defendants' statements, in GCDT, than in HNC and the first person pronouns more than ten times more frequent in the defendants' statements than in HNC.

Moving to content words, Table 2 gives the twenty most frequent nouns of GCDT together with their relative frequency.

Table 2. – Twenty most frequent nouns

	Noun	Translation	fi%
1.	παιδί/παιδιά	kid/kids	0.31
2.	τηλέφωνο	phone	0.20
3.	μάνα	mother	0.19
4.	λεφτά	money	0.19
5.	πατέρας/πατέρα	father	0.18
6.	μαχαίρι	knife	0.18
7.	γυναίκα	woman	0.17
8.	όπλο	gun	0.17
9.	ευρώ	euro	0.17
10.	αστυνομία	police	0.15
11.	δουλειά	job	0.14
12.	αυτοκίνητο	car	0.14
13.	κινητό	mobile phone	0.13
14.	φορά	time	0.12
15.	μαγαζί	store	0.11
16.	ώρα	hour	0.09
17.	χέρι	hand	0.09
18.	πόρτα	door	0.09
19.	φυλακή	prison	0.08
20.	στιγμή	moment	0.08

We compare the relative frequencies of these nouns with their relative frequencies in HNC. The results are shown in Figure 2. We can easily see the large difference in the frequencies of occurrence between the two corpora not only to nouns that we would expect a higher frequency of occurrence in GCDT, such as 'μαχαίρι' ('knife'), 'λεφτά' ('money'), 'όπλο' ('gun'), 'αστυνομία' ('police'), 'φυλακή' ('prison'), but to the rest of the most common nouns used, i. e., 'παιδί/παιδιά' ('kid/kids'), 'τηλέφωνο' ('telephone'), 'μάνα' ('mother'), 'πατέρας/πατέρα' ('father'), 'γυναίκα' ('woman'), 'ευρώ' ('euro'), 'δουλειά' ('job'), 'αυτοκίνητο' ('car'), 'κινητό' ('mobile phone'), 'φορά' ('time'), 'μαγαζί' ('store'), 'ώρα' ('hour/time'), 'χέρι' ('hand'), 'πόρτα' ('door'), 'στιγμή' ('moment'). Actually none of the twenty most common nouns in GCDT is as common in HNC but on the contrary it presents a much lower frequency of occurrence.

Table 3. – Twenty most frequently used verbs

	Verb	Translation	fi%
1.	είπα	I said	0.97
2.	είπε	he/she said	0.92
3.	είχα	I had	0.65
4.	πήγα	I went	0.56
5.	είναι	is/are	0.54
6.	είχε	he/she had	0.45
7.	ξέρω	I know	0.44
8.	ήμουν	I was	0.42
9.	πήρα	I got	0.42
10.	είδα	I saw	0.36
11.	έκανα	I did	0.30
12.	έχω	I have	0.29
13.	ήρθε	he/she came	0.28
14.	έγινε	it happened	0.26
15.	πήρε	He/She got	0.26
16.	ήθελα	I wanted	0.25
17.	θυμάμαι	I remember	0.25
18.	είμαι	I am	0.21
19.	πάω	I go	0.20
20.	πήγαμε	we went	0.19

We compared the relative frequencies of these frequent nouns with their frequencies in HNC. The results are shown in Figure 3. Except the verb, 'είναι' ('is/are'), which is

significantly less frequent compared to HNC corpus, the rest of the most frequently used verbs in GCDT, in present and past tense, are much rarer in HNC.

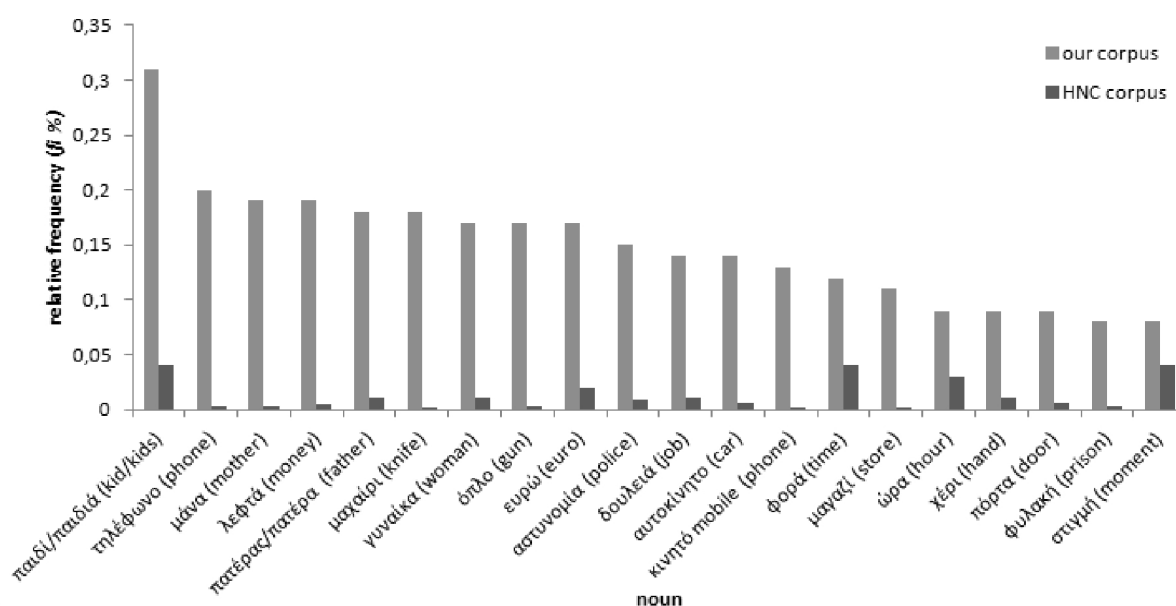

Figure 2. Comparison of the frequencies of occurrence of the twenty most frequent nouns in GCDT vs. their frequencies of occurrence in the HNC corpus

In Table 4, we depict the twenty most frequent verbs in GCDT together with their relative frequencies. Fourteen of the verbs are used in the past tense since the defendants' testimonies describe a past act: 'είπα' ('I said'), 'είπε' ('he/she said'), 'είχα' ('I had'), 'πήγα' ('I went'), 'είχε' ('he/she had'), 'ήμουν' ('I was'), 'πήρα' ('I got'), 'είδα' ('I

saw'), 'έκανα' ('I did'), 'ήρθε' ('he/she came'), 'έγινε' ('it happened'), 'πήρε' ('he/she got'), 'ήθελα' ('I wanted'), 'πήγαμε' ('we went'). Only 6 of the verbs are in present tense, having to do with the hearing: 'είναι' ('is/are'), 'ξέρω' ('I know'), 'έχω' ('I have'), 'θυμάμαι' ('I remember'), 'είμαι' ('I am'), 'πάω' ('I go').

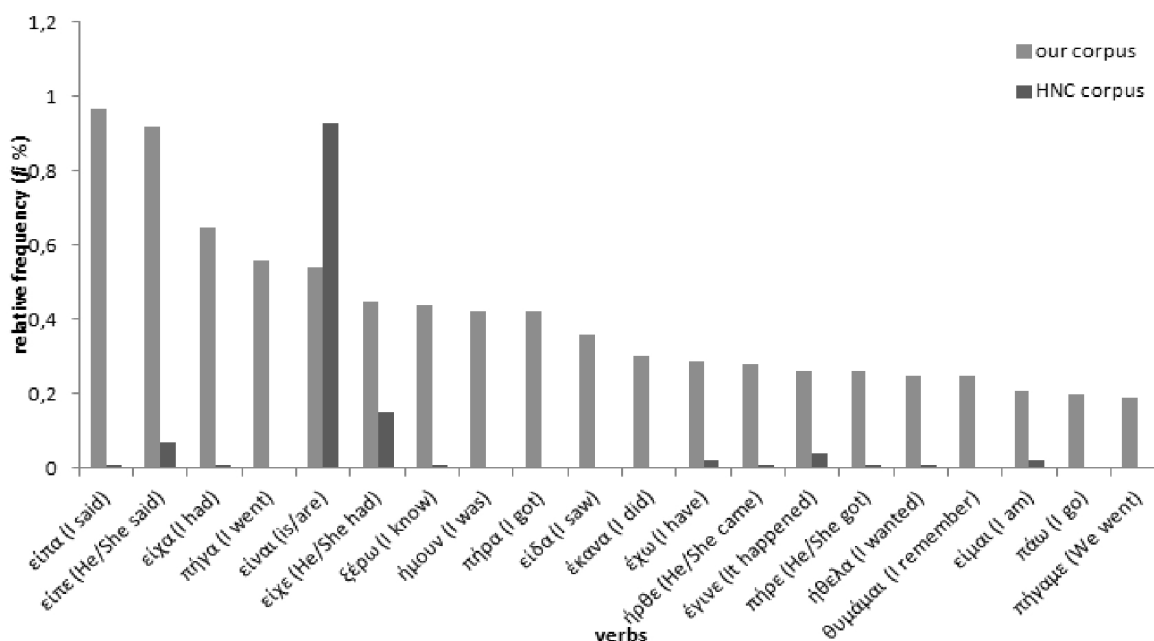

Figure 3. Comparison of the frequencies of occurrence of the twenty most frequent verbs in GCDT vs. their frequencies of occurrence in the HNC corpus

The verbs 'ξέρω' ('I know') and 'θυμάμαι' ('I remember') are mostly used with the negative word 'δεν/δε' ('no/not') stating the defendant's 'not knowing' and 'not remembering'

of something. In Table 4, we illustrate two indicative examples of the use of the verbs 'ξέρω' ('know') and 'θυμάμαι' ('remember').

Table 4. – Example of the use of 'I know/knew' and 'I remember' in GCDT

“... δεν ήξερα πού να πάω, πήγα για Κατερίνη, δεν ξέρω πώς έγινε, έστριψα τη στροφή και την έριξα. ...”
 (“... I didn't know where to go, I went to Katerini, I don't know how that happened, I turned and I threw her ...”)
 “... Όταν σηκώθηκα εγώ, την είδα. Δεν θυμάμαι. Μαλώσαμε. Αυτή φώναζε ...”
 (“... When I woke up, I saw her. I don't remember. We argued. She was yelling ...”)

Future work

In this work we presented GCDT, the first Forensic Linguistics Greek Corpus that consists of defendants' testimonies collected in a natural environment. Processing of GCDT leads to the extraction of language characteristics for the description of the language used by defendants in testimonies. The current processing showed that the defendants use some unusual words in the testimonies. Comparing the frequencies of the most used nouns and verbs to those of HNC, we found that the defendants frequently use nouns and verbs which are a lot rarer in general language.

Regarding future work, we will periodically update the Corpus with new testimonies. The dynamic updating of GCDT is a challenging task since this type of language material, as previously noted, is rather difficult to obtain. Moreover, the plan of updating the corpus with testimonies of witnesses

as well will allow the research of the language used by witnesses.

Among future information from processing GCDT, we will extract frequency lists of adjectives, adverbs and pronouns. These, together with the verbs and nouns, give important information about the language used. Another important parameter to be researched that gives information on the defendants' language is collocation lists.

Lastly, following Baumgartner [1] — who presented a methodology for creating a Bayesian network model of a criminal behavior which can draw conclusions about the characteristics of the criminal based on details of the crime scene, helping to reduce the suspect list — our aim is, using machine learning techniques, to create the linguistic profile of defendants accused of homicide.

References:

1. Baumgartner, K., S. Ferrari & Palermo, G. (2008). Constructing Bayesian Networks for Criminal Profiling from Limited Data. *Knowledge-Based Systems* 21: 563–72.
2. Cotterill, J. (2003). *Language and Power in Court: A Linguistic Analysis of the O.J. Simpson Trial*. Palgrave Macmillan.
3. Coulthard, M. (2004). Author identification, idiolect, and linguistic uniqueness. *Applied Linguistics*, 25 (4), 431–447.
4. Fitzpatrick, E. & Bachenko, J. (2012) *Building a Data Collection for Deception Research*. Montclair State University.
5. Fornaciari, T. (2012). *Deception Detection in Italian Court testimonies*. University of Trento.
6. Grant, T. & Perkins, R. (2013). *Forensic Linguistics*. In J. A. Siegel & P. J. Saukko (eds.) *Encyclopedia of Forensic Sciences*, 2nd edn. 174–177.
7. McEnery T. & Wilson A. (2001). *Corpus linguistics: an introduction*, Edinburgh textbooks in empirical linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press.
8. McMenamin, G. (2002). *Forensic Linguistics: advances in forensic stylistics*. Boca Raton: CRC Press LLC.
9. O'Keeffe, A. & McCarthy, M. (eds) (2010). *The Routledge Handbook of Corpus Linguistics*. London & New York: Routledge.
10. Olsson, J. (2004). *Forensic Linguistics: An Introduction to Language, Crime and the Law*. London: Continuum.
11. URL: <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/Simpson/transcript.html>
12. URL: <http://web.archive.org/web/20011225031505/www.kwtv.com/news/mcveigh/transcript.htm>
13. URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20090808154959/http://www.the-shipman-inquiry.org.uk/reports.asp>
14. Hellenic National Corpus, URL: <http://hnc.ilsp.gr>
15. Institute of Language and Speech Processing, URL: <http://www.ilsp.gr/en>

*Kolesnik Rita Vasilevna,
Taurida academy of Crimean Federal University
named after V.I. Vernadskogo Simferopol
E-mail: meggi7027@yandex.ru*

The ways of expression of the 'dwelling' as a semantic invariant in the Russian language

Abstract: The research is dedicated to study the ways of expression of the "dwelling" as a semantic invariant in the Russian language. The definitions of concepts of synonymic row, microparticle as lexical microsystem are given. We do analysis of the lexico-semantic and word-formative system of invariant 'dwelling', resulting in the classification of signs invariant.

Keywords: invariant, microparticle, 'dwelling', defining, synonymic row, opposition, lexical unit.

*Колесник Рита Васильевна
Таврическая академия Крымского Федерального
университета имени В.И. Вернадского Симферополь
E-mail: meggi7027@yandex.ru*

Средства выражения семантического инварианта «жилище» в русском языке

Аннотация: Исследование посвящено изучению средств выражения семантического инварианта «жилище» в русском языке. Дается определение понятиям синонимического ряда, микропарадигмы как лексической микросистемы. Анализируется лексико-семантическая и словообразовательная системы инварианта «жилище», в результате чего выделены классификационные признаки инварианта.

Ключевые слова: инвариант, микропарадигма, «жилище», дефинирование, синонимический ряд, оппозиция, лексема.

Введение

Современный этап развития лингвистики характеризуется интересом ученых к ментальным процессам личности и способам их языковой репрезентации. Язык выступает как способ проникновения во внутренний мир человека, приносящего личностный компонент в интерпретацию концепта и отражающего видение мира определенного этноса.

«Дом — это один из основных архетипов славянской культуры, являющийся отражением представления человека о пространстве и его членении на «свое» и «чужое», «близкое» и «далекое». Человек, погружаясь в «свое», «близкое» пространство, начинает его осмысливать, определенным образом структурируя и членя его» [4, с. 8–40]. Это позволяет рассматривать семантическую сферу «дом, жилище» в терминах когнитивной науки, моделируя определенную ситуацию восприятия данного понятия.

Обращение к реалии и понятию «дом, жилище» как объекту исследований является традиционным для многих наук: истории, философии, филологии, языкознания. Лингвистические работы этого плана посвящены различным аспектам: когнитивному (С. М. Богатова, С. Р. Габдулина, Е. Н. Евтушенко, М. Л. Житникова, Е. А. Мерзлова, О. П. Пивоварова, О. А. Фещенко, А. П. Чудинов, В. В. Мерзлова), лексико-семантическому (Л. А. Капаназе, В. Колесов, Ф. Ф. Насибулина, Е. А. Потураева), линг-

вокультурологическому (Ю. С. Степанов, Э. Лассан), философскому (С. Н. Алехина, Е. Л. Разова), словообразовательному (Л. А. Базылова).

Данное исследование посвящено системно-полевому аспекту изучения средств выражения семантического инварианта «жилище» в русском языке. Работа выполнена в рамках когнитивной лингвистики, активно развивающейся в настоящее время.

Актуальность работы обусловлена обращением к проблемам концептуализации, выбором в качестве объекта изучения семантического инварианта «жилище». Наименования жилых построек образуют одну из «самых древних лексических микросистем» [4, с. 8–40].

Целью исследования является выявление языковых средств вербализации семантического инварианта «жилище».

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**:

1. Определить специфику понятия «микропарадигма».
2. Исследовать семантические закономерности лексико-семантической группы «жилище» в русском языке.
3. Выявить деривационные средства вербализации семантического инварианта «жилище».

Основная часть

В исследовании внимание сосредоточено на лексическом, семантическом и словообразовательном уровнях, используя

ется специальный приём лексикографического метода — дефинирование. Словарная дефиниция осуществляется через синонимы, словообразовательные формулы (имя существительное + имя существительное, образование от собственных имён, усечение прилагательных, суффиксальные универбы): дом-корзина, дом-башня, Казанка — Казанская тюрьма, временка — временный дом, малогабаритка — малогабаритная квартира и др.

Жилище — одна из наиболее важных составляющих материальной культуры. Оно представляет собой комплекс построек, обслуживающих различные нужды семьи, и в первую очередь, бытовые и хозяйственные. В литературном языке инвариант «жилище» обозначает:

1. Помещение для жилья.

К общим наименованиям жилья можно отнести лексемы: дом, квартира, жилплощадь, угол, обиталище и др. Эти лексемы обозначают любое жилье и потому не выражают конкретного семантически дифференцированного концепта.

Кроме общих наименований «жилища», существуют также и конкретные. Это огромный массив названий, образующих совокупность синонимов. «Синонимы образуют синонимические пары и ряды. В синонимическом ряду обычно имеется главное, стержневое слово, называемое доминантой. Это наиболее употребительное, семантически максимально ёмкое, стилистически нейтральное слово в синонимическом ряду» [2, с. 155–158]. По мнению Е. П. Пустошило, «синонимический ряд — исторически сложившаяся группа слов, объединенная системными синонимическими отношениями. В синонимический ряд могут войти не только слова литературного языка, но и просторечия, разговорная и диалектная лексика» [3, 141]. Внутри синонимического ряда могут быть выделены микропарадигмы по следующим признакам:

1. Микропарадигма с инвариантом «предназначенность для временного/постоянного проживания»;
2. Микропарадигма с инвариантом «статусная социальная роль субъекта»;
3. Микропарадигма с инвариантом «размер»;
4. Микропарадигма с инвариантом «функция»;
5. Микропарадигма с инвариантом «материал»;
6. Микропарадигма с инвариантом «форма».

Микропарадигма — это «любая пара слов или лексико-семантических вариантов, связанная отношениями смысловой мотивированности, подобия, противоположности и т. д.» [1, с. 231–239]. Микропарадигму образуют слова, близкие по концептуальному значению.

Исследуемые единицы семантизированы, т. е. сопровождаются толкованиями, взятыми из «Малого академического словаря» (МАС, 1981–1984 гг. переизд.; 4-хтомный академический нормативный толковый словарь современного русского литературного языка), «Нового словаря русского языка. Толково-словообразовательного»/Ефремова Т. Ф./и в отдельных случаях из Интернет-источников.

В микропарадигме с инвариантом «предназначенность для временного/постоянного проживания» наи-

более характерным признаком, который актуализируется в наименованиях жилья, является темпоральный признак, реализующийся в различных аспектах, например, в оппозиции «временное»/«постоянное» жилье:

1. «Сезонное»: **палатка** — временное, обычно летнее помещение из непромокаемой плотной ткани или шкуры (обычно натянутой на каркас); **дача** — загородный дом для летнего отдыха городских жителей; **летник** — помещение без печи для летнего жилья; **кош** — войлочное летнее жилище кочевников; **зимовка** — место или помещение, где зимуют, живут или останавливаются зимой; **иглу** — зимнее, с куполообразным сводом жилище канадских эскимосов, сложенное из снежных плит; **стан** — место стоянки, временного жилья полевых, рыболовецких и т. п. бригад в период сезонной работы, промысла.

2. «Переносное»: **балок** — легкий передвижной домик на полозьях, используемый для временного жилья, служебных надобностей и т. п.; **кибитка** — легкое переносное жилище у кочевых народов, небольшой дом старого типа (глинобитный или из сырцового кирпича) в среднеазиатских республиках; **чум** — переносное жилище некоторых народов Сибири; **юрта** — переносное (обычно конусообразное) жилище кочевников Центральной и Средней Азии и Южной Сибири; **яранга** — переносное, круглое в плане жилище некоторых народов Севера, остов и коническая крыша которого, состоящая из шестов, покрыты оленьими шкурами (добавочное значение — территориальная закрепленность).

3. «Легкая постройка»: **балаган** — временная легкая, обычно дощатая, постройка для различных надобностей (для торговли, жилья, склада и т. п.); **барак** — легкая постройка, предназначенная для временного жилья; **шалаш** — временная небольшая постройка для жилья из жердей, кольев, покрытых ветками, соломой и т. п.; **шатер** — временная легкая постройка для жилья [ТССЭ].

4. «Кратковременный/длительный срок проживания»: **гостиница** — дом с меблированными комнатами для кратковременного проживания в нем приезжающих; **хостел** — европейская система размещения, предоставляющая своим постояльцам на короткий или длительный срок жильё, представляющее собой, как правило, спальное место без дополнительных удобств в комнате; **квартира** — помещение, нанимаемое на определенных условиях для временного проживания; **постой** — ночевка, проживание в нанятом помещении; **подворье** (устар.) — дом с пристройками, принадлежавший иногороднему лицу и предназначавшийся для временных остановок, хранения товаров и т. д.; **тюрьма** — место заключения, здание, где содержатся лица, приговоренные судом к лишению свободы, заключению, а также лица, находящиеся под следствием; **общежитие** — помещение для временного совместного проживания лиц, обычно работающих на одном предприятии или обучающихся в одном учебном заведении, но в силу влияния экстралингвистических, со-

циальных факторов, связанных с нехваткой жилья может быть постоянным местом жительства.

Общими наименованиями жилища являются также лексемы, которые можно рассматривать в значении «постоянное жилище»: дом, кров (книжн.), квартира, жилплощадь, угол, жильё (разг.), гнездо (перен.), обиталище (устар.), покой (устар.), жило (устар.), обитель (трад.-поэт., теперь шутл. или ирон), пристанище, приют, жительство, местожительство, куща (устар.).

Рассмотрим следующую микропарадигму, характеризующую наименования жилья по «статусной социальной роли субъекта», которая представлена, во-первых, оппозицией «высокий/низкий статус»: **дворец** — здание, являющееся жилищем, постоянным местопребыванием царствующей особы, главы государства, а также членов царствующей семьи (в современном понимании — роскошное здание (пренебрежительно переносное значение)); **особняк** — благоустроенный городской дом для одной семьи, принадлежащий богатому собственнику; **замок** — дворец и крепость феодала, укрепленное жилище [ТССЕ]; **терем** — жилое помещение в верхней части богатых хором или дом в виде башни в древней Руси; **хата** — крестьянский дом в украинской, белорусской и южнорусской деревне (добавочное значение — территориальная закреплённость); **двор** — крестьянский дом со всеми хозяйственными постройками; **изба** — деревянный крестьянский дом; **усадьба** — помещичий дом; **вилла** — комфортабельный загородный дом с парком или садом [ТССЕ]; **палаты** — большой, роскошный дом [ТССЕ]; **коммуналка** — квартира, предоставляемая городскими властями и занимаемая несколькими семьями [ТССЕ]; **чердак** — жилое помещение под самой кровлей дома [ТССЕ].

Во-вторых, наименования жилья можно распределить по национальной принадлежности: **сакля** — название жилища кавказских горцев.

В-третьих, можно выделить наименования жилья по роду деятельности и образу жизни: **келья** — жилище монаха, монахини в монастыре (отдельная комната или отдельное жилище); **пустынь** — одинокое жильё отшельника [ТССЕ]; **скит** — небольшое жилище для монахов-отшельников, устраивающееся в отдалении от основных построек (в православных монастырях) [ТССЕ]; **пещера** — жилище монаха, отшельника [ТССЕ]; **курень** — жилище, дом (у казаков) [ТССЕ].

Микропарадигма с инвариантом «размер» представлена оппозицией «небольшое/большое»: **шалё** — небольшой сельский дом в горах Швейцарии (добавочное значение — территориальная закреплённость); **флигель** — небольшой дом во дворе большого здания; **коттедж** — небольшой жилой дом в пригороде, в рабочем поселке и т. п. для одной семьи; **голубятня** (перен. разг.) — жилое помещение, расположенное на верхнем этаже, под крышей (обычно очень маленькое и неудобное [ТССЕ]; **горенка** (устар.) — небольшая жилая комната; **гостинка** — небольшое жилое помещение,

включающее в себя зону кухни и совмещенный санузел [http://k-up.ru]; **хоромы** (устар.) — большой жилой деревянный дом, обычно состоявший из отдельных строений, объединенных сенями и переходами; **палата** (устар.) — большое богатое здание с множеством комнат; **пятистенка** — большая изба, разделенная на две части капитальной стеной.

С добавочными признаками:

1. «Бедное, убогое»: **халуца** — небольшая, бедная изба, хата (первоначально на Украине и в Белоруссии); **хибара** — небольшой убогий домик, лачуга; **хижина** — небольшой бедный домик, избушка; **лачуга** — небольшое убогое жилище; **халабудца** (слэнг) — захудалое жилище.

2. «Тесное»: **каморка** — маленькая, тесная комнатка; **конура** (перен.) — тесное, темное, грязное помещение, жильё; **нора** (перен. разг.) — маленькое, темное помещение, тесное жилище [ТССЕ]; **клетка** (перен. разг.) — маленькая комната, тесное помещение [ТССЕ];

3. «Высокое»: **терем** — высокий — боярский или княжеский — дом в виде башни; **небоскреб** — очень высокое здание с несущим стальным или железобетонным каркасом, предназначенное для жизни и работы людей.

4. «Неуютное»: **сарай** (разг.) — большое, неуютное, неблагоустроенное жилище.

Также важную роль играют лексемы, характеризующие жилище по «функции»: **дача** — загородный дом для летнего отдыха городских жителей; **тюрьма** — место заключения, здание, где содержатся лица, приговоренные судом к лишению свободы, заключению, а также лица, находящиеся под следствием; **зимовка** — место или помещение, где зимуют, живут или останавливаются зимой; **монастырь** — церковь, жилые помещения и территория, принадлежащие религиозной общине монахов или монахинь; **интернат** — школа, в которой учащиеся живут и находятся на частичном государственном обеспечении; общежитие для учащихся при учебном заведении; **будка** — небольшая, обычно деревянная постройка (жилая, караульная и т. п.) для сторожа, часового и т. п.; **стан** — место стоянки, временного жилья полевых, рыболовецких и т. п. бригад в период сезонной работы, промысла.

Другой семантический признак, актуализирующийся в значениях лексем — «материал», из которого построено жилище: **изба** — деревянный крестьянский дом; **мазанка** — хата из глины, сырцового кирпича или дёрева, обмазанного глиной; **землянка** — жильё, вырытое в земле, иногда выступающее над поверхностью земли; **саманка** — постройка из самана; изба, хата, построенная из самана (саман — кирпич-сырец из глины с примесью навоза, соломы или каких-нибудь волокнистых веществ); **хоромина** — жилое деревянное строение, дом; **фанза** — китайское или корейское жилище (преимущественно в сельской местности), каменное или саманное, на каркасе из деревянных столбов; **иглу** — зимнее, с куполообразным сводом жилище канадских эскимосов, сложенное из снежных плит; **кош** — войлочное летнее жилище кочевников.

Микропарадигма с инвариантом «форма» — малочисленная группа:

яранга — круглое в плане жилище некоторых народов Севера, остов и коническая крыша которого, состоящая из шестов, покрыты оленьими шкурами; **визгам** — куполообразная хижина индейцев Северной Америки, **мансарда** — жилое помещение на чердаке с наклонным потолком или наклонной стеной.

Пополняется группа в основном за счет составных слов: музей-усадьба, изба-читальня, дом-музей и др.

К данной группе можно отнести и такие понятия, как дом-пещера, дом-камень, хаусбот (дом-корабль), дом-шар, дом-птичка, дом-туфелька, дом-корзина: «На фотографии дрезденского Большого парка, сделанной в середине 1930-х годов, **дом-шар** хорошо видно, а вот выставочного комплекса уже нет». (Режим доступа://http://www.lord.ru); «Они с самого начала решили, что построят необычный, забавный, уютный **дом-птичку**». (Режим доступа://http://www.krasivaya-dacha.ru); «В «корзине» жить можно, если это не лукошко, а самый настоящий **дом-корзина**...». (Режим доступа://http://www.sibdom.ru.)

В словообразовательном плане смысл «жилище» довольно продуктивно.

Метод компонентного анализа группы слов со значением «жилище» помог увидеть, что словам (их значениям)

квартира, изба, хата присущ признак «жилое помещение; место, где живут люди», а у значений слов *казарма, резиденция* этот признак отсутствует. Но при более глубоком анализе этих слов, можно обнаружить данное значение, но в меньшей степени:

Резиденция — место постоянного пребывания правительства или вообще местопребывание кого-либо (устар.).

Это был деревенский дом и летняя *резиденция* Марии Александровны.

Казарма — особое здание для временного размещения воинской части.

Внутри *казармы* к стенам примыкают нары в два яруса.

Итак, возникает необходимость обращать внимание на степень интенсивности семантических признаков, их вес в значениях исследуемых слов.

Выводы

При классификации лексем по их семантике выяснилось, что многие из них не обладают семантической устойчивостью. Значительное количество конкретных наименований жилища демонстрирует очень высокую степень расчлененности данного семантического пространства, что свидетельствует о четко разработанной структуре инварианта «жилище» в русском языке. Системой лексем отражен большой опыт оседлого образа жизни и связанный с ним опыт строительства.

Список литературы:

1. Алефиренко Н. Ф. Теория языка. Вводный курс. – М.: Академия, – 2004. Типы лексических полей. – С. 231–239.
2. Вендина Т. И. Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, – 2001. Синонимы и синонимические ряды. – С. 155–158.
3. Пустошило Е. П. Лексикология. Фразеология. Лексикография Учебно-методический комплекс. – Гродно: Изд-во ГрГУ, – 2011. – 141 с.
4. Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественно-научных знаний в древности. – М.: Наука, 1982 С. 8–40.
5. URL: <http://clova.ru/> Малый академический словарь.
6. URL: <http://www.efremova.info/> Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, – 2000.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-33-35>

Makiedonova Olga Dmitrievna,
Zaporizhzhya National University,
postgraduate student, the Faculty of Foreign Philology
E-mail: olgamakedonova13@gmail.com

Metaprograms of suggestive effect in the English advertising discourse

Abstract: This article deals with metaprograms of suggestive effect in the modern English advertising discourse. The research singles out the effective metaprograms, defines the specific implementation of these programs in the advertising messages, highlights the suggestive potential of these metaprograms in the messages of the English advertising.

Keywords: advertising discourse, metaprograms, suggestive effect.

In context of the dynamic development of modern information society, the importance of innovative approaches and technologies in the advertising messages creating becomes

more important in order to increase their powerful potential on the advertising user. This fact leads to scientists' focused attention to the problem of identification of the effective means

of advertising to influence the mass audience [1, 3], but the problem of suggestive effect in English modern advertising discourse needs detailed analysis and consideration, that in fact, determines the actuality of current research.

The concrete aim of this article is to reveal effective metaprograms and their suggestive functions in the English advertising discourse. To achieve these goals, we are going to solve the following specific tasks: — to single out effective metaprograms, used in the English advertising discourse; — to define the specific implementation of these programs in the advertising messages; — to highlight the suggestive potential of these metaprograms in the messages of the English advertising.

Modern advertising is a phenomenon that constantly demands new strategies and tactics, means of persuasion and influence addressees, because it has to overcome recipients' prejudice. The recipients neither have time to read nor to focus on advertising messages, so the messages which do not require concentration are so effective [3, 103].

Recipients' metaprograms allow addressees direct information automatically in the advertising texts and motivate them to the specific actions. In order to program the predictable behavior of the recipient, the addressees have to know usual patterns of addressee's thinking and peculiarities of its perception. Every person selects, codes and handles the information with help of patterns, called metaprograms. These patterns act like clichés of unconscious perception of the information. Identifying relevant to the recipient metaprograms, it's possible to influence the addressee more effectively [7, 57–59].

Definition of metaprograms' profile of the target audience not only provides the most accurate advertising idea in recipient's consciousness, but also provides a high percentage of accepting the idea of addressee as its own [5, 130]. So metaprograms as typical patterns of focusing attention, act as selective filters in the unconscious perception of information.

In fact, metaprograms are “filters” which can be applied by recipients to everything they can see, hear or feel in the world around them and as if “select” the information that will be taken to mind. Identifying relevant to the recipient metaprograms, it is possible to influence the recipient more effectively, because the recipient's mind is exposed with help of metaprograms oriented to extrarational perception of information and this is a key factor in the process of motivation and making decisions [1, 174].

Taking as a basis the mechanism of metaprograms acting, we have singled out four metaprograms, which are relevant to the addressees of the English advertising discourse. We take under consideration each metaprogram.

The first metaprogram “getting/avoiding” is based on the willingness of potential customers have something or get rid of it. The desire to possess something provides the motivation of success, but attempts to get rid of something — a motivation of avoiding a failure. This metaprogram explains how people focus their attention, i. e., people who are managed by metaprogram of success, think about opportunities and motivated to

get or buy something. People who are managed by “avoiding” metaprogram, try to solve the problem [6, 178; 7, 148].

This metaprogram is implemented with help of verbs and imperative constructions with semantics of “getting” (*buy, have, achieve, get*) and “avoiding” (*avoid, break, forget*). Let's consider the following examples: **Get** your Daily Dose of Tech Nutrition! In an easy-to-digest iPad tablet app. (PC World, April, 2012); **Break up** with your uncomfortable contacts for good. And start relationship with a brand-new eye doctor trust most [8, 17].

In the above given two fragments of advertising discourse the metaprogram actualizes with help of direct constructions, but the first one is aimed at the recipients who are motivated by the desire to possess something, so the verb *get* is used. Accordingly, the second advertising message is aimed at recipients whose motivation is getting rid of something. For this reason, the direct act with the meaning of avoiding (*break up*) was chosen for the purpose of influence the recipients' sub-consciousness.

The second metaprogram “activity/passivity” reflects the behaviour image where active recipients express their own initiative, and passive — stand by for actions from others. In the English advertising discourse activity determines in the form of complete sentences, verbs in the active voice, imperative constructions, but passivity — in interrogative constructions and verbs in the passive voice, for example: **Protect** your hair now! Every morning moisten hair and scalp generously with Ed. Pinaud's Eau de Quinine. Then with the fingers pressed down firmly, **move** the scalp vigorously in every direction, working the tonic thoroughly into every inch of the scalp. **Comb** your hair while still moist. It will lie smoothly just the way you want it. **Make** it a part of your morning routine — like brushing your teeth! [10, 150].

From this advertising message we can see the actualization of metaprogram activity, because we can observe the use instruction of advertising product. This instruction encourages initiative, active daily procedures, which must be done by consumers. The recipients of “activity” prefer exact and precise actions. This metaprogram, as the example demonstrates, realizes by using direct (*Comb your hair while still moist*) and expressive speech acts (*Protect your hair now!*).

Let's consider one more example of advertising of the insurance company *Barclays Wealth*, which is aimed at consumers who are passive and stand by for action from others: *New wealth. What's it to you? If wealth is about pursuing an entrepreneurial vision, we're right up there with you. At Barclays Wealth. We can offer you advice on raising finance for new ventures, as well as guidance on maximizing your current investments through the global resources of the Barclays group* [11, 56].

This example shows that metaprogram “passivity” on the linguistic level is implemented by rhetorical questions without waiting for action from the recipient and offers its services. Realizing this program, it is often used person plural pronoun *we*, which indicates the sender of the message. In such advertising messages, addresser is not the manufacturer of the goods or services, but its vendor or company. Therefore, the use of the pronoun can not only build a com-

municative unity between communicants, but also deprive the recipient of unnecessary actions.

The next metaprogram “*opportunity*” is based on human mental patterns to look for the opportunities in any future events or offers. This pattern is used by advertisers focusing recipient’ attention on upcoming events and opportunities. Future changes for better and providing opportunities, alternatives in this metaprogram is realized by using the syntax constructions with future tense verb *will*, for example: *Get straight to the heart of Business with a Cass MBA. Whether you choose a 12 month full-time MBA or two year Executive MBA, you will gain both the theory and practical skills to do business at the very highest level* [11, 5].

The advertising pieces mentioned above is aimed at recipients, who focus on prospects, new opportunities, which open to them when they take advantage of its services. So, the creators of advertising messages offer the possibility of both theoretical knowledge and practical skills in running business at the highest level.

The metaprogram “*difference*” is based on comparison of “new” and existing information about the product or service and finding out different positive characteristics to identify the benefits. In advertising texts “different elements” are used to highlight the advertised product from the competitors and realized by the adjectives with meaning of innovation (*first, cutting-edge, revolutionary, etc.*), i. e.: ***The revolutionary Samsung Galaxy Note is the size of a phone but has the productivity of a PC and with a 5.3 HD Super AMOLED screen, it gives you the ultimate freedom to work and play on the go*** (Stuff, January, 2012); *Come into Proline Fitness and discover*

the world of cutting-edge fitness equipment. You owe it for yourself [9, 190].

It can be seen that advertising products acquire distinctive characteristics thanks to the use of adjectives with semantics of novelty or innovation. In the first example the mobile phone *Samsung* is positioned as “*revolutionary*”, that is characterized by radical changes and opportunities compared to previous models or other brands’ models. In the second example fitness equipment *Proline Fitness* introduced as the most modern, so the cutting-edge technologies and innovative ideas are used for its development.

Our study has shown that metaprograms in the English advertising discourse allow addressants direct information automatically in the advertising texts and motivate them to the specific actions. We have singled out four metaprograms which are typical for advertising recipient. The metaprogram “*getting/avoiding*” is based on the willingness of potential customers have something or get rid of it. The metaprogram “*activity/passivity*” reflects the behaviour image where active recipients express their own initiative, and passive — stand by for actions from others.

The next metaprogram “*opportunity*” is based on human mental patterns to look for the opportunities in any future events or offers. And metaprogram “*difference*” is based on comparison of “new” and existing information about the product and finding out different positive characteristics.

Further studies of contemporary English advertising discourse in pragmatic aspect can be seen in the expansion of information about strategies and tactics of informative, argumentative and manipulative effect on the recipient.

References:

1. Kovalevska T. Yu. Arkhitektonika vplyvu v suchasnomu mediaprostori: psykholinhvalnyi aspekt/T. Yu. Kovalevska//Reklama ta PR u masovoinformatsiinomu prostori/T. Yu. Kovalevska, N. V. Kondratenko, N. V. Kutuza ta in. – Odesa: – Astroprynt, – 2009. – S. 172–185.
2. Kovalevska T. Yu. Neirolihvistychni perspektyvy interpretuvannia mentalnogo kodu/T. Yu. Kovalevska//Reklama ta PR u masovoinformatsiinomu prostori/T. Yu. Kovalevska, N. V. Kondratenko, N. V. Kutuza ta in. – Odesa: – Astroprynt, – 2009. – S. 310–323.
3. Kutuza N. V. Suhestvnyist politychnykh slohaniv (na materialy prezydentskoi peredvyborchoi kampanii – 2009–2010 p.)/N. V. Kutuza//Svit sotsialnykh komunikatsii: nauk, zhurnal/[hol. red. O. N4. Kholod]. – K.: KyMU, – 2011. – T. 2. – S. 102–105.
4. Kutuza N. V. Formula vplyvu reklamnoho dyskursu/N. V. Kutuza//Odeskyi lihivistychnyi visnyk: zb. nauk, prats/[hol. red. N. V. Petliuchenko]. – Odesa: Vydavnychi dim «Helvetyka», – 2014. – Vyp. 3. Spetsialnyi vypusk, prysviachenyi 200-richchiu vid dnia narodzhennia T. H. Shevchenka. – S. 138–145.
5. Mokshantsev R. I. Psikhologiya reklamy: Ucheb. posobiye/Nauch. red. M. V. Udaltsov. – M.: INFRA-M; – Novosibirsk: Novosibirskoye soglasheniye. – 2009. – 230 s.
6. O’Konnor Dzh. Vvedeniye v neyrolingvisticheskoye programmirovaniye. Kak ponimat i kak okazyvat vliyaniye na lyudey/Dzh. O’Konnor. Dzh. Seymor. – Chelyabinsk: Biblioteka A. Millera. – 1998. – 272 s.
7. Khol M. 51 metaprogramma NISH. Prognozirovaniye povedeniya. «chteniye» mysley. ponimaniye motivov/M. Khol. B. Bodenkhammer. – SPb.: Praym – EVROZNAK. – 2007. – 347 s.
8. Cosmopolitan. – April. – 2012. – 248 p.
9. GQ. – January. – 2012. – 196 p.
10. More. – November. – 2011. – 158 p.
11. Newsweek. – June-July. – 2010. – 60 p.

*Malakhov Sergey Viktorovich,
candidate of historical sciences, associate professor
E-mail: svmalakhov@mail.ru*

The name and the straits of Britain

Abstracts: The initial meaning of the name «British (Isles)» was «(isles) of the lands in the straits», «(Island of) Great Britain» — «(isle of) the central one of the lands in the straits», «British» — «people living by the straits». «Brittany» is explained as «land by the strait», «Bretons» — as «people living by the strait». «London» once meant «unforested land; field plain». «Edinburgh» — «fortified settlement by the wet valley».

Keywords: name of Britain, Brittany, Caledonia, Calgary, Edinburgh, Eton, Gaspar Strait, Hellespont, Kara Strait, London, Lothian, Maidstone, Newport, Pas de Calais, Bruttii, Colchians, Gaelic, Galicians, Haligonians, Ingush, Khalkha, Maeotians, Votes, Wales, Scotland in the Roman times.

*Малахов Сергей Викторович,
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: svmalakhov@mail.ru*

Название и проливы Британии

Аннотация: Исходным значением названия «Британские (о-ва)» было «(о-ва) земель в проливах», «(о-в) Великобритания» — «(о-в) центральной из земель в проливах», «британцы» — «люди, живущие у проливов». «Бретань» объясняется как «земля у пролива», «бретонцы» — как «люди, живущие у пролива». «Лондон» когда-то значило «земля, свободная от леса; полевая равнина». «Эдинбург» — «укрепленное поселение у сырой долины».

Ключевые слова: название Бретани, Британии, Гаспарского пролива, Геллеспонта, Итона, Калгари, Каледонии, Карских ворот, Лондона, Лотиана, Мейдстона, Ньюпорта, Па-де-Кале, Уэльса, Эдинбурга, бруттиев, воды, галигонцев, галисийцев, ингушей, колхов, меотов, халхасцев, ирландского языка, Шотландия в римское время.

Эта работа отчасти является продолжением ещё одного разыскания по топонимике проливов, в том числе и Английского [1]. Она выполнена по методике, представленной в нескольких других статьях историко-филологического характера (например, здесь [2]). Целью её была интерпретация названий «Британские о-ва» и «британцы» на иной, чем прежде, основе. Выводы размечены звёздочками.

I

Названия Британских о-вов и о-ва Великобритании, равно как и людей, которые там жили, в античное время мало чем отличались друг от друга, а иногда и не отличались совсем. Сравните.

Первые. Др.-греческ. **Βρεττανία** «Бреттанские» (о-ва; Пифей); **Βρεττανικαί** (о-ва; Полибий, Страбон); **Βρεττανία** «Бреттанция», **Βρεττανικαί/Βρεττανικαί** «Бреттанские/Бреттанские» (о-ва; Птолемей); **Πρεττανικαί/Πρεττανικαί** «Преттанские» (о-ва; Маркиан Г.) [3; 4b]. Латинск. **Britanniae** «Британнии» (Катулл, Плиний Ст., Орозий) и **Britanni** «британни» (Орозий). Вторые. Др.-греческ. **Πρεττανική** «Преттанский» (о-в; Пифей, Диодор); **Βρεττανία** «Бреттанция» (Страбон); Μεγάλη **Βρεττανία** «Великая Бреттанция» (μεγάλη «большой»; Птолемей) и **Βρεττανοί** «бреттанцы» (Дион К.) [13, 262]. Латинск. **Britannia** «Британния» (Цицерон, Цезарь, Мела, Плиний

Ст.) и **Brit(t)anni** «брит(т)анни» (Лукреций); **Britanni** «британни» (Цезарь, Гораций) [3; 4 а]; **Brittone (s)** [5]. Иногда это можно сказать и об о-ве Ирландии: др.-греческ. Μικρά **Βρεττανία** «Малая Бреттанция» (μικρός «небольшой»; Птолемей) [3].

Согласно Плинию, на континентальном побережье нынешнего Па-де-Кале — наиболее узкой части пр-ва Ла-Манш — жили люди, которых он называет «британнами» (латинск. **Britanni**). Порт же моринов, их соседей [6, 200–201], откуда корабли уходили в Британию [7, 190], — «британским» (латинск. **portum** Morinogum **Britannicum**; нынешняя Булонь), упоминая его наравне с фактической столицей Галлии Лугдуном [6, 213–215]. В раннее средневековье вокруг аббатства Сен-Бертен (французск. **Saint-Bertin**) в этих местах сложился г. Сент-Омер; само же оно получило это имя около середины XI в.

К римскому периоду своей истории побережье Ла-Манша < Пролив между Францией и Великобританией, берега которого сближаются до 33 км, соединяющий Кельтское и Северное моря. > между Сеной и Луарой, то есть его западно-материковая часть, было известно как Арморика. Тж.: [1, 29–30]. С началом средневековья западная половина последней стала называться «Британнией» (латинск. **Britannia**), жители же её — «британнами» (латинск. **Britannos**). Иногда она маркировалась и как «Ма-

лая Британния» (латинск. **Britannia Minor**; *minor* «меньший»). Это нынешняя Бретань. О-в Великобритания назывался тогда «Бритонией/Бриттений/Бриттанией» (др.-английск. **Breoton/Brittene/Bryttania**) и «Бретаниями» (др.-ирландск. **Bretain**; мн. ч.). Уэльс — «Бритенлондом» (др.-английск. **Brytenlond**), «Бретаниями» (др.-ирландск. **Bretain**; мн. ч.), «Бретландом» (др.-исландск. **Bretland**), где *lond, land* — «земля».

В настоящее время о-в Великобритания обозначается как английск. (Great) **Britain**, валлийск. **Prydain** (*Fawr*), ирландск. **Bhreatain** < Как «Вратания». > (*Mhóir*), где *great, fawr* и *mhóir* — «большой». Бретань — как английск. **Brittany**, галло **Bertaèyn**, ирландск. **Bhriotáin** < Как «Вритания». >, корнийск. **Breten Vian** («Малая Бретения»), французск. **Bretagne** и к.-шотландск. **Breatainn Bheag** («Малая Претиния»). Уэльс — как ирландск. **Bhreatain Bheag** («Малая Вратания»), мэнск. **Vretyn Veg** («Малая Вретиния»), фарерск. **Lítla Bretland** («Малый Бретланд»), где *vian, bheag, veg* и *lítla* — «небольшой». Обращает на себя внимание то, что Малой Британией в разное время называли и Бретань, и о-в Ирландию, и Уэльс, которые лежат у проливов, с юга и запада окружающих о-в Великобританию.

Названия Британских о-вов очевидно связаны и с давними обозначениями пр-ва Ла-Манш: др.-греческ. **Βρετ (τ)ανικός** *порθικός* «Бреттанский пр-в» (*порθικός* «переправа, пролив, море»; Страбон) и латинск. **Britannicus mare** «Британское море» (*mare* «побережье, море»; Мела [8, 115, 141], Плиний Ст.). Страбон называет «Бреттанским морем» акваторию, близкую нынешнему пр-ву Ла-Манш, с тем отличием, что на северо-востоке она ограничена устьями Рейна [9, 488–491; 4 с] < Эта оценка, на мой взгляд, правильнее нынешнего его разграничения. * В XVIII ст. этот пролив назывался «Британским» (**British Channel**; *channel* «переправлять, пролив»; топонимическая билингва) и по-английски. >. Согласно Плинию, «Британское море» маркируется устьями Рейна и Сены, к западу от которой тянется «Галльское море» (латинск. *mare Gallicum*) [6, 202–203].

«Вратанским морем» — **Muir Bhreatan** (*muir* «море») — называется по-ирландски и пр-в Св. Георга < Пролив между Уэльсом и Ирландией, берега которого сближаются до 76 км, соединяющий Кельтское и Северное моря. >.

Ещё одним наименованием Ла-Манша (или, скорее, обозначением его наиболее удобной для переправы части, Па-де-Кале) было «Галльский пр-в» (латинск. **fretum Gallicum**; *fretum* «пролив»; Солин) [4 с]. По свидетельству Цезаря, почти все корабли, приходившие в Британию, приставали на её крайнем юго-востоке (британском побережье Па-де-Кале) [10, 70]. В «Морском Итинерарии Антонина» так же обозначен и Бонифациев пр-в < Пролив между о-вами Корсикой и Сардинией, соединяющий Тирренское море с остальным Средиземноморьем, ширина которого 11 км. > [11]. Сравните. * Др.-греческ. **κλεις** «пролив»; датск. **helsing** «Хельсинг» (так называется пр-в Эресунн < Пролив между о-вом Зеландией

и Скандинавским п-вом, соединяющий Северное и Балтийское моря. > там, где его берега сближаются до 5 км; то есть «переправа, проход»); ирландск. **caolas** «неширокий пролив»; латинск. **claustra maris** «пролив, порт»; мэнск. **keyllys** «неширокий пролив»; нидерландск. **Kales** «Кале» (порт на континентальной стороне Па-де-Кале).

* Тогда французск. *pas de Calais* «Па-де-Кале, Дуврский пр-в» (*pas* «пролив», *Calais* «Кале») — это топонимическая билингва. * Как и латинск. **fretum Hellēsponticum** «пр-в Геллеспонт» < Пролив между Европой и Азией, соединяющий Эгейское и Мраморное моря, шириной от 1 до 6 км. > (*pontus* «море»; нынешние Дарданеллы), русск. **Карские ворота** «пролив между о-вами Вайгач и Новая Земля» < Пролив, соединяющий Баренцево и Карское моря, шириной от 45 км. Большую часть года покрыт льдами. > (**ворота** «короткий пролив») или индонезийск. *selat Gelasa/Kelasa* «Гаспарский пр-в» < Пролив между о-вами Бан(г)ка и Белитун (г; **Belitung** «земля в проливе»?), соединяющий Яванское и Южно-Китайские моря. > (*selat* «пролив»).

* Отметим, что в таком случае галисийское и французское названия Уэльса оказываются фонетически близкими соответствующим словосочетаниям с семантикой «земля у пролива». Сравните. Галисийск. **galeses** «валлийцы», **País de Gales** «Уэльс» (*país* «земля») и **pas de Calais** «Па-де-Кале» (*pas* «пролив»); французск. **Gallois** «валлийцы», **Pays de Galles** «Уэльс» (*pays* «земля»). * **Galeses** тогда — «люди, живущие у пролива».

Формы со сдвоенной **τ** — «греческие» — в приведённых именах собственных очевидно исходные. Они, как можно полагать, отмечают границу между одним и другим корнем, которые и составляют основу рассматриваемых здесь топонимов и этнонимов.

II

На побережье Великобритании, обращённой к ней континентальной полосе и побережье Ирландии есть множество населённых мест, в названиях которых присутствует консонантный инвариант **brt/frt/prt/vrt**. Перечислим те из них, которые являются городами < Цифра в шифре — их население (в тыс.), буква — побережье. >.

На о-ве Великобритания это 18-ю Бродстэрс (английск. **Broadstairs**; ср.-английск. **Bradstowe**; *stowe* «место»); 209-ю Портсмут (английск. **Portsmouth**; др.-английск. **Portesmūða** — IX в.); расположен на о-ве Портси (английск. **Portsea**); 20-ю Портчестер (английск. **Portchester**; латинск. **Portus Adurni** — III в.); 84-ю Госпорт (английск. **Gosport**); * 25-ю Ньюпорт (английск. **Newport**; «порт в сырых местах») < * Так называется и селение на валлийском побережье в устье р. Неверн (английск. **NeVERN**; валлийск. **Nyfer**). >; 12-ю Портленд (английск. **Portland**); лежит на одноимённом острове; 14-ю Бридпорт (английск. **Bridport**; др.-английск. + **Brydian** — X в. < Знак + отмечает близость фонетической формы ойконима к названию Британских о-вов в обеих его составляющих. >; ср.-английск. **Brideport** — XI в.).

17-з Бидефорд (английск. **Bideford** — XI в.; **Byddyfrod**); * 24-з Портисхед (английск. **Portishead**; латинск. **Portesheve** — XI в.; «порт на (р.) Северн»; при валлийск. и корнийск. **Hafren** «Северн»); * 146-з Ньюпорт (английск. **Newport**; **Novo burgus** — XII в.; «порт в сырых местах»); 241-з Суонси (валлийск. **Abertawe**; ср.-валлийск. **Aper Tyui** — XII в.); 13-з Милфорд-Хейвен (валлийск. **Aberdaugleddau** — XVIII в.); там, где берега пр-ва Св. Георга ближе всего подходят друг к другу, крошечный пр-в Брод и 3-в Сент-Брайдс (английск. **Broad Sound**, **St Brides Bay**); 4-з Кардиган (валлийск. **Aberteifi**); на другой стороне одноимённого залива, у селения Абердарон (английск. **Aberdaron**) о-в Бардси (английск. **Bardsey**); 20-з Дамбартон (английск. **Dumbarton**; к.-шотландск. + **Dùn Breatainn/Breatann**).

229-в Абердин (английск. + **Aberdeen**; др.-скандинавск. + **Apardion** — XIII в.); 8-в Портлетен (английск. **Portlethen**); 47-в Перт (к.-шотландск. **Peairt**); 35-в Бридлингтон (английск. **Bridlington**, **Bretlinton** — XI в.).

В общей же сложности 7 таких городов приходится на её южное побережье, 7 — на западное и 4 — на восточное, и это вторая по частотности консонантная подоснова, встречаемая в ойконимах прибрежной полосы о-ва Великобритании.

На о-ве Ирландия это 52-в Уотерфорд (английск. **Waterford**; др.-ирландск. **Port Láirge** — X в.); 20-в Уэксфорд (английск. **Wexford**) < Уотерфорда и Уэксфорда были созданы как порты викингов и долгое время ими оставались. Расположенные у пр-ва Св. Георга, недалеко от пр-ва Ла-Манш и Северного пр-ва, они могли быть и пиратскими базами в их акваториях. Ср.: др.-греческ. **πειρατής**, латинск. **pīrāta** — «пират». * Изначально так, очевидно, называли лиц, причастных к разбоям на морских переправных путях. >; далее лиман Брод-Лох (английск. **Broad Lough**); 9-в Портмарнок (английск. **Portmarnock**); 6-в Портраш (английск. **Portrush**); 8-в Портстьюарт (английск. **Portstewart**).

На континентальном побережье это 17-с Зандворт (нидерландск. **Zandvoort**; др.-нидерландск. **Sandevoerde** — XI в.); 181-с Бреде (нидерландск. **Brede** — XII в.); 17-с Бредене (нидерландск. + **Bredene**); * 11-с Ньивпорт (нидерландск. **Nieuwpoort**; латинск. **Isera Portus** — XII в.; английский. **Neuport** — XVII в.; «порт в сырых местах») < Ср.: английский. **navar** «водоём, ручей»; латинск. **nivis** «снег»; ст.-славянск. **наводниѣ** «наводнение, паводок»; французск. **naville** «небольшой оросительный канал»; чешск. **niva** «пойма» и финск. **neva** «топь». * Название реки, в устье которой он расположен, Эйзера (нидерландск. **IJzer**), передаётся как «текущая в низменных местах». Ср.: иллирийск. **oseriates** «озёра»; испанск. **isla** «пойма, остров»; корнийск. **isel**, к.-шотландск. **iosal/iseal** — «низкий»; латышск. **ežers**, литовск. **ežeras**, прусск. **azzaran**, ст.-славянск. **юзерь** — «озеро»; латышск. **izliet** «выливать, разливать»; немецк. **Auslauf** «(и)сток, устье, выгон»; русск. **изливать** «выделять, впадать», **излог** «разлог, дол» и баскск. **isuri** «вытекать, течь, впадать»; др.-тюркск. **jušul-** «вытекать, течь»; шумерск. **usal**

«луг». >; 10-с Ле-Портель (французск. **Le Portel** — XIV в.); 7-с Пордик (французск. **Pordic**).

Но чаще всего в ойконимах береговой полосы о-ва Великобритании встречается инвариант **dn/tn**. Это, например, 47-ю Фолкстон (английск. **Folkestone**; **Folcanstan** — VII в.); 281-ю Брайтон (английск. + **Brighton**; **Bristelmestune** — XI в.); 28-ю Литагемптон (английск. **Littlehampton**; **Hantone** — XI в.); 12-ю Сандаун (английск. **Sandown**); 254-ю Саутгемптон (английск. **Southampton**; др.-английск. **Hamtun** — VIII в.); 28-ю Тоттон (английск. **Totton**); 15-ю Лимингтон (английск. **Lymington**; др.-английск. **Limentun** — VI в.); 49-ю Пейнтон (английск. **Paignton**; **Paington** — XI в.).

76-з Уэстон (английск. **Weston-super-Mare**; ср.-английск. **Weston-juxta-Mare** — XIV в.); 21-з Кливдон (английск. **Clevedon** — XI в.); 19-з Престатин (английск. **Prestatyn**; **Prestetone** — XI в.); 132-з Престон (английск. **Preston**; **Prestune** — XI в.); 25-з Уэркингтон (английск. **Workington**); 20-з Дамбартон (английск. + **Dumbarton**; к.-шотландск. + **Dùn Breatainn/Breatann**).

229-в Абердин (английск. + **Aberdeen**; др.-скандинавск. + **Apardion** — XIII в.); 493-в Эдинбург (английск. **Edinburgh**; к.-шотландск. **Dùn Èideann**; латинск. **Edenesburch** — XII в.; ср.-валлийск. **Din Eidyn** — XIII в.); 148-в Данди (английск. **Dundee** — XII–XIII вв., **Duntai** — XVI в.); 16-в Данбар (английск. **Dunbar**; к.-шотландск. **Dùn Barra**; латинск. **Dynbaer** — VII в.); 84-в Стоктон (английск. **Stockton-on-Tees** — XII в.); 35-в Бридлингтон (английск. **Bridlington**; **Bretlinton** — XI в.); 258-в Кингстон (английск. **Kingston-upon-Hull** — XIV в.); 41-в Бостон (английск. **Boston**); 55-в Клактон (английск. **Clacton-on-Sea**); 14-в Малдон (английск. **Maldon**; др.-английск. **Maeldun** — X в.); 8674-в Лондон (английск. **London**; латинск. **Londinium** — I в., **Lundinium**; др.-английск. **Lundenwīc** — VII в., **Ludentūn**, **Lundenburh**); 113-в Мейдстон (английск. **Maidstone**; др.-английск. **de maeides stana** — X в., **Medestan** — XI в.).

В общем же 8 таких городов приходится на её южное побережье, 6 — на западное и 12 — на восточное.

На о-ве Ирландия это 38-в Дандолк (английск. **Dundalk**; ирландск. **Dún Dealgán**); * 28-в Ньютаунардс (английск. **Newtownards**, **Newtown** — XVII в.; по-видимому, «город в сырых местах Ардса»).

На континентальном побережье: 45-с Ден-Хелдер (нидерландск. **Den Helder**); 123-с Лейден (нидерландск. **Leiden**); 516-с Гаага (нидерландск. **Den Haag**); 91-с Дюнкерк (нидерландск. **Duinkerke**); п-в Котантен (французск. **Cotentin**); 10-с Динар (бретонск. **Dinarzh**; ст.-французск. **Dinart** — XIII в.; французск. + **Port Dinart** — XVII в.); 11-с Динан (бретонск. **Dinan**).

Таким образом, обе эти подосновы почти одинаково часто встречаются в названиях городов, расположенных у береговой линии Великобритании, Ирландии и в континентальной полосе, что подходит к ним на юге и востоке. Их 29 для первой (**brt/frt/prt/vrt**) и 34 — для второй

(**dn/tn**). Для о-ва Великобритании такое сопоставление выявляет определённое преобладание второй из них (18 и 26). Подсчёт же для небольших населённых мест даёт соотношение один к двум в пользу инварианта **dn/tn** как для о-ва Великобритании, так и для рассматриваемых здесь береговых линий в их совокупности.

Много меньше городов с первой подосновой в названии (4 против 12 — со второй) на восточном побережье Великобритании, которое в отличие от западного и южного не выходит на такие относительно неширокие и полузакрытые акватории, как они. * Это, на мой взгляд, свидетельствует о том, что под словом «порт» (латинск. **portus** «устье, гавань, порт») долгое время имелись в виду гавани именно в таких нешироких и полузамкнутых акваториях.

III

Приведём выборку тех индоевропейских слов, которые могут соответствовать значению, содержащемуся в первой подоснове топонимов, передающих понятие «Британские о-ва». Это английск. **freight** «перевозка, транспортировка»; болгарск. **проток** «пролив»; др.-греческ. **Βριτόμαρτις** «Бритомартида» (богиня-покровительница моряков и рыбаков, Крит), **Πρωτεύς** «Протей» (бог морей), **ὑπερτίθημι** «переходить, переправляться», **ὑπηρετέω** «управлять кораблём, служить на кораблях»; датск. **bred (den)** «берег (а)», **bælt** «пролив», **prutte** «торговаться»; испанск. (а) **baratar** «дёшево продавать или покупать», **ofertar** «принимать участие (в торгах)»; итальянск. **barattare** «вести бартерную торговлю», **operatore** «предприниматель», **proda** «берег», **produttore** «предприниматель»; латинск. **fretum/fretus** «неширокий пролив», **porto** «перевозить, иметь на борту», **Portū(m)nus** «Порту(м)н» (бог-покровитель мореплавания), **Vertumnus/Vortumnus** «Вертумн» (бог-покровитель товарного обмена); латышск. **pārdot** «продавать»; литовск. **parduoti** «продавать», **perdanginti** «перевозить»; д.-в.-немецк. **ferid** «транспортировка, навигация»; немецк. **Vertrag** «сделка»; нидерландск. **overdoen** «продавать», **overtocht** «переход, переправа»; португальск. **beirada** «побережье»; прусск. **Bardoayts/Perdoytus** «Бардойтс» (бог-покровитель моряков и рыбаков); романшск. **purtar** «перевозить, транспортировать»; др.-русск. **продажа** «товарообмен, торговля»; русск. **ворота** «короткий пролив», **товарооборот** «обмен товарами»; санскр. **prataraṇa** «переправа» **प्रतरण**, **prottar** «пересекать, переправляться» **प्रोत्तर**; ст.-славянск. **притяжати** «приобретать», **продати** «продавать»; ст.-французск. **barater** «заниматься бартерной торговлей»; французск. **bordier** «житель прибрежной или придорожной полосы», **brader** «распродавать», **bras de mer** «пролив», **faire du commerce** «торговать», **faire trafic de** «торговать (ч.-л.)», **parader** «крейсировать», **pertius** «пролив», **porte** «пролив», **porter** «перевозить».

Таким значением, скорее всего, будет «неширокий пролив», большею частью рассматривавшийся как «морские переправы». Приведём и концепты, которые можно поставить в связанный с ним фонетико-семантический и временной

ряд (пример из английского). **Plod** «идти с трудом, трудный путь», **ford** «(переходить в)брод», **float** «переправлять, плот», **board** «(устраивать) настил, судно», **bridge** «(наводить) мост», **byroad** «проселица, ближайший путь», **barter** «(вести) меновую торговлю», **freight** «(перевозить) груз», **belt** «неширокий пролив».

Выборка, характеризующая, на мой взгляд, вторую подоснову, лишь в небольшой своей части является индоевропейской. Это итальянск. **tenuta** «ферма»; пушту **тун** «жилище, родина» **تون**; санскр. **dhenu** «земля» **धेनु**; др.-скандинавск. **tún** «сельскохозяйственные угодья»; фарси **тин** «земля» **طین**; хеттск. **utne** «земля, край, страна». И алеутск. **tanax** «земля, места, край» [12a]; арабск. **awtan** «земля, отечество» **أوطان**; венгерск. **tanya** «ферма»; виру **itono** «земля, край» [12b]; вьетнамск. **điền địa** «земля, участок»; с.-дагарск. **tane** «земля» [12c]; ивтанск. **tana** «земля, край» [12d]; ико **itán** «земля, страна» [12e]; индонезийск. **tanah** «земля, участок, край, страна»; казахск. **аудан** «места, край», **отан** «отечество»; камула **tāna** «земля, край» [12f]; кирибати **tano** «земля» [12g]; китайск. **diàn** «близлежащая местность» **甸**, **tián(di)** «обрабатываемая земля» **田(地)**, **tiántǔ** «обрабатываемая земля» **田土**, **tiányuán** «поля, сады и огороды» **田園**; копарск. **din** «земля, край, страна» [12h]; корейск. **ttang** «земля, край, страна» **땅**; летембойск. **den** «земля» [12i]; люй **din.1** «земля» [12j]; малагасийск. **tany** «земля, край, страна»; нанга **donō** «земля, край, страна» [12k]; нарринъери **tuni** «земля, край» [12l]; ндунга **tino-** «земля» [12m]; ньямванга **tuntu** «край, страна» [12n]; паамск. **atano** «земля» [12o]; седангск. **tonèi** «земля» [12p]; ю.-слейви **dii ndee** «земля» [12q]; суахили **udongo** «земля»; тайск. **din** «земля, край, страна» **ดิน**, **dæn** «территория, страна» **แดน**; тамильск. **tiṇai** «места, земля» **திண்டி**; финск. **tanner** «земля, поле», **tienoo** «места, край», **tontti** «земля, участок»; фульфульде **tindi** «земля» [12r]; ханга **tanı** «земля» [12s]; чаморро **tano'** «земля, край» [12t]; эвенкийск. **дуннэ** «места, земля, страна»; ямана **tan** «земля» [12u]; японск. **denchi** «обрабатываемая земля» **田地**, **den'en** «обрабатываемая земля» **田園**.

Значение второй подосновы рассматриваемых здесь топонимов, очевидно, «земля». * В этом значении инвариант **dn/tn** используется, как можно полагать, также в названиях Аквитании, Арденн, Бадена, Ботнии, Бранденбурга, Воеводины, Граубюндена, Дании, Дардании, Карантании, Лихтенштейна, Лузитании, Македонии, Окситании, Ольденбурга, Сардинии, Судет, Транспадании, Унтервальдена, Швеции, Эстонии — если ограничиваться только Европой. * Иначе говоря, используется как хороформант, и очень древнего происхождения. (Тж.: критяне, лагиняне, спартанцы, тевтоны, турдетаны и др.) Фонетико-семантическим и временным «английским» контекстом второй подосновы могут быть др.-английск. **denu** «долина», **tūn** «сельскохозяйственные угодья, поселение»; английск. **town** «небольшой город».

На языке о-ва Мэн «Англия» передаётся как *Sausin* и *Sostyn*. В ирландском — как *Sasana*, к.-шотландском — *Sasainn*. По-корнийски это — *Pow Sows* или *Pow an Sowson* (*row* «земля, страна», *Sows* «англичанин», *an kogo* и *Sowson* «англичане»). * Учитывая, что мэнский, ирландский и к.-шотландский составляют гойдельскую подгруппу кельтских языков, а корнийский входит в их бриттскую подгруппу, можно утверждать, что *tyн* значит то же, что и *row*, то есть «земля, страна». (* Сравнение др.-исландск. *Bretland*, мэнск. *Bretyn* и французск. *Paus de Galles* — «Уэльс» равным образом ведёт к: *land* равно *tyн* равно *paus*.) А *-styn*, очевидно — то же, что и *-sten* в н.-немецк. *Holsten* «Гольштейн», — *стон* в таджикск. *Тоҷикистон* «Таджикистан». Или *-ster* в английск. *Leinster* «Ленстер», *Munster* «Манстер», *Ulster* «Ольстер», последняя из которых в средние века была известна как «Ульгония» (латинск. *Ultonia* и английск. *Ultonian* «ольстерец»).

* Тогда название «Британские (о-ва)» будет означать «(о-ва) земель в проливах». * «(О-в) Великобритания» — «(о-в) центральной из земель в проливах». * «Бретань» — «земля у пролива». * «Британцы» — «люди, живущие у проливов». * «Бретонцы» — «люди, живущие у пролива» < Латинск. *classis Britannica* «флот земель в проливах». >. Формы со сдвоенной *n* — «латинские» — в этих именах собственных < При [5]. >, как мне кажется, свидетельствуют о непонимании их исходного значения и интерпретации соответствующих топонимов как «территории британнов».

IV

В пределах рассматриваемых здесь земель в римское время встречаются три территориальные общности, в названиях которых присутствует консонантный инвариант *dn/tn*: «вотадины» (др.-греческ. *Ῥαδινοί*, латинск. *Votadini*), «каледонии» (др.-греческ. *Καληδόνιοι/Καληδώνες*, латинск. *Calēdonēs/Calēdonii*) и «редоны» (др.-греческ. *Ῥήδονες/Ῥηῖδονες*, латинск. *Redonēs*).

Территорией, связываемой со вторыми из них, была северная, горная часть Шотландии (английск. *Highlands*, «Севершотландское нагорье»). Ей присущ умеренный морской климат, более прохладный, чем в остальных местах о-ва Великобритании, — с мягкой зимой и нежарким летом < Дион К. отмечает, что каледонии могли переносить и голод, и холод (др.-греческ. *ψύχος* «прохлада, холод») [13, 264–265]. > * Можно полагать, что обозначение «каледонии» с этим обстоятельством и связано и объясняется как «люди прохладной страны». Сравните. Валлийск. *cwl*, латинск. *ēgelidus*, нидерландск. *koel*, санскр. *hlāduka* *ह्लादुक*, а.-шотландск. *caller* и финск. *kolea* — «прохладный». (Тацит считал, что рыжие волосы и высокий рост жителей Каледонии говорят об их германском происхождении [14а]. Здесь и ниже примеры в подборках, взятые из германских языков, играют, во всяком случае, не последнюю роль.)

* Возможно также, что название «Каледония» (латинск. *Calēdonia*), некогда воспринимавшееся как

«прохладная страна» (что, кажется, не противоречит и словам Плиния о «калидонских лесах» — латинск. *silvae Calidoniae* [6, 198–199] — Шотландии), в свою очередь, имело отношение к исходному гойдельскому слову «земля, где говорят на гойдельском языке» (ирландск. *Gaeltacht*; английск. *Gaeldom*). Исторически оно употреблялось по отношению к северо-западной, горной Шотландии.

Первенствующие позиции принадлежали в ней тогда, очевидно, кельтам. * Так, перед Граупийской битвой 83/84 г. к войскам Каледонской коалиции обратился их вероятный командующий, который был кельтом. Это следует из его имени, переданного Тацитом, — Галгак (латинск. *Calgacus/Galgacus*; при ирландск. *Gaeilge* «ирландский/к.-шотландский язык») [14b] < Ср.: бретонск. *galleg* «французский язык»; галисийск. *galego* «галисийский язык, галисиец»; латинск. *colloquium* «разговор»; ст.-славянск. *глаголь* «речь». * Тж.: английск. *Calgarian* «житель Калгари», *Haligonian* «житель Галифакса»; др.-греческ. *Κόλχος* «колах»; латинск. *collēga* «товарищ»; санскр. *kulika* «родственник» *कुलिकि*; французск. *clique* «шайка, банда», *collectif* «сообщество»; пушту *халқá* *خلکو* и грузинск. *khalkhi* *ხალკი*, л.-марийск. *калык*, др.-тюркск. *xalq* — «народ, люди»; гавайск. *hoa(a)loha* «товарищ, друг»; ингушск. *ǰalgay* «ингуши»; монгольск. *хаал* «халхасцы» >. * Значением этого имени было, очевидно, «гойдел», то есть кельтоязычный шотландец.

Вотадины жили в юго-восточной, низинной части Шотландии (английск. *Central Lowlands* или *Midland Valley*, «Среднешотландская низменность»). * Их территорией были и земли, позднее известные как Лотиан (латинск. *Laudonia*; а.-шотландск. *Lowden*; «низовая земля»), в которых сложился г. Эдинбург. * Принимая во внимание др.-английск. *wæt* «сырой, влажный»; нидерландск. *weide* «луг»; ст.-славянск. *вода* «вода»; таджикск. *водӣ* «долина»; хеттск. *watar* «вода» и китайск. *wòdi* «болотистая местность» *渥地*; турецк. *vadi* «долина», получаем следующее объяснение этого слова: «люди, живущие в низинных землях» < * То же значение, кажется, и у имени финно-угорского народа *водь* (водск. *vaddalaizōd, vadda; laizōd* «люди») и его родных мест (немецк. *Wattland*, русск. *Водская* пятинна) >.

Считается, и вполне обоснованно, что название Эдинбурга включает в себя обозначение территории, которая его окружает: *Eidyn, Eden, Edin, Èideann. Din* же, *bur* (с) *h/burg* (h) и *dùn* — это «укрепленное поселение». * Памятуя семантику слов *Ῥαδινη, Votadin, Lowden* и др.-английск. *ēa/æ* «вода, река», *denu* «долина», приходим к такой интерпретации названия шотландской столицы: «укрепленное поселение у сырой долины». Сравните. * Английск. *Edenbridge* «Иденбридж» (город в пойме р. Медуэй, Кент), «мост (в) речной пойме». * Или *Eton* «Итон» (город у слияния рукавов Темзы), «селение (у) реки»; прежде, наверное, «пойменные луга».

По свидетельству Диона К., британцы делились здесь на каледониев и меатов (др.-греческ. *Μαίᾶται*) и иные их

подразделения рассматривались в контексте их принадлежности к одним или другим. Меаты, по его словам, обитали за Стеной Адриана, каледонии — ещё дальше за ними. Те и другие жили в диких и бедных водой горах и на болотистых равнинах, не возделывая полей, но за счёт скотоводства [13, 262–265]. Сравните. Немецк. **Matte** «луг, выгон», **Modd** «грязь, ил», **Mutech** «заболоченная земля»; др.-греческ. **μυδάω** «быть влажным»; латинск. **madeo** «быть влажным», **ūmidum** «сырая местность»; латышск. **mitrs** «влажный, сырой»; французск. **moite** «влажный»; а.-шотландск. **meidae** «луг» и грузинск. **mdelo** «луг» მდელო; китайск. **mùdì** «луг, выгон» 牧地; суахили **matope** «грязь, болото»; финск. **muta** «грязь, ил».

* Откуда следует, что слово «меаты» имеет почти то же, что и «вотадины», значение: «люди, живущие в сырых местах», и это только два названия одних и тех же общин, занимавших одни и те же сырые низинные территории < Отметим, что в древности общины побережья Азовского моря (или болота, каким его ещё находили) называли «меотами» (др.-греческ. **Μαιώται**). * И семантика этого слова была очевидно такой же. * Тж.: 113-в Мейдстон. >. Сравните. Английск. **lowlands** «низменности» и **wetlands** «сырые места», **midland** «центральная часть страны» и **meadowland** «луга». Так, историческая область Шотландии, включавшая в свои границы её столицу, носила и носит англо-шотландское имя «Мидлоуден» (**Midlowden**). Кельтско-шотландский язык не был здесь основным, и в то время, о котором можно судить, в этих краях говорили, кажется, на англо-шотландском.

После Граупийского сражения с окончанием лета римская армия была, по словам Тацита, отведена в «землю борестов» (латинск. **finis Borestorum**) [14 с; 15, 351]. * Разобранная в другой работе [2, 86], фонетическая форма этого этнонима даёт основания считать, что его семантика немногим отличается от значений, передающихся словами «вотадины» и «меаты».

Редоны, согласно Цезарю, были одной из арморийских общин — не самой, однако, влиятельной в Галлии, — частью жившей на побережье Ла-Манша [10, 133].

Территория, которая соответствует центру нынешнего Лондона, к приходу римлян была, по-видимому, как-то обжита и использовалась для сельскохозяйственных надобностей. Ойкоформанты, добавлявшиеся в средние века к его названию — **wīc**, **tūn**, **burh**, — значили «неукреплённое или укреплённое поселение». Это свидетельствует о том, что оно воспринималось скорее как обозначение

урочища. Сопоставим со второй подосновой его названия — «земля» — английский. **lawn** «прогалина, лужайка»; бретонск. **lann** «(вересковая) пустошь»; корнийск. **lan** «огороженная земля»; немецк. **Lann** «угодя, земля»; русск. **елань** «обширная прогалина, луговая или полевая равнина»; с.-фризск. **lun** «земля, край»; а.-шотландск. **loan** «выгон» и татарск. **ялан** «открытое поле». Или корнийск. **lan** «чистый, очищенный», **lawn** «чистый, открытый» (Р. Уильямс указывает, что эти прилагательные являются вариантом корнийск. **glan** с тем же исходным значением [16, 229, 231]. Тогда для сравнения могли бы использоваться и такие слова, как английский. **cleaning** «чистка»; латинск. **colōnia** «сельскохозяйственный участок»; др.-русск. **голина** «чисто поле, необрабатываемая земля»; русск. **клин** «сельскохозяйственный участок»); мэнск. **lhean** «широкий, просторный» < Ср. с др.-английск. **land/lond** «земля, поле»; прусск. **lëndis** «росчисть»; ирландск. **glanadh** «росчисть» и **glanta** «очищенный». Если в первом случае речь идёт об участках, свободных от леса, то во втором — расчищенных от него >.

* Всё это позволяет объяснить название Лондона как «земли, свободной от леса; полевой равнины» < * Русским его соответствием было бы имя г. **Ельни**; **Елна** — XII в. >. Его бретонский и корнийский варианты — **Londrez** и **Loundres** — подтверждают, на мой взгляд, правильность подобной интерпретации, поскольку в последнем из них *derrus* значит «территория, земля». То, что о-в Великобритания «большой частью является равниной, поросшей лесом», отмечал ещё Страбон [7, 190].

На крайнем юге Итальянского п-ва, там, где он сближается с о-вом Сицилией, отделяясь от него лишь Мессинским пр-вом (латинск. **Fretense mare**, **fretum Siculum**) < Пролив, соединяющий Ионическое и Тирренское моря, шириной от 3 км. >, лежит область, когда-то называвшаяся Бреттией (др.-греческ. **Βρεττία**, **Βρεττιανή χώρα** [17, 78]; *χώρα* «земля»). * Исходным значением этнонима «бреттии» (др.-греческ. **Βρεττιοί**; латинск. **Brittii/Bruttii/Brütii**), получившего распространение с середины IV в. до н. э., с очевидностью было «люди, живущие у пролива»; существенный фонетико-семантический параллелизм с рассматривавшейся тематикой, подтверждающий, мне кажется, общие выводы этой работы.

Часть решений, изложенных в ней, касается не одной лишь Британии и будет развёрнуто представлена в другом месте.

Список литературы:

1. Малахов С. В. Сходство в названиях некоторых проливов Старого Света // *European Journal of Humanities and Social Sciences*. – № 2. – 2016. – P. 29–32.
2. Малахов С. В. Три названия Парижа // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. – № 1–2. – 2016. – P. 84–89.
3. Britain (place name). [E-resource] // *Wikipedia*. – URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Britain_\(place_name\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Britain_(place_name)) (accessed: 9.9.2016)
4. a. *Britanni*; b. *Britannicae insulae* or *Britannia*; c. *fretum Gallicum*. [E-resource] // *Lewis C. T., Short C. A Latin Dictionary*. – Oxford: Clarendon Press, 1879. – URL: a. <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A19>

- 99.04.0059%3Aentry%3DBritanni; b. [http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus: text:1999.04.0064:entry=britannicae-insulae-geo&highlight](http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.04.0064:entry=britannicae-insulae-geo&highlight); c. <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus: text:1999.04.0064:id=fretum-gallicum-geo> (accessed: 9.9.2016)
5. Tablet 164. [E-resource]//Vindolanda Tablets. – URL: <http://vindolanda.csad.ox.ac.uk/4DLink2/4DACTION/WebRequestQuery?searchTerm=164&searchType=number&searchField=TVII> (accessed: 9.9.2016)
 6. Pliny. Natural history in ten volumes. V. II; tr. by H. Rackham. [3-d ed.] – Cambridge, MA: Harvard University Press – L.: W. Heinemann Ltd., – 1961. – 9, 664 p.
 7. Страбон. География (в 17 книгах); пер. Г. А. Стратановского. – Л.: Наука, – 1964. – 957 с.
 8. Pomponius Mela's Description of the World; [tr. by] F. E. Romer. Ann Arbor: The University of Michigan Press, – 1998. IX, 165 p.
 9. Strabo. The Geography in eight volumes. V. I; tr. by H.L Jones. [4-th ed.] – L.: W. Heinemann Ltd – Cambridge, MA: Harvard University Press, – 1960. – 43, 532 p.
 10. Цезарь Г. Ю. Галльская война//Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне; пер. М. М. Покровского. 2-е изд. – М.: Изд-во АН СССР, – 1962. – 418 с.
 11. Fretum Gallicum. [E-resource] – URL: <http://www.fretumgallicum.com/> (accessed: 9.9.2016)
 12. a. Atkan tanax; b. Wiru itono; c. N.-Dagara tane; d. Ivatanən tana; e. Iko ítán; f. Kamula täna; g. Kiribati tano; h. Kopar din; i. Letemboi den; j. Lü din.1; k. Nanga donō; l. Ngarinyeri tuni; m. Ndunga tíno-; n. Nyamwanga tuntu; o. Paama atano; p. Sedang tonèi; q. Dene-thah dii ndee; r. Duna tindi; s. Hanga tanı; t. Chamoru tano'; u. Yámana tan. [E-resource]//PanLex. – URL: a. <https://panlex.org/panlinx/ex/21048273>; b. <https://panlex.org/panlinx/ex/3484388>; c. <https://panlex.org/panlinx/ex/3509435>; d. <https://panlex.org/panlinx/ex/7380205>; e. <https://panlex.org/panlinx/ex/3473056>; f. <https://panlex.org/panlinx/ex/777819>; g. <https://panlex.org/panlinx/ex/7376812>; h. <https://panlex.org/panlinx/ex/3512502>; i. <https://panlex.org/panlinx/ex/19933431>; j. <https://panlex.org/panlinx/ex/18961091>; k. <https://panlex.org/panlinx/ex/3467747>; l. <https://panlex.org/panlinx/ex/3509628>; m. <https://panlex.org/panlinx/ex/12719074>; n. <https://panlex.org/panlinx/ex/16828441>; o. <https://panlex.org/panlinx/ex/7452713>; p. <https://panlex.org/panlinx/ex/24452346>; q. <https://panlex.org/panlinx/ex/24224099>; r. <https://panlex.org/panlinx/ex/3504325>; s. <https://panlex.org/panlinx/ex/3468228>; t. <https://panlex.org/panlinx/ex/16462546>; u. <https://panlex.org/panlinx/ex/18177906> (accessed: 9.9.2016)
 13. Dio [C.] Roman history in nine volumes. V. IX; tr. by E. Care. [2-d ed.] – L.: W. Heinemann Ltd. – Cambridge, MA: Harvard University Press, – 1955. – V, 572 p.
 14. Agricola, a. 11; b. 29; c. 38. [E-resource]//The Works of Tacitus; tr. by A. J. Church and W. J. Brodribb. – URL: a. <http://www.sacred-texts.com/cla/tac/ag01010.htm>; b. <http://www.sacred-texts.com/cla/tac/ag01020.htm>; c. <http://www.sacred-texts.com/cla/tac/ag01030.htm> (accessed: 9.9.2016)
 15. Тацит П. К. Жизнеописание Юлия Агриколы//П. К. Тацит. Сочинения в двух томах. Т. I; пер. А. С. Бобовича. – Л.: Наука, – 1969. – 444 с.
 16. Williams R. Lexicon Cornu-Britannicum: A Dictionary of the Ancient Celtic Language of Cornwall. – Llandoverly: Roderic – L.: Trubner & Co., – 1865. – 4, 400 p.
 17. Πολυβίος. Ἱστορίαι. Polybius. Historiae. V. I. Ed. altera. Lipsiae: B. G. Teubneri, – 1922. 362 p.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-42-45>

*Musaev Syrtbay Zholdoshevich,
Dekan der Fakultät für Linguistik
der kirgisischen Staatlichen I. Arabaev- Universität,
Doktor der philologischen Wissenschaften, Professor
E-mail: musaev53@list.ru*

Die Fragen nach dem Verständnis des fremdkulturellen Textes. Fragestellung

Abstrakt: Dieser Artikel beschreibt die grundlegenden Konzepte der komplexen theoretischen Fragen nach dem Begriff des „Verstehens“. Insbesondere wird ein Verständnis, wie ein positives Ergebnis von jeder Kommunikationsart als lingvopsychologisches Verfahren analysiert, die eine Anzahl von externen und internen Faktoren umfasst.

Stichwort: Verständnis, Kommunikation, Pragmatik, der Empfänger, Kultur, interkulturelle Kommunikation, persönliche Missverständnisse, Missverständnisse, Pre-Verständnis, intuitives Verständnis.

Eine beliebige Wissenschaft mit einem Handlungsbedarf vermutet eine Bedeutungsdistanz zwischen dem erkennenden Subjekt und dem erkannten Objekt. Deshalb befinden sich die Fragen, die zum semantischen Kompetenzbereich des Empfängers und seinen Fähigkeiten für ein Verständnis sowie für die Interpretationsaktivität zählen, im Zentrum der Aufmerksamkeit der Philologen, der Fachkräfte für die Hermeneutik, der Psychologen und den Informationssystemen. Doch ist das Verständnis in seinem breitesten logischphilosophischen und sprachwissenschaftlichen Sinn eine Vorbedingung für die Entwicklung der Kultur insgesamt.

Das Verständnis kann man als das positive Ergebnis des Kommunikationsprozesses bestimmen. Da das Verständnis ein Prozess und ein Ergebnis des menschlichen Verkehrs ist, und sich der Verkehr in einer bestimmten Situation verwirklicht, muss man für ein bestimmtes Ziel verschiedene pragmatische Faktoren berücksichtigen, die das Verständnis beeinflussen. Das Verständnis ist immer ein zweiseitiger Prozess, wobei man einen Absender (Kommunikator) und einen Empfänger annimmt. Es wird traditionell als eine Fähigkeit betrachtet, zu durchdenken, den Inhalt, die Bedeutung des Textes sowie den Prozess der Sinnerrichtung zu begreifen, der vom Autor im Text wie „verschlüsselt“ ist. Eine Realisierung dieser Fähigkeit und des Prozesses der Sinnerrichtung ist der Aufstieg des Textes zu einem transtextualen Kontinuum oder der Realität, die die Bedeutungsbestimmtheit des Textes festsetzt. Dies verstehend, soll der Empfänger das Allgemeine auf das Private zurückführen, Begriffe zu dem verbinden, was ihm schon bekannt ist (das Wissen), die verstandenen Informationen damit vereinen, und dadurch die bedeutenden Beziehungen und die Beziehungen zwischen den Objekten, ihre Übereinstimmung/Nichtübereinstimmung mit der realen Welt zu öffnen. Auch dann wird das Objekt des Wissens zur „Sache in sich“, zur Sache für das Subjekt. Also sagen das Wissen und das Verständnis, welche Einfluss aufeinander haben, ein anderes voraus. Dem Entstehen des neuen Wissens geht das Verständnis, welches zurzeit in den realen, begrifflichen Welten existiert, voran. Hier soll an die Vorschrift, die zum hermeneutischen Kreis passet, erinnert werden: um zu verstehen, muss man wissen, aber um zu wissen, muss man verstehen.

Der Text existiert in einer bestimmten gegenständlichen Welt und kann nur darin richtig ausgelegt sein. Mit einem fremdkulturellen Text, mit der fremden Kultur überhaupt Kontakt aufnehmend, sieht der Empfänger es durch das Prisma der lokalen nationalen Kultur, was hauptsächlich und das Unverständnis der spezifischen Momente des fremdkulturellen Textes vorherbestimmt. Deshalb ist der verständlich — terminologische Apparat notwendig, mit dessen Hilfe man untersuchen kann und die Schwierigkeiten an den Tag bringen könnte, die im Laufe des Verständnisses des fremdkulturellen Textes entstehen. Solch ein Apparat kann für die Beschreibung der national-kulturellen Besonderheit der linguistischen Gemeinsamkeiten, welche sich in der psychologischen Situation befinden, verwendet werden, in deren Bedingungen die interkulturelle Kommunikation geschieht. Die Divergenzen in den Sprachen und den Kulturen werden auf verschiedenen Niveaus fixiert und werden in ver-

schiedenen Termini beschrieben. Bei der Gegenüberstellung der grammatikalischen Systeme zweier fremdkultureller Sprachen decken die Gelehrten „die zufälligen Versäumnisse, die Lücken in den sprachlichen Modellen“ auf. Über die national-spezifischen Elemente sprechend, die den Verkehr zwei Kulturen behindern, charakterisiert G. D. Gatschew sie als „die Nägel“, die sich im Laufe der interkulturellen Kommunikation streiten [1]. Jene, die die national-kulturelle Originalität des Volkes untersuchen benutzen den Begriff „Ethno-Ödem“ [2] — der durchgehenden Weise der nationalen Weltbilder verschiedener ethnischer Gemeinsamkeiten.

Das besondere Interesse stellen die Arbeiten vor, in denen die Divergenzen sowohl in der Sprache, als auch in der Kultur mit Hilfe des Begriffes „Lücke“ analysiert werden. Die Lücke ist ein Begriff dazu, dass es etwas in einer lokalen Kultur gibt und in einer anderen nicht. Die Besonderheit jeder konkreten Sprache bildet der Charakter der Repräsentation des sprachlichen Inhalts, die mit der Technologie der inneren Formen bedingt ist, aber die Gründe des Entstehens der Lücken können nicht nur sprachwissenschaftlich, sondern auch kulturell-historische oder ethnographische Faktoren sein.

Eine Sinnaneignung bedeutend, vermutet das Verständnis Bewegungsstufen 1) des individuellen Unverständnisses und 2) des gegenseitigen Verständnisses über 3) das Vorverständnis zu 4) dem individuellen Verständnis weiter zu 5) dem gegenseitigen Verständnis.

Das individuelle Unverständnis ist eine Situation, wenn, selbst wenn einiges sprachwissenschaftliches Wissen und ein bestimmtes apriorische empirische Gepäck von Seiten des Empfängers besessen wird, die Wahrnehmung des Textes beginnt und man aufdeckt, dass sie für die Bestimmung ungenügend sind: worüber dieser Text ist, und mit welchen Mitteln sein Hauptinhalt wie zum Beispiel für den Fall einer Lektüre eines Nicht-Sprachwissenschaftlers oder dem Fall des Erhaltens eines rein sprachwissenschaftlichen Textes übergeben ist — den Plan des Ausdruckes wahrnehmend, ist er nicht im Zustand, zu synthetisieren und den für ihm verborgenen Plan des Inhalts zu analysieren. Die Unterschiede in Konzeptualisierung der Welt zwischen Sprachwissenschaftler und Nichtlinguisten überwiegt die Ähnlichkeit in ihrer Beziehung zur Realität. Das Unverständnis oder das verzerrte Verständnis kann von der isolierten Wahrnehmung des Textes und der subjektiven Unwissenheit dieser Welt — der Welt der Denotate hervorgerufen sein. Das Unverständnis kann sowohl die Welt der Signifikate, als auch der Konnotationen betreffen.

Gegenseitiges Verständnis ist ein Ergebnis der Abwesenheit der allgemeinen Sprache, Referenzkompetenzbereiches, selbst wenn teilweise das presuppositionale Wissen des Kompetenzbereiches, des Kommunikator und des Empfängers übereinstimmen. Den epistemologischen Bruch zwischen den Weltbildern, den Intentionen des Kommunikators und dem Verständnis dieser Intentionen vom Empfänger tragen zu den kommunikativen Misserfolgen oder der verzerrten Wahrnehmung der Informationen bei, entweder auf ethnokulturellem, oder auf sprachwissenschaftlichem Niveau. Die un-

absichtlichen Fälle des Missverständnisses melden sich von der kritischen Nichtübereinstimmung der Thesauren des Kommunikators und des Empfängers, dem unvollständigen Begreifen der kommunikativen Absichten und Voraussetzung des Autors seitens des Empfängers, sowie der pragmatischen Ungenauigkeit der sprachwissenschaftlichen Erledigung des Textes, d. h. der Auswahl der sprachlichen Mittel, die nicht den Zielen der Sprachgenerierung entsprechen.

Das Vorverständnis, das intuitive Verständnis, ist eine Etappe, wenn der allgemeine Sinn des Textes dem Empfänger zugänglich ist, aber er nicht im Zustand ist, eine Erklärung der Verständigungsmechanismen anzubieten. Die entscheidende Rolle in der Errungenschaft des intuitiven Verständnisses spielt die persönliche Erfahrung, der Kompetenzbereich und der Thesaurus des Empfängers, da der Sinn des Textes im gleichen Maß sowohl innerhalb, als auch außerhalb seiner Grenzen geschlossen ist; Präsuppositionen wie das apriorische Grundtonwissen, der senkrechten Kontext, der nicht geäußert ist, aber in einer Verständigungstätigkeit teil nimmt.

Die Tiefe des Textverständnisses bestimmen persönlich die Kompetenzen des Empfängers, sein Gemeinhintergrundwissen und die Lebenserfahrung, die sich stützt auf:

Das für alle Träger der gegebenen Sprache bedeutsame Wissen über Satzelemente und Textkonstruktionsnormen, sowie Prinzipien des Sprechverkehrs, und Regeln der Sprechetikette. Das buchstäbliche Durchlesen des Textes außerhalb seiner makrokontextabhängigen, pragmatischen, oder ethnokulturologischen Abhängigkeiten bringt uns dem Verständnis nur näher, aber gewährleistet es nicht;

Intersubjektive Anerkennung hat ein- und dieselben Normen. Ohne gehörige Übereinstimmung zwischen den Vorstellungen des Empfängers und den Ideen des Autors wird das Verständnis wissentlich unvollständig; die Anlage wie die Bereitschaft zu einer bestimmten Form des Reagierens, der Kondition zur adäquaten Wahrnehmung und der Interpretation des Sinnes. Solche Bereitschaft begünstigt die Sinneswahrnehmung und erleichtert das Verständnis des Textes, da die nötigen Erwartungen geschaffen werden.

Die Anlage bildet sich aus vielen Faktoren, aber die Hauptsache ist die Übereinstimmung oder die Gemeinsamkeit des Grundtonwissens des Autors und des Empfängers, die allgemeine Sprache — sowohl im lexikalisch-grammatischen Sinne, als auch im Grundriss der fremdkulturellen Kategorien.

Das gegenseitige Verständnis ist eine wechselseitige Aneignung der sozio-kulturellen Erfahrung und die Fähigkeit, sich verstanden einem anderen mitzuteilen. Es wird immer kommunikativ aufgerufen, zum „Dialog“ oder dem Verständnis zwischen dem Autor des Textes und dem Empfänger beizutragen. Es bedeutet, dass ein beliebiger „Dialog“ beiden Kommunikanten bekannt ist, aber in verschiedenem Umfang vermutet wird. Ein beliebiger Text, wenn es nicht ein Kryptogramm ist, das geschaffen ist, um nicht verstanden zu werden, ist darauf berechnet, dass es für beide Seiten, Autor und Empfänger, verstanden wird. Der Autor vermutet einen Empfänger mit bestimmten informativen Bedürfnissen. Das

Streben des Empfängers ist es, den Autor des Textes vollkommen natürlich zu verstehen. Es entsteht wie die Reaktion auf die Nichtübereinstimmung ihrer Weltbilder und die national-kulturelle Besonderheit: Kognitiv (wissenswert) stimmen die Modelle des Autors und des Empfängers nicht immer vollständig überein. Die Unterschiede in ihrer Erfahrung und Erkenntnis sind unvermeidlich — die Bedingungen der Aneignung der Sprache und der Aneignung der Welt sind deshalb nicht gleich und immer individuell. Wie L. P. Jakubinski richtig bemerkt hat: „Unsere Wahrnehmung und das Verständnis der fremden Rede lassen sich nicht nur durch die Sprechlösung, sondern auch vor allem durch all unsere innere und äußerliche Erfahrung und schließlich dem Inhalt der Psyche definieren, die zur Zeit der Wahrnehmung etwas wahrnimmt“ [3].

Die Sprache expliziert ein bestimmtes Weltbild, aber dem Verständnis ist nur jener Teil dieses Bildes zugänglich, der weniger von der Stufe Sprachbeherrschung bedingt ist, sondern viel mehr von der Stufe des Referenzkompetenzbereiches des Empfängers: Je grösser sein Referenzkompetenzbereich, desto höher die Stufe der Bereitschaft zu einem adäquaten Verständnis des Textsinnes. Das Verständnis erschöpft den Inhalt des Textes und, wesentlich-seiner extratextuellen Beziehungen nicht. Wenn beim Produzieren des Textes der Autor auf die Notwendigkeit der Auswahl der Sprechmittel zusammenstößt, so stößt er beim Verständnis auf die Möglichkeit einer mehr oder weniger vollen Interpretation des Textes zusammen. In diesem Zusammenhang muss man das Niveau des Verständnisses des Vorhabens und das Niveau des Verständnisses der Mittel (nicht nur der sprachlichen) sowie deren Verkörperungen unterscheiden.

Neben dem eigentlich sprachwissenschaftlichen Niveau des Verständnisses ist es nötig, die sozialen sowie national-kulturellen Vorbedingungen dieses Prozesses zu berücksichtigen.

Im Kompetenzbereich der Kommunikanten gibt es das System des enzyklopädischen, national-kulturellen Wissens, dessen Teil allgemein für alle und die ganze Menschheit ist. Möglich sind jedoch auch solche, die den Trägern einer Fremdkultur, den Vertretern eines anderen gegenständlichen Gebietes fremd sind. Bei der Unbestreitbarkeit der These über die Sprache, wie über das am vollkommenste Verkehrsmittel in einer Atmosphäre der wachsenden interkulturellen Kommunikationen stoßen wir an die Grenze des Verständnisses und sogar jene des gegenseitigen Verständnisses.

Die Schwierigkeiten des Verständnisses des Textes melden sich oder seinem begrifflichen Sättigungsgrad, oder dem national-kulturellen Spezialbetrieb. Damit sich das Verständnis einem maximal gültigen annähert, muss man eine Ausbesserung und Adaptierung auf die national-kulturellen Begriffssysteme und die national-kulturellen Werte des Volkes machen. Der Verständnisprozess gliedert sich bei verschiedenen Völkern auf verschiedene Weise. Der Vertreter einer anderen sprachlichen und national-kulturellen Gemeinschaft kann das Weltbild anders sehen als die Vertreter unserer Kultur.

Referncez:

1. Gatschew G. D. Über die nationalen Weltbilder//Völker Asiens und Afrikas. – 1967, – № 1.
2. Schejman L. A., Waritsch N. M. “Über die nationalen Weltbilder und über ihre Bedeutung für den Kurs der russischen Literatur in den nicht russischen Schulen//Fragen des Unterrichtens des Russischen und die Literatur in der kirgisischen Schule. – Frunse. – 1976, Ausgabe 6.
3. Jakubinski A. П. Über die dialogische Rede//Russische Rede. St. Petersburg. – 1923.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-45-48>

*Radkevich Vita Vladimirovna,
Zhytomyr State University named after Ivan Franko
graduate student, Department of English Philology
and transfer the name DI Kveselevicha
E-mail: patu1@rambler.ru*

Specific character of discourse acts actualization in intergender dialogues (on the material of female English-language prose)

Abstract: The article deals with the analysis of intergender dialogues of English-language prose personages. Characteristic features of certain types and kinds of discourse acts in female and male personages' speech are defined.

Keywords: discourse act, intergender dialogue, female/male personages' speech.

*Радкевич Вита Владимировна,
Житомирский государственный университет
имени Ивана Франко,
аспирантка, кафедра английской филологии
и перевода имени Д. И. Квеселевича
E-mail: patu1@rambler.ru*

Специфика актуализации дискурсивных актов в межгендерных диалогах (на материале англоязычной женской прозы)

Аннотация статьи: Статья посвящена анализу межгендерных диалогов персонажей англоязычной прозы. Выделяются определенные характерные особенности актуализации отдельных типов и видов дискурсивных актов в мужской и женской персонажной речи.

Ключевые слова: дискурсивный акт, межгендерный диалог, мужская/женская персонажная речь.

Наша статья посвящена изучению особенностей актуализации дискурсивных актов в речи персонажей противоположных полов. Исследование мужской и женской речи предусматривает выделение единицы анализа, которой в течение длительного времени был речевой акт, рассматриваемый как общепринятая элементарная единица речевой деятельности [9, с. 311–391; 12, с. 170–194; 13; 18]. Однако в последние десятилетия неоднократно высказывалась мысль, согласно которой разработанная классификация речевых актов не способна должным образом объяснить все факты живой человеческой речи, находящейся в постоянном развитии [1, с. 132; 11, с. 64–69]. Бурное развитие дискуртологии ввело в круг исследования новые прагматические факторы изучения речи, в частности, фактор интерактивности — вовлеченности адресата и адресанта в дискурс. Как результат, в работах Г. Стина [20, с. 15–16] выделяется дискурсивный акт (ДА), базовая еди-

ница диалогического дискурса, отличающаяся от речевого акта коммуникативным взаимодействием обоих участников интеракции. Использование термина находим также в статьях Е. Руле [17, с. 320], Ж. Гарридо [15], Р. Тройера [21, с. 303–331], В. Б. Кашкина [4], Л. В. Бронник [2, с. 11–14], Л. П. Науменко [6]. Однако названные исследователи не предлагают теоретического обоснования понятия или классификации типов ДА, выделяя фактор взаимодействия коммуникантов, как особо важный.

Наиболее глубокое освещение данное понятие получило в работах отечественного лингвиста А. М. Приходько [10, с. 101–122], предлагающего собственную классификацию типов ДА с общим анализом каждого из них. Следует отметить, что названная концепция успешно развивается [3, с. 317–322; 5; 8], что подтверждает ее теоретическое значение и практическую эффективность. Положения этой концепции используются в нашей работе.

Поскольку гендерная принадлежность является важной характеристикой коммуникантов и важным фактором коммуникации, **цель** исследования можно очертить следующим образом: изучение закономерностей актуализации различных типов ДА в межгендерном диалоге художественной прозы, где авторами являются писатели-женщины. Анализ осуществляется на материале сплошной выборки межгендерных диалогов из трех романов трех британских писательниц, написанных в конце XX века [14; 16; 19]. Недостаточная разработанность теории ДА в аспекте их актуализации в разных видах дискурса, а также общая направленность современных лингвистических студий на выявление различий в речи, обусловленных полом персонажа, как одной из социально-статусных характеристик, определяют **актуальность** предлагаемого исследования.

Дискурсивный акт в работе понимаем как единицу речевого действия, включенную в интеракцию, и представляющую собой цепочку речевых актов, соединенных общей телеологической установкой в единый речевой блок, в котором сходятся, пересекаются и взаимодействуют разные иллокутивные силы с разными (первичными и вторичными) прагматическими значениями. Прагматический потенциал дискурсивных актов произведен как от интралингвистических, так и от экстралингвистических факторов, поэтому в актуализации их прагмасемантических качеств большая роль принадлежит факторам, включающим такие экстралингвистические компоненты ситуации, как коммуниканты, время, место, цель, задачи общения и пр. [10, с. 103].

По данным анализа нашего материала в межгендерных диалогах отмечена актуализация всех пяти типов дискурсивных актов: офферативов, конформативов/нонконформативов, аккузативов, апологетивов и дидактивов, однако их частотность и частотность отдельных выделенных видов ДА оказалась неодинаковой: конформативы составляют 24,7% всех ДА в мужской персонажной речи и 33,8% в женской персонажной речи; нонконформативы — 10,1% и 13,4%; офферативы — соответственно 13,4% и 17,3% ДА; аккузативы — 13,4% и 11,5% ДА; апологетивы — 11,7% и 10,5% ДА; дидактивы — 0,9% в мужской персонажной речи и 3,8% ДА в женской персонажной речи. Выделено также достаточно большое количество комбинированных ДА, совмещающих характеристики двух разных типов, реализующих две телеологические установки одновременно.

Наибольшую частотность в анализируемых диалогах и для М-участников (персонажей-мужчин), и для Ф-участников (персонажей-женщин), продемонстрировали конформативные и нонконформативные ДА, которые понимаются в нашей работе как реактивные речевые действия, используемые как в кооперативном, так и в конфликтном режимах общения. Они объединены идеей знания говорящего о пользе или ущербе в случае принятия предложенного, что позволяет ему реагировать положительным (конформатив) или отрицательным (нонконформатив) волеизъявлением [10, с. 108]. Именно этот самый

многочисленный тип ДА, по данным анализа, рассматривается в предлагаемой статье более детально.

Следует подчеркнуть, что более типичными в анализируемом материале выступают именно *конформативные* ДА с видовым прагматическим значением *согласия*, которые, по наблюдениям Л. Л. Нейленко, не являются прагматически гомогенными языковыми единицами и могут реализовать как полное, так и частичное согласие или предположение согласия [7, с. 1–3]. ДА *согласие* типичны для речевого поведения коммуникантов обоих полов, однако они более важны для женщин (19,2% всех выделенных ДА в речи женщин). Например, в диалоге между обедневшим аристократом Арчибалдом Балмерином и матерью его лучшего друга Вайолет Эйрд, находим частичное согласие Ф-участника:

(1) *He said, "Losing her mother when she was so little ... perhaps that was a more thaumatic experience than any of us realized. Perhaps it made her feel different from other girls. Incomplete in some way."*

Violet thought about this. "Yes. Perhaps. Except that Caroline was never a very demonstrative or loving mother." [16, с. 92].

В этом фрагменте прагматический эффект частичного и некатегорического согласия, усиливается контактной актуализацией в реплике Ф-участника другого вида ДА — нонконформативного ДА *отрицания* (*Except that Caroline was never a very demonstrative or loving mother*).

Для речи М-участников более характерны ДА прямого, категорического согласия, несмотря на их несколько более низкую репрезентативность (11,9% всех выделенных ДА мужской речи). Рассмотрим фрагмент разговора Эстер Дарк (молодой бизнесвумен, пришедшей к успеху самостоятельно) с ее бойфрендом Рори (молодым зажиточным шотландским аристократом):

(2) (M) *'Are you in it?'*

'Only you can answer that question.'

'I'd do anything for you,' Rory whispered. 'I think I'd even defy the Devil himself.' [14, с. 232].

В приведенном примере способом реализации категорического согласия выступает наивысшая возможная степень выражения готовности сделать то, что является предметом беседы, причем этот предмет оформлен лексическими средствами с опорой на культурологический контекст (*I'd do anything... , I think I'd even defy the Devil himself*).

Среди других видов конформативных ДА достаточно частотны ДА *одобрение* для мужской речи (8,2%, что вдвое чаще, чем в речи Ф-участников). ДА *одобрение* понимаем как расширение иллокутивного пространства согласия за счет привлечения оценивающей составляющей, предусматривающей положительную реакцию коммуниканта на предыдущий речевой шаг коммуникативного партнера. В сделанной нами выборке преобладают примеры ДА *одобрение*, где языковыми средствами выражения одобрения выступает эксплицитный оценочный компонент ДА. Рассмотрим пример из разговора Эстер Дарк с ее дядей Уильямом, владельцем одной из самых популярных шотландских газет:

(3) *Will was the first to break in. 'Billy told me all about you and Ritchie,' he said in a bluff, hearty voice. 'At least you had one friend in Julian Avenue.'*

'Yes. One of the best I've ever had.'

Will grunted. 'It's a successful garage, from all accounts. You're to be congratulated.' [14, с. 155].

Здесь одобрение актуализировано качественным прилагательным положительной оценки (*successful*), фразой (*from all accounts*) следующей репликой М-участника, с глаголом *to be* в модальном значении (*You're to be congratulated*).

Для F-участников следующим по частотности оказывается ДА *похвала*, рассматриваемый как разновидность одобрения и направленный на словесное стимулирование определенных начинаний или поступков. В качестве примера приведем фрагмент диалога между Вайолет Эйрд и лордом Балмерино о погибшей невестке Вайолет:

(4) *"But you liked Caroline."*

"Oh yes, I liked her. There was nothing to dislike. We had a good relationship, and I think she was a good wife to Edmund." [16, с. 92].

В данном случае ДА *похвала* предшествует ДА *согласие*, усиливающий прагматический эффект похвалы, актуализируемой здесь описательным способом, с участием оценочного компонента (*nothing to dislike, a good relationship, a good wife to Edmund*).

Нонконформативы также являются частотными ДА в межгендерных диалогах, более типичными для женской (13,4% от всех ДА), чем для мужской (10,1% от всех ДА) речи. Они отмечаются разной степенью категоричности, и почти всегда актуализируют несогласие. Анализ материала не позволил обнаружить гендерные различия средств выражения или степени категоричности/экспрессивности в ДА *несогласие*.

Рассмотрим пример из разговора-знакомства Алексис Эйрд (девушкой из зажиточной семьи, которая работает кулинаром-фрилансером) и Ноэля Килинга (достаточно молодого успешного служащего рекламного бизнеса):

(5) (M) *"I suppose you think I've got the dates mixed up."*

(F) *"It's easily done."*

"Not this time. I only got the postcard this morning. The thirteenth."

She said, "But this is the twelfth."

"No, it isn't." He was quite firm. "It's the thirteenth."

"I'm terribly sorry, but it's the twelfth. Thursday, the twelfth of May. She sodeeply apologetic, as though the mix-up were all her fault. "Tomorrow's the thirteenth." [16, 31].

В этом фрагменте актуализирован ряд ДА *несогласие*, характеризующихся одинаковой степенью категоричности, в речи как М-участника, так и F-участника коммуникативного взаимодействия. Категоричность снижается в последней реплике F-участника из-за комбинации в ней ДА *несогласие* с аполетическим ДА *извинение* (*I'm terribly sorry, but it's the twelfth*). Следовательно, этот пример свидетельствует о возможности комбинаций ДА разных типов (гибридных ДА), что предопределено коммуникативной задачей конкретной ситуации речевого общения.

В сделанной выборке не было обнаружено случаев эксплицитного неодобрения и отказа, однако такие виды нонконформативных ДА могут быть выделены в процессе анализа большего количества текстового материала.

Представленное выше исследование позволяет сделать следующие выводы: 1) заметно более частое использование конформативов характеризует речь персонажей-женщин; 2) при исследовании видового прагматического значения данного типа ДА в женской персонажной речи установлено, что здесь наиболее представлены ДА *согласие* (при низкой категоричности высказывания), ДА *одобрение* и ДА *похвала*, при этом ДА *похвала* отмечены большей частотностью, чем в персонажной речи мужчин, а ДА *одобрение* персонажной речи М-участников встречаются вдвое чаще, чем в речи F-участников; то есть изучение прагматического значения ДА конформативов позволяет выделить четкие гендерные различия в речи персонажей; 3) обращает на себя внимание неодинаковое по частотности использование офферативов и дидактивов (преобладают в речи F-персонажей), а также аккузативов (преобладают в речи M-персонажей), что может быть отражением определенных социально-психологических гендерных различий. Дальнейшие перспективы исследования связаны с использованием предложенной в статье методики исследования лингвопрагматических особенностей межгендерных диалогов на материале англоязычной прозы, написанной авторами-мужчинами.

Список литературы:

1. Бацевич Ф. С. Очерки по лингвистической прагматике: Монография/Ф. С. Бацевич. – Львов: ПАШС, – 2010. – 336 с.
2. Бронник Л. В. Дискурсивный акт в эволюционном аспекте/Л. В. Бронник//Вестник ВГУ. Серия: Филология, журналистика. – 2011. – № 1. – Волгоград, 2011. – С. 11–14.
3. Жихарева Н. А. Косвенный речевой акт как средство речевого воздействия на собеседника/Н. А. Жихарева//Восточнославянская филология. – Вып. 22. Языкознание. – Горловка: Изд-во ГДППМ, – 2012. – С. 317–322.
4. Кашкин В. Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации/В. Б. Кашкин//Серия «Аспекты языка и коммуникации». – Выпуск 5. – Воронеж: Воронежский государственный университет. – 2010. – URL: <http://tpl1999.narod.ru/index/0-107>.
5. Мисягина И. М. Дискурсивный акт уклончивости/И. М. Мисягина//I Международная научно-практическая заочная конференция «Лингвокогнитивные и социокультурные аспекты коммуникации», 2012. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://naub.oa.edu.ua/2012/dyskursyvnyj-akt-uhynosti/>
6. Науменко Л. П. Дискурсивный акт как базовая единица бизнес – дискурса/Науменко Л. П. – 2012. – URL: http://www.nbu.gov.ua/old_jrn/Soc_Gum/Npkpnu_fil/2009_18/1_35_Naumenko.pdf

7. Нейленко Л. Л. Семантико-прагматические свойства высказываний со значением согласия (на материале английского диалога): автореф. дис. на соиск. ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки»/Л. Л. Нейленко. – Пятигорск, – 2004. – 17 с.
8. Павленко Л. В. Дискурсивный акт «подхват» в английской диалогической речи (на материале современной художественной прозы): автореф. дис. на соиск. ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки»/Л. В. Павленко. – Львов, 2011. – 20 с.
9. Почепцов Г. Г. Избранные труды по лингвистике/Г. Г. Почепцов. – Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, – 2009. – 556 с.
10. Приходько А. Н. Дискурсивные акты: прагмасемантика и прагматипология/А. Н. Приходько//Когниция, коммуникация, дискурс. – 2010. – № 1. – С. 101–122.
11. Селиванова Е. А. Основы теории речевой коммуникации: Учебник/Е. А. Селиванова. – Черкассы: Издательство Чабаненко Ю. А. – 2011. – 350 с.
12. Сёрль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов/Дж. Р. Сёрль//Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 170–194.
13. Austin J. L. How to Do Things With Words., 2nd edition, Harvard Univ. Press/J. L. Austin. – Cambridge, 2005.
14. Blair E. Hester Dark, Tiptree; Anchor Brendon Ltd./E. Blair. – London, 1985. – 386 p.
15. Garrido J. Relevance versus connection: discourse and text as units of analysis/J. Garrido//Circulo. – 2003. – № 13. – URL: <http://www.ucm.es/info/circulo>
16. Pilcher R. September, Coronet Books/R. Pilcher. – London, 1990. – 616 p.
17. Roulet E. Geneva school//Verschueren, J. F., Östman, J.-O. and Blommaert, J. eds. Handbook of pragmatics. Amsterdam: Benjamins, 1995. – P. 319–323.
18. Searle J. Expression and Meaning, 2nd edition, Cambridge Univ. Press/J. Searle. – Cambridge, 1994. – 288 p.
19. Spark M. The Public Image//The Public Image. Stories, Progress Publishers/M. Spark. – Moscow, 1976. – P. 21–126.
20. Steen G. Basic discourse acts: When language and cognition turn into communication/G. Steen//Cognitive linguistics, functionalism, discourse studies: Common ground and new directions: Abstracts of the 8th International Cognitive Linguistics Conference 20–25.07.2003. – P. 15–16.
21. Troyer R. A. Dialogue and discourse structure: A speech move analysis of Sherman Alexie's story "What you pawn I will redeem"/Troyer R. A./Watson G. (Ed.). The State of Stylistics. – Amsterdam: Rodopi, – 2008. – P. 303–331.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-48-51>

Riabova Olga Valentinovna
Saint Petersburg State University,
PhD, associate professor, the Faculty of Philology
E-mail: o.ryabova@spbu.ru

Communicative aspects of the modern Russian language intonation in Russian Practice course (B2–C2)

Abstract: The article describes the features of Russian speech intonation in situations of formal and informal communication, discussed the specifics of the achieving an advanced level of proficiency in Russian Speech.

Keywords: Russian language intonation, intonation structure, communication, communication failure, intonation training.

Рябова Ольга Валентиновна,
Санкт-Петербургский государственный университет
кандидат педагогических наук, доцент, филологический факультет
E-mail: o.ryabova@spbu.ru

Коммуникативные аспекты интонации современного русского языка в курсе русской речи для инофонов (B2–C2)

Аннотация: В статье рассмотрены особенности интонационного оформления речи на русском языке в ситуациях формального и неформального общения, рассмотрена специфика освоения инофонами системы русской интонации на продвинутом этапе обучения.

Ключевые слова: интонация русского языка, интонационная конструкция, коммуникация, коммуникативная неудача, обучение интонации.

Исходя из утверждения о том, что целью обучения иностранному языку является коммуникация, следует подчеркнуть, что специфической целью обучения от уровня B2 до уровня C2 (то есть применительно к русскому языку как иностранному: от ТРКИ-II до ТРКИ-IV) является дифференцированная коммуникация.

Достижение уровня B2 (ТРКИ-II) — это один из самых важных этапов в изучении иностранного (русского) языка, так как именно по достижении этого уровня начинается систематическое освоение учащимся дифференцированной коммуникации. Однако существенным является то обстоятельство, что, как правило, в актуальных для данного этапа обучения коммуникативных ситуациях у учащегося отсутствует необходимость дифференциации и подбора коммуникативных средств, а следовательно — отсутствует или является крайне слабой мотивация такой дифференцированной коммуникации. Проще говоря, решая на занятиях коммуникативные задачи, связанные с необходимостью сделать выбор наиболее подходящего средства для успешности речевого акта, учащиеся крайне редко оказываются в аналогичных коммуникативных ситуациях вне обучения, что осложняет процесс освоения языка, так как приобретённые знания не находят практического применения в достаточной мере.

Очевидно, что навыки, связанные с интонационным оформлением речи на иностранном языке, являются одной из важнейших составляющих успешной коммуникации, однако формирование и развитие фонетических навыков имеет, с одной стороны, специфические черты по сравнению с освоением учащимися единиц других уровней языка, а с другой — особенности в самом процессе освоения интонационной стороны речи.

Специфика освоения фонетики иностранного языка связана, во-первых, с нарушением этапности формирования фонетических навыков в течение периода обучения; а во-вторых, с относительной неустойчивостью фонетических навыков по сравнению, например, с грамматическими, синтаксическими, лексическими навыками. Нарушение этапности формирования и неустойчивость фонетических навыков взаимосвязаны. Это влечёт за собой коммуникативные ошибки и неудачи.

Если говорить о фонетических навыках в области звуков и в области интонации, то для успешности коммуникации наиболее важны интонационные навыки. И именно применение интонации с учётом стилистических различий высказывания позволяет достичь коммуникативной цели.

В качестве примера рассмотрим фразы, используемые для выражения восторга. Так, фраза «Я в восторге от этого города!» может быть оформлена с помощью ИК-2 с центром на ударном гласном слова «восторге» (здесь и далее для описания интонации использована система интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой [2]) или, напри-

мер, с помощью ИК-5 с центрами на ударных гласных слов «восторге» и «города». Также восторг может быть выражен фразой «Какой город!», представляющей собой синтаксический фразеологизм, который может быть оформлен с помощью ИК-5 с центрами на ударных гласных слов «какой» и «город», а также с помощью ИК-6 с центром на ударном гласном слова «город». Аналогичное интонационное оформление — ИК-5 и ИК-6 — возможно и во фразе «Вот это город!». Наконец, возможно использование ИК-6 во фразе «Город!», которая при минимуме лексических средств очень ярко выражает эмоциональное состояние говорящего [3]. Приведённые выше примеры можно считать лишь отдельными способами выражения восторга, так как при их описании не учитывалась, например, высота тона голоса, не говоря о других компонентах интонации.

Таким образом, основными трудностями при освоении интонации русского языка как иностранного на продвинутом этапе обучения являются:

1. Индивидуально обусловленная степень сформированности интонационных слухо-произносительных навыков на момент достижения уровня B2 в общем владении иностранным языком (ТРКИ-2).

2. Отсутствие коммуникативной необходимости применять на практике осваиваемый материал.

3. Сложность различения на слух и воспроизведения в собственной речи русской интонации, возникающая под влиянием отрицательной интерференции [4; 1; 11].

4. Гендерные различия интонационного оформления речи носителей языка и необходимость их реализации инофоном в речи на русском языке.

5. Существование вариантов интонационного оформления одной и той же фразы в одном коммуникативном контексте. Однако следует заметить, что использование таких вариантов всё же связано с нюансами выражаемого значения.

Широкая потенциальная вариативность интонационного оформления речи на русском языке приводит к необходимости, во-первых, разграничить многочисленные варианты с точки зрения выражаемых значений и эмоциональных оттенков, во-вторых, отобрать варианты, являющиеся реализацией норм современного русского литературного языка. Именно такие нормативные варианты интонационного оформления фразы служат материалом для освоения иностранного (русского) языка. Хотя следует заметить, что различие нормативного и ненормативного, а также эмоционального и неэмоционального оформления речи часто является трудным, особенно для инофона [5; 6].

При освоении интонационного оформления речи целью является обучение, с одной стороны, универсальному, а с другой стороны — стереотипному для определённой ситуации. Например, результативным является обучение интонации через коммуникативные ситуации: учащимся предъявляется ситуация — отрывок речи носителей языка

на бытовую или общекультурную тему, фрагмент радио- или телеинтервью, фрагмент фильма. Такое употребление обусловлено ситуативно, поэтому легко запоминается и может быть воспроизведено учащимися в аналогичных ситуациях.

В соответствии с указанной целью интонационные упражнения и задания служат формированию у студента устойчивых интонационных стереотипов, которые учащийся способен произвольно применять в соответствующих коммуникативных ситуациях. Конечно, идеальным результатом освоения интонационного оформления речи на неродном языке является произвольное использование интонационных средств, однако для достижения такого результата требуется система упражнений [7; 8; 9; 10]. Типы упражнений, направленных на освоение интонационного оформления речи на русском языке:

1. Наблюдение над функционированием интонации. Такое наблюдение проводится на примере коммуникативных ситуаций, характерных для общения на разные темы и с использованием разных стилей речи. Рассматриваются диалоги и монологи.

2. Определение значений, выражаемых интонацией, в разных коммуникативных ситуациях. Такие упражнения базируются на представлениях студентов об универсальном и специфическом в русской интонации. В зависимости от интонационного материала задания могут строиться как от анализа значения к его реализации, так и наоборот: от наблюдения за реализацией в речи к определению значения.

3. Практика интонирования: от имитации — через чтение по заданию — к выбору интонационного оформления собственной фразы по контексту.

4. Практика использования интонации при воспроизведении речи: от интонирования при чтении монолога-образца, диалога-образца — через интонирование при чтении собственного текста — к интонированию собственной спонтанной речи.

5. Моделирование собственных высказываний: от создания собственной фразы, ответной или инициальной реплики диалога и её интонационного оформления — к собственным диалогам и монологам, оформленным соответствующей интонацией.

Традиционно сложными для освоения инофонами оказываются следующие коммуникативные моменты, связанные с интонацией:

1. Определение наиболее семантически важного слова в высказывании, обусловленное трудностями определения центра ИК, который маркирован прежде всего наибольшей длительностью ударного гласного. Так, например, даже фразы «Что́ это?» (ИК-2) и «Что́ это?» (ИК-2) различаются по значению, не говоря об эмоциональной реализации «Что́ это?!» (ИК-6). Неверно определённый центр интонационной конструкции приводит к коммуникативной неудаче, так как слушающий и/или говорящий не улавливает основного содержания высказывания.

2. Различение значений, выражаемых величиной интервала в интонационной конструкции. Например, различение значения завершённости информации, оформляемой с помощью относительно небольшого интервала в ИК-1, и значения логического выделения, выражаемого относительно большим интервалом в центре ИК-2. Наглядно показать это можно на простом примере: фраза «Это Ма́ша.» (ИК-1) употребляется в контексте сообщения новой информации («Познакомьтесь! Это Маша.»); фраза «Это Ма́ша!» (ИК-2) будет использована в другом контексте («Разве ты не помнишь? Это Маша!») или в таком же («Познакомьтесь! Это Маша!»), но с дополнительным значением: говорящему по каким-либо причинам важно маркировать имя.

3. Различение вопросительной нейтральной и ненейтральной интонации, оформленной с помощью ИК-3 и ИК-6. В этом случае большую роль играет не только интервал, но и долгота ударного гласного. В ИК-6 ударный гласный более долгий, и его длительность зависит от степени проявления эмоционального значения. Например, как в коротких вопросах: «Это отве́т?» (ИК-3) и «Это отве́т?!» (ИК-6).

С функционированием этих же типов ИК связаны трудности различения оттенков интонации незавершённого высказывания: использование ИК-3 характерно для спокойного повествования, ИК-6, как правило, появляется при внесении эмоционального компонента.

4. Различение сообщения с подчёркиванием одного из компонентов высказывания, которое оформляется с помощью ИК-3 (незавершённость мысли в первой части высказывания) и ИК-2 (логическое выделение), и эмоционального высказывания, оформленного с помощью ИК-5. В данном случае сложность представляет не только определение места реальной или психологической паузы, разделяющей ИК-3 и ИК-2, но и наблюдение над длительностью гласных в центрах ИК-5. Например, «Вчера́/погода была хоро́шая!» (ИК-3 и ИК-2) и «Вчера́ погода была хоро́шая!» (ИК-5).

5. Выражение эмоциональных значений в официальной речи. Официальный стиль речи характеризуется меньшей эмоциональностью по сравнению с неофициальным, поэтому обычно вместо ИК-5 носители языка в официальной речи используют ИК-2. Инофонами речь с ИК-2 часто воспринимается как не выражающая эмоций. Например, «Как интере́сно было на этом семинаре!» (ИК-5) и «Как интере́сно было на этом семинаре!» (ИК-2).

6. Распознавание эмоциональных значений, выраженных с помощью ИК-6. Дело в том, что реализация интервала в ИК имеет широкий диапазон, обусловленный не только степенью эмоциональности выражаемого значения, но и ярко выраженной гендерной распределённостью.

С другой стороны, коммуникативно адекватное использование ИК-6 инофонами является крайне сложным из-за многообразия вариантов функционирования компонентов интонации и строгой коммуникативной обусловленности выражаемых значений.

7. Распознавание значений, выражаемых ИК-7. В этом случае трудности преимущественно связаны с точностью определения нюансов отрицательного значения. Также сложным для инофонов является воспроизведение ИК-7 в связи с наличием гортанной смычки и употребление в соответствующем коммуникативном контексте.

В целом следует отметить, что коммуникативно верное дифференцированное использование интонации в речи на русском языке достигается через осознание связи интонации и лексико-синтаксического наполнения высказывания, а также роли интонационного оформления речи при формальном и неформальном общении.

References:

1. Блинова Е. А. Универсальное и специфическое в интонационном оформлении нейтральных и эмоционально окрашенных высказываний на неродном языке: автореферат дис. кандидата филологических наук. – Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб., – 2001.
2. Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика / Н. Ю. Шведока (гл. ред.). – М.: Наука, 1980. – Т. I. – С. 96–122.
3. Брызгунова Е. А. Интонация и синтаксис // Современный русский язык: Учебник филологических специальностей высших учебных заведений / Под ред. В. А. Белошапковой. – М.: Азбуковник, 1997. – С. 869–902.
4. Любимова Н. А. Психолингвистические основы обучения фонетическому оформлению речи на неродном языке // Любимова Н. А., Егорова И. П., Федотова Н. Л. Фонетика в практическом курсе русского языка как иностранного. – СПб., – 1993. – С. 17–23.
5. Рябова О. В. К вопросу об орфоэпической правильности интонационного оформления русской речи // XXXVII Международная филологическая конференция. Вып. 20: Русский язык как иностранный и методика его преподавания. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, – 2008. – С. 61–65.
6. Рябова О. В. О различении нейтральной и ненейтральной интонации // XXXVI Международная филологическая конференция. Вып. 19: Русский язык как иностранный и методика его преподавания. – СПб.: Факультет филологии и искусств – СПбГУ, – 2007. – С. 105–109.
7. Рябова О. В. Русские звуки и интонация. Фонетический курс к учебному комплексу по русскому языку как иностранному «В добрый путь! – I». – СПб., – 2011.
8. Рябова О. В. Русские звуки и интонация диалогической речи. Фонетический курс к учебному комплексу по русскому языку как иностранному «В добрый путь! – II». – СПб., – 2011.
9. Рябова О. В. Русская интонация и интенции говорящего. Фонетический курс к учебному комплексу по русскому языку как иностранному «В добрый путь! – III». – СПб., – 2011.
10. Рябова О. В. Практикум по интонации русской речи. Фонетический курс к учебному комплексу по русскому языку как иностранному «В добрый путь! – IV». – СПб., – 2011.
11. Фонетический аспект общения на неродном языке: Коллективная монография. / Науч. ред. Н. А. Любимова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, – 2006. – 294 с.

Section 5. Pedagogy

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-52-55>

*Movsisyan Emma Alexander,
Lecturer at Department of Microeconomics and
Entrepreneurship, ASUE PhD, assistant
E-mail: emmamovsisyan@mail.ru*

Some aspects of higher education institutions activity evaluation

Abstract: The main activity of higher education institutions is education and training of specialists which have demand at labour market. However, examining the higher professional education in the light of market relations, it can be represented as a set of educational services, the specificity of which is determined by the ratio of the students received a degree, and the increasing demands of the modern labor market. Unfortunately, almost all graduates have no information about the quality of the future of education, its applied nature, and, most significantly, its demand on the labor market.

Keywords: Educational services, higher education, educational process, the quality of education, pedagogical support.

*Мовсисян Эмма Александровна,
преподаватель кафедры микроэкономики и предпринимательской
деятельности, АГЭУ, кандидат экон. наук, ассистент
E-mail: emmamovsisyan@mail.ru*

О некоторых аспектах оценки деятельности высших учебных заведений

Аннотация: Основная деятельность высших учебных заведений (ВУЗ) — воспитание и подготовка специалистов, имеющих спрос на рынке труда. Однако рассматривая высшее профессиональное образование сквозь призму рыночных отношений, его можно представить как совокупность образовательных услуг, специфика которых определяется соотношением полученной студентами специальности и возрастающими запросами современного рынка труда. К сожалению, практически у всех выпускников полностью отсутствует информация о качестве будущего образования, его прикладном характере, и, что особенно значимо, его востребованности на рынке труда.

Ключевые слова: Образовательные услуги, высшее образование, учебно-воспитательного процесс, качество образования, педагогическое сопровождение.

Основная деятельность высших учебных заведений (ВУЗ) — воспитание и подготовка специалистов, имеющих спрос на рынке труда. Однако рассматривая высшее профессиональное образование сквозь призму рыночных отношений, его можно представить как совокупность образовательных услуг, специфика которых определяется соотношением полученной студентами специальности и возрастающими запросами современного рынка труда. К сожалению, практически у всех выпускников полностью отсутствует информация о качестве будущего образования, его прикладном характере, и, что особенно значимо, его востребованности на рынке труда.

ВУЗ-ы гарантируют потребителям получение диплома государственного образца подтверждающего, что выпускник прослушал предусмотренные государственным образовательным стандартом курсы и защитил выпускную квалификационную работу, не гарантируя при этом ее востребованности на рынке труда. В тоже время, именно рынок труда в современных условиях является индикатором результативности высшего профессионального образования.

Проблема подготовки специалистов в Республике Армении при рыночных отношениях стала весьма острой в силу:

- отсутствия государственного распределения;

- дефицита специалистов, способных работать при рыночных отношениях в условиях избыточности традиционных специалистов;
- неустойчивого спроса на специалистов со стороны потребителей;
- снижения мотивации к овладению техническими знаниями и приобретению инженерной профессии;
- сокращения госбюджетного финансирования образовательной и научной деятельности.

Из отмеченного следует необходимость создания системы управления высшим учебным заведением, ориентированной на повышение соответствия уровня армянского образования требованиям современного общества. Правительство Армении после подписания болонских документов, свидетельствующих о вовлечении страны в единое европейское образовательное пространство, должно учитывать эти особенности в своей государственной образовательной политике.

В последние годы в Армении заинтересованность в обеспечении качества образования возрастает на всех уровнях, поскольку профессионализм является одним из главных условий экономической конкурентоспособности страны и ее национальной безопасности. В результате реализации Государственной программы развития образования в республике все уровни образования обеспечены сетью соответствующих организаций. Структура образования приводится в соответствие с международной стандартной классификацией ЮНЕСКО. Созданы условия для развития 12-ти летней школы, реструктурировано техническое и профессиональное образование, введена трехуровневая подготовка специалистов (бакалавр — магистр — доктор PhD), утвержден классификатор образования, укрупняющий группы специальностей.

Образование было и остается основным приоритетным направлением и основным индикатором развития во всех цивилизованных странах мира. Именно образование позволит Армении разрешить социальные и экономические проблемы, обеспечить национальную безопасность, укрепить институт государства.

Система образования должна ориентироваться на развитие личности, подготовить ее к решению нестандартных задач, повышению ее социальной, профессиональной и географической мобильности, которые предоставят студентам множество различных путей выбора своего будущего. *Только такой подход к инвестициям в образование является приоритетным.*

Профессиональное вузовское образование способствует приемственности системы общего образования и этапа профессиональной подготовки. Для качественной организации процесса требуется подготовка студентов к усвоению большого объема учебного материала, а также создание условий для эффективного взаимодействия преподавателя (донора знаний) и студента (реципиента). Создание именно таких условий способствует повышению эффективности подготовки специалистов и снижению

социальной дезадаптации в процессе вузовского обучения. При этом необходимо учитывать психологический аспект учебной деятельности в ВУЗ-е, а также специфику формирования специалиста-профессионала под влиянием учебного заведения.

Важность отмеченного заключается в том, что без ориентации на индивидуальность студента невозможно рассчитывать на его высокие результаты в образовательном процессе, особенно в отношении адаптирующих первокурсников. Переход из общеобразовательной школы в высшую связан с изменением условий обучения, возрастанием учебной нагрузки, разнообразием и качественным усложнением требований предъявляемых преподавателем. Среди наиболее часто встречающихся проблем в период адаптации можно отметить сложность вступления в новый коллектив, ибо межличностные отношения с однокурсниками и преподавателями не всегда складываются «равно». Поведение и виды деятельности многих студентов-первокурсников подвергаются значительным преобразованиям, меняются также их привычки и уклад жизни. От студентов требуется больше самостоятельности, способность к самоконтролю и критическому отношению к себе, к окружающим.

Для согласованности действий всех участников учебно-воспитательного процесса по оказанию помощи студентам первого курса в период адаптации и достижения максимально положительных результатов необходимо формирование специализированной инфраструктуры — педагогического сопровождения. Основной функцией педагогического сопровождения является создание и поддержание системы условий для развития субъектной позиции студентов, появления у них стремления к личностному и профессиональному саморазвитию, культурному росту, здоровому образу жизни. При этом должны быть учтены следующие элементы:

- возрастные и индивидуальные особенности студентов в процессе обучения и воспитания;
- участие студентов в коллективной, самостоятельной, активной, творческой деятельности;
- использование в процессе обучения и воспитания методов, форм, приемов и средств субъект-субъектного взаимодействия;
- систему воспитательной деятельности, осуществляемой всеми структурными подразделениями вуза, имеющими отношение к воспитанию студентов;
- подготовленность преподавателей и методистов ВУЗ-а в сфере воспитания и сопровождения студентов.

Эффективность функционирования педагогического сопровождения зависит от реализации данных условий во взаимосвязи и целостности, т. е. в слитности системы. Педагогическое сопровождение в образовательном процессе ВУЗ-а могут обеспечить кураторы, преподаватели кафедр, методисты, но более эффективное сопровождение развития студента-первокурсника может быть осуществлено на базе специально созданной в ВУЗ-е службы сопровождения.

В течении последующих лет обучения могут возникнуть иные проблемы, некоторые из них упомянуты самими студентами:

- старые, неактуальные учебные программы;
- несоответствие преподавателя учебной программе;
- недостаточная подготовленность преподавательского состава;
- отсутствие желания усовершенствования у преподавателя;
- отсутствие рабочей мотивации;
- менталитет студентов;
- равнодушие студентов и неинформированность об учебных программах;
- социальные проблемы и недостаток воспитания;
- ротационная система и конкуренция;
- недостаток профессиональной литературы на родном языке;
- низкокачественные переводы профессиональной литературы;
- недостаток электронных книг;
- недостаток технического оснащения аудиторий и т. д.

Проблема качества и конкурентоспособности образовательной услуги носит в современном мире универсальный характер. Часто понятия «качество» и «конкурентоспособность» употребляются как синонимы, хотя они не тождественны. Конкурентоспособность — важный критерий, характеризующий способность ВУЗ-а функционировать в рыночных условиях. Формирование конкурентной среды и рациональное размещение государственных образовательных грантов способствуют повышению качества образования и осуществляются на основе методики аккредитации организации образования и ранжирования ВУЗ-а по специальностям.

Ведущая роль качества образования в формировании конкурентоспособности ВУЗ-а объясняется происходящими в мировой и национальной экономике процессами:

1. превышение образовательных услуг над спросом:

Этот процесс закономерен и обусловлен усилением конкуренции, которая приводит с одной стороны к возможности выбора у потребителя образовательных услуг, а с другой — к проблеме выживания ВУЗ-а. Многочисленные ВУЗ-ы вынуждены бороться за своих потребителей, так как в современных условиях предложение превышает спрос. В сложившейся обстановке конкурентоспособность в отсутствие качества образовательных услуг не возможна;

2. удовлетворение существующих и потенциальных запросов потребителей *Качество образовательных услуг — доминирующий показатель конкурентоспособности ВУЗ-а. Различный уровень образовательного потенциала ВУЗ-ов предполагает различный уровень подготовки студентов одной и той же специальности, т. е. отличается в разных учебных заведениях. Если ВУЗ не в состоянии обеспечить выпуск специалистов, соответствующих запросам потребителей,*

то бизнес этого образовательного учреждения, как правило, обречен на провал, так как заниженная цена на современном рынке утрачивает свою конкурентоспособность;

3. внедрение инновационных образовательных технологий;

Конкуренция ВУЗ-ов в инновации со временем нарастает. Основанная на техническом и технологическом прогрессе инновация все шире используется в качестве поступательного оружия для завоевания рынка. Конкурентоспособность предполагает единство производственных инноваций в сфере образования, в частности внедрение:

- новых информационных и телекоммуникационных технологий (технологические инновации);
- новых методов и приемов обучения (педагогические инновации);
- управленческие инновации, включая экономические механизмы в сфере образования (экономические инновации);
- институциональных форм (организационные инновации).

Внедрение инновационного образования, интегрированного с мировыми образовательными системами, позволит подготовить специалистов нового типа, обладающих широким кругозором в естественно-научном и гуманитарном плане, профессионально подготовленных к работе по выбранной специальности. Выпускник ВУЗ-а должен быть психологически готовым к быстрой смене специализации в условиях динамично меняющегося рынка труда (в рамках полученного базового образования), оценке и предвидению социально-экономических последствий своей деятельности. Специалист востребован, если он в состоянии свободно использовать возможности сети интернета, владеть новейшими технологиями, сулящими экономический и социальный эффект.

И в довершение, цель образовательной деятельности ВУЗ-а — обеспечить выпускников качественным образованием: знаниями, умениями, практическими навыками, которые позволят трудоустроиться по избранной специальности, т. е. обеспечат им реальную востребованность на рынке труда. Следовательно, качество образования ВУЗ-а обеспечит трудоустройство его выпускников по специальности. При этом необходимо отметить, что общеобразовательная программа предусматривает не узкую специализацию конкретной специальности, а обеспечивает знания, выходящие за рамки специализации. Поэтому при оценке деятельности ВУЗ-а необходимо учитывать не только число трудоустроенных выпускников по специальности, но и получивших знания предусмотренные общеобразовательной программой.

Выпускники армянских вузов, как правило, имеют разные уровни подготовки (высокий, средний, низкий), поэтому возможности их трудоустройства будут различаться. ВУЗ должен обеспечить высокое качество образования: дать выпускникам знания, умения и практические

навыки, которые реально позволят им трудоустроиться. Оценка уровня трудоустройства выпускников, причем по специальности, применяется давно и, как правило, ориентируется на их 100%-ю задействованность. Исходя из отмеченного, предлагается шкала для оценки качества образования ВУЗ-а и критерии трудоустройства:

- высокий — 100%-е трудоустройство выпускников;
- очень хороший — 90 %-е;
- хороший — 80%-е;
- средний — 70%-е;
- ниже среднего — 60%-е;
- низкий — 50%-е;
- очень низкий — 40%-е;
- плохой — 30%-е;
- очень плохой — 20%-е;
- нулевой — 10%-е.

Шкала оценки качества образования ВУЗ-а проста, удобна и доступна. Она может быть применена любым типом ВУЗ-а, так как учитывает не специфику полученного образования, а его результат — реализацию знаний, умений, практических навыков, т. е. трудоустройство после окончания ВУЗ-а.

В шкале выделены 10 уровней качества образования от высокого до нулевого, в соответствии которым деятель-

ность ВУЗ-а может быть оценена эффективной, либо нет. Возможен также учет следующих пороговых значений уровней эффективности ВУЗ-а:

- высокий — 70–100% трудоустроенных выпускников;
- средний — 50–69% трудоустроенных выпускников;
- низкий — ниже 50% трудоустроенных выпускников.

Один из простых способов мониторинга трудоустройства — телефонный опрос выпускников с последующей проверкой и уточнением квалификационных требований занимаемой ими должности у работодателя для сравнения с квалификационными требованиями специальности выпускника и отнесения его к категории трудоустроенных. Выпускник считается трудоустроенным, если он в течении первого года после окончания ВУЗ-а устроился на работу по специальности или в ее пределах.

Таким образом, критерием повышения качества образования ВУЗ-ов является показатель трудоустройства. Лишь при такой оценке деятельности ВУЗ-а они будут нацелены не просто на выпуск по принципу «выпустил и забыл», а на результат, т. е. на выпуск востребованных высококвалифицированных специалистов, что особенно важно в современных конкурентных условиях на рынке труда молодых специалистов.

Список литературы:

1. Закон РА «Об образовании» // Высшее образование в Армении. – 2004.
2. Государственная программа «Развитие образования в Республике Армения на 2011–2015 гг.» / утв. Указом Президента РА от 07 февраля – 2007 г., – № НГ-37-Н, – Армения, – 2011.
3. Болонский процесс. Гарантия качества образования: сб. док./под. ред. Г.Н. Мотовой, В.Г. Наводнова, Н.Ж. Шахановой. – М.; – 2008. Т. 2.
4. Управление качеством в высшем учебном заведении / Г.М. Мутанов, А.К. Томилин, Е.Ю. Кукина и др. – Уст-Каменогорск. – 2011.
5. Недостатки современных систем менеджмента качества и возможных способов их устранения / Сироткин Г.В. // «Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии». – 2013. – № 1 (21) – С. 145–150.
6. Системный анализ факторов качества образования в вузе / Сироткин Г.В. // «Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии». – 2013. – № 2 (22) – С. 109–118.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-55-58>

*Oliinyk Olesia Vasilyevna,
Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University, postgraduate
E-mail: Olesia-Oliynuk@yandex.ua*

Professional training future teacher elementary school the formation of constructive skills to younger pupils: the theoretical aspect

Abstract: The article modified problem of training future teachers of elementary school to the formation of structural abilities of younger students. The theoretical analysis of modern approaches of scientists, in which the essence and meaning of «training», «training of future elementary school teacher». Based on the peculiarities of his training future teachers of elementary school to the formation of constructive skills and given proper interpretation of the studied concept.

Keywords: education, training future teachers of elementary school to the formation of structural abilities of younger students.

*Олейник Олеся Васильевна,
Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича,
аспирант кафедры педагогики и методики начального образования
E-mail: Olesia-Oliynuk@yandex.ua*

Профессиональная подготовка будущего учителя начальной школы к формированию конструктивных умений младших школьников: теоретический аспект

Аннотация: В статье актуализировано проблему подготовки будущего учителя начальной школы к формированию конструктивных умений младших школьников. Осуществлен теоретический анализ подходов современных ученых, в которых обоснована сущность и содержание понятия «подготовка», «профессиональная подготовка», «профессиональная подготовка будущего учителя начальной школы». На основе него определены особенности профессиональной подготовки будущего учителя начальной школы к формированию конструктивных умений и представлено собственное толкование исследуемого понятия.

Ключевые слова: подготовка, профессиональная подготовка будущего учителя начальной школы к формированию конструктивных умений младших школьников.

Процесс формирования конструктивных умений младших школьников является художественно-творческой деятельностью в педагогической среде. Эффективная организация процесса формирования конструктивных умений младших школьников зависит от уровня профессиональной подготовки учителя начальной школы, его творческой ориентированности в профессии, наличия богатого внутреннего потенциала, открытого к новому, неизведанному, готовности самосовершенствоваться и внедрять новые подходы к организации и осуществлению этой деятельности.

В Украине проведено немало исследований, в которых раскрываются общетеоретические проблемы подготовки учителя начальной школы (Н. Бирик, А. Беда, В. Бондарь, М. Вашуленко, И. Казанжи, Н. Кичук, Л. Коваль, А. Комар, А. Крамаренко, А. Кудрявый, С. Мартыненко, А. Матвиенко, И. Осадченко, Л. Петухова, А. Савченко, С. Скворцова, Л. Хомич, Л. Хоруза, А. Ярошинская и др.). Отдельные аспекты проблемы подготовки будущего учителя к формированию конструктивных умений младших школьников рассматривали в своих научных трудах В. Гаврыш, И. Демченко, М. Корец, В. Кузь, Г. Левченко, В. Моляко, Т. Носаченко, В. Сидоренко, С. Симоненко, С. Сирота, Г. Тарасенко, В. Тыменко, Б. Юсова и др.

Именно поэтому эта проблема требует дальнейшего более детального обоснования и анализа отдельных ее аспектов, которые остаются недостаточно изученными.

С целью основательного исследования обратимся к научным исследованиям и проанализируем взгляды ученых о сущности понятия «подготовка», «профессиональная подготовка будущего учителя начальной школы» и выделим ее особенности в контексте формирования конструктивных умений.

Смысл понятия «подготовка» раскрывается в двух его значениях: во-первых как обучения, то есть, как некий специально организованный процесс формирования готовности к выполнению будущих задач, а во-вторых, как

готовность, то есть наличие компетенции, знаний, умений и навыков, необходимых для успешного выполнения определенной совокупности задач.

Согласно педагогического словаря «подготовка» — это формирование и обогащение установок, знаний и умений, которые необходимы индивиду для адекватного выполнения специфических задач [2].

Содержание понятия «подготовка» в педагогической энциклопедии рассматривается, как совокупность специальных знаний, умений и навыков, качеств, трудового опыта и норм поведения, обеспечивающих возможность успешной работы с определенной профессией; как процесс усвоения соответствующих знаний и умений» [4].

В нашем исследовании понятие «подготовка» мы интерпретируем, как процесс, в котором формируются и совершенствуются профессиональные знания, умения, навыки и личностные качества, необходимые в будущей педагогической деятельности для формирования конструктивных умений младших школьников.

Понятие «подготовка» практически не встречается в самостоятельном значении, и чаще всего имеет определение в контексте конкретной профессии, к которой она принадлежит.

Так, большой толковый словарь современного украинского языка толкует понятие «профессиональная подготовка» как профессиональное (специальное) образование, основной путь получения которой — самообразование или обучение в системе профессионального образования [1, 767].

Анализируя подходы современных ученых, по определению понятия «профессиональная подготовка учителя» можно утверждать, что его рассматривают как:

– целостный процесс, обеспечивающий формирование мотивации педагогической деятельности, закрепленные в сознании и усвоении теоретических знаний, практических умений и личностных качеств;

– процесс профессионального становления будущих специалистов, цель и результат деятельности высших учебных заведений и степень включения студента в учебно-воспитательную деятельность;

– процесс изучения профессиональных и психолого-педагогических дисциплин, научно-исследовательская и учебно-практическая работа;

– система организационных и педагогических мероприятий, обеспечивающих формирование личности профессиональной направленности, системы знаний, навыков, умений и профессиональной готовности, в свою очередь, определяется как субъективное состояние личности, считает себя способной и подготовленной к выполнению определенной профессиональной деятельности и стремится ее выполнить;

– непрерывность профессионального развития, в основе которого самоанализ и самосовершенствование;

– формирование готовности к педагогической деятельности и тому подобное.

Поскольку наше исследование направлено на выявление путей эффективной подготовки будущих учителей начальной школы к формированию конструктивных умений младших школьников, то для нас важны взгляды ученых на проблему подготовки к проектно-художественной деятельности учителя и учеников.

По мнению В. Тименко, в процессе художественно-педагогического общения и художественно-проектной деятельности основной профессиональной позицией педагога должна быть позиция гуманиста, его мотивационная направленность на другого человека, умение опираться на духовную ценность человека, выбирать оптимальное сочетание средств общения и взаимодействия. По словам ученого, абсолютно этой позиции соответствует метод игродизайна, который в первую очередь учитывает интересы ребенка. В. Тименко также важное значение придает интеграции художественных и технологических дисциплин, которая будет способствовать формированию готовности учителя к формированию конструктивных умений младших школьников [5, 211].

Реализовать творческий потенциал учащихся способен учитель, который сам работает в творческом режиме, постоянно находится в творческом поиске, способен прогнозировать и конструировать учебный процесс, определять условия для творческой самореализации учащихся.

В свою очередь Л. Хомич доказывает, что творческая деятельность учителя включает: «... комплексное вариативное использование фонда теоретических знаний и практических умений; видение новой проблемы в знакомой ситуации, ее решение различными путями; самостоятельное комбинирование и преобразование известных способов деятельности в новые; творческое использование различных сочетаний средств и приемов обучения и воспитания; определение в определенных случаях новых способов решения педагогических задач...» [6, 122].

В контексте нашего исследования важным есть мнение В. Жлудько, которая рассматривает творческое развитие личности, как динамический процесс, направленный на расширение спектра способностей и личностных качеств, которые проявляются и обогащаются в практике различных видов художественно-проектировочной, конструктивной деятельности, результаты которой характеризуются новизной и оригинальностью. Среди ведущих функционально-структурных компонентов художественно-творческого развития чрезвычайно важным исследовательница выделяет деятельностный компонент. Именно поэтому дизайн-деятельность, которая включает методы художественного проектирования и конструирования, является эффективным средством творческого развития учителя и учеников и должно быть обязательной составляющей в процессе профессиональной подготовки учителей начальной школы [3, 8].

На основе проведения анализа научных исследований определяем, что подготовка будущего учителя начальной школы к формированию конструктивных умений должно направляться на обеспечение:

– психологической готовности к формированию конструктивных умений (потребность в указанном виде деятельности, внутреннее восприятие требований деятельности; осознание соотношения своих личных качеств требованиям деятельности; осознание мотивации личных стремлений к этой деятельности);

– теоретической готовности к формированию конструктивных умений (наличие глубоких знаний основ психолого-педагогических и художественно-технологических наук, высокого уровня развития, личностных качеств и способностей учителя);

– практической готовности (умение планировать и организовывать процесс формирования конструктивных умений младших школьников, владение инновационными методами и технологиями обучения, умелое применение имеющихся знаний, формирование новых умений и навыков, наличие индивидуального подхода к каждому ученику);

– развития творческих, конструктивных способностей, педагогической наблюдательности, пространственного и образного воображения, логического и конструктивного мышления, ощущения пропорциональности, глазомера, эстетического вкуса, познавательной активности, требовательности, как черты характера, организаторских способностей;

– профессионально-педагогической направленности личности, которая характеризуется как «устойчивый интерес к указанному виду деятельности».

То есть подготовку будущих учителей начальной школы к формированию конструктивных умений младших школьников в нашем понимании представляет собой подсистему общей системы профессионально-педагогической подготовки, в ходе которой у студентов формируются фундаментальные знания, профессиональные умения,

личностные качества и творческие способности, способствующие формированию конструктивных умений младших школьников, стремление постоянно обновлять мето-

ды и технологии своей деятельности на основе интеграции прогрессивных педагогических идей современности, переходного педагогического и личного опыта.

Список литературы:

1. Большой толковый словарь современного украинского языка/[сост. гл. ред. В. Г. Бусел]. – М.: Ирпень: ПТФ «Перун», – 2004. – 1440 с.
2. Гончаренко С. В. Украинский педагогический словарь/С. В. Гончаренко. – М.: Просвещение, – 1997. – 376 с.
3. Жлудько В. М. Дизайн-деятельность как средство совершенствования профессиональной подготовки учителей начальных классов/В. Жлудько//Вестник Харьковской государственной академии дизайна и искусств. Искусствоведение. Архитектура. – 2011. – № 7. – С. 7–9.
4. Педагогическая энциклопедия/Под ред. М. Д. Ярмаченка. – М.: Пед. мнение, – 2001. – 514 с.
5. Тименко В. Формирование готовности будущих учителей к обучению игрового дизайна учеников начальных классов/В. Тименко//Проблемы подготовки современного учителя: сборник научных трудов Уманского государственного педагогического университета имени Павла Тычины. – Умань ЧП Желтый, – 2014. – № 10 (Ч. 3). – С. 211–220.
6. Хомич Л. А. Профессионально-педагогическая подготовка учителя начальных классов: монография/Л. А. Хомич. – М.: Магистр-S, – 1998. – 200 с.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-58-61>

Shubnyakova Victoria Arkadevna,

PhD, Teacher, Saint-Petersbourg, Fire-and-Rescue-College

E-mail: Lera19977@yandex.ru

Crossfit as an innovative technology of physical education in professional training of the specialists of emergency rescue services of EMERCOM of Russia

Abstract: the article considers the questions of improvement of quality physical and psychological training of Russian rescuers and firefighters through the use of new technology physical education Crossfit.

Keywords: crossfit, professional physical training of Russian rescuers and firefighters in College, improving the quality of physical training of students.

Шубнякова Виктория Аркадьевна,

кандидат педагогических наук,

преподаватель Санкт-Петербургского пожарно-спасательного колледжа

«Санкт-Петербургского центра подготовки спасателей»

E-mail: Lera19977@yandex.ru

Кроссфит как инновационная технология физического воспитания в профессиональной подготовке специалистов аварийно-спасательных служб МЧС России

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы повышения качества физической и психологической подготовки специалистов аварийно-спасательных служб МЧС России посредством использования новой технологии физического воспитания Кроссфита.

Ключевые слова: кроссфит, профессиональная физическая подготовка российских спасателей и пожарных в колледже, повышение качества физической подготовки студентов.

Физическая культура и спорт играют важную роль в жизни современного общества. Оздоровление нации посредством пропаганды физических упражнений и здорового образа жизни, отказа от курения, алкоголя, наркотиков, проведения массовых культурно-оздоровительных

и гигиенических мероприятий является сегодня главной задачей социальной политики Российской Федерации и многих других государств мира. Большое внимание вопросам развития спорта и физической культуры населения уделяется не только в социальной сфере (образовательной,

медицинской и др.), но и во многих профессиональных областях. Существует ряд профессий, в которых физическая подготовка является базовой составляющей профессионального обучения и воспитания.

«Профессиональная физическая подготовка рассматривается в настоящее время как рационально избранная и последовательно используемая система двигательной активности (физических упражнений и оздоровительных мероприятий), направленная на достижение, повышение и устойчивое сохранение дееспособности в избранном виде труда как общественно-социальном явлении, готовности наилучшим образом действовать в условиях профессиональной сферы» [2, с. 35].

Физическая культура в подготовке спасателей и пожарных также является приоритетным направлением и значимой учебной дисциплиной. Оперативные задачи, которые приходится решать специалистам аварийно-спасательных служб МЧС, требуют от них максимума физических сил, мужества и высокой стрессоустойчивости. В профессиональной программе «Спасатель», разработанной нами в 2010 году в научной работе «Организационно-педагогические условия профессиональной подготовки специалистов аварийно-спасательных служб МЧС в учреждениях среднего профессионального образования», среди наиболее значимых профессионально-личностных качеств и способностей спасателя отмечаются: «... **физические**, психические и деятельностно-практические...» [6, с. 49] группы качеств, а «... **главным профессиональным качеством спасателя** является **выносливость**, под которой следует понимать физическую способность выдерживать большие нагрузки, психическую и эмоциональную устойчивость, высокую интеллектуальную работоспособность» [6, с. 49].

Сопряженность профессии с большой долей риска, неожиданностями и нагрузками высокой интенсивности требуют поиска новых методов и технологий физической подготовки специалистов аварийно-спасательных служб. В современную профессиональную подготовку спасателей и пожарных всё чаще включаются инновационные традиционные и нетрадиционные виды двигательной активности. Одним из таких нетрадиционных видов является технология Кроссфита.

Кроссфит (от англ. CrossFit) — это тренировочная методика и соревновательный вид спорта на основе варьирующихся в рамках одного сеанса интенсивных силовых и функциональных упражнений. Её можно описать также как программу таких комбинированных видов деятельности как *бег* (спринтеровские забеги), *гребля* (на специальных тренажерах), *прыжки* (со скакалкой или на препятствия), *лазание по канату*, *работа со свободными весами* (гантели, гири, штанга, сэндбэг (сумка, используемая в качестве утяжелителя), упражнения на кольцах и многие другие. Целью технологии Кроссфита является физическое развитие человека по таким направлениям как выносливость, сила, гибкость, ловкость, скорость, координация, точность, быстрота. Кроме того, данная технология

способствует повышению и улучшению работы сердечно-сосудистой и дыхательной систем человеческого организма, что ведет к его общему оздоровлению.

История Кроссфита не слишком велика. Технология была изобретена в США. По данным интернета (www.crossfit.com), её основатель, Грег Глассман, бывший гимнаст, стал разрабатывать свою методику двадцать лет назад и в 2001 году открыл в Калифорнии первый зал для занятий Кроссфит. Основным принципом тренировки Кроссфит является отсутствие ее специализации, т. е. выбор и комбинация силовых и функциональных упражнений может быть абсолютно любой, с любым спортивным инвентарем, но при этом нагрузки на интервальных тренировках практически всегда будут высокой интенсивности. Они могут включать в себя элементы тяжелой, легкой атлетики, гимнастики, гиревого спорта и многое другое. Интенсивность силовых и функциональных тренировок по Кроссфиту можно определить формулой: **максимум нагрузки за минимум времени**.

Современный Кроссфит подразделяется на «физкультурный», т. е. для большинства людей, и «соревновательный» для опытных атлетов и профессиональных спортсменов. Существуют ежедневные тренировки по технологии Кроссфита, где предлагается каждый день новый комплекс силовых и функциональных упражнений. Эти тренировки обозначаются у спортсменов «кроссфитовского» сообщества как WOD (Workout Of the Day).

По программе Кроссфит работают тысячи сертифицированных залов по всему миру. Во многих странах (в частности США, Канаде, Дании) Кроссфит включен в программы физической подготовки личного состава силовых структур, органов правопорядка и пожарных служб.

В России Кроссфит появился ориентировочно в 2007 году и не сразу обрел своих почитателей. Многие критиковали эту технологию за чрезмерность нагрузок, непоследовательность и нелогичность комплексов упражнений, непредсказуемость выбора двигательных активностей. Многие считали Кроссфит не пригодным для детей и людей с невысокой физической подготовкой. В наши дни ситуация в корне изменилась. Повсеместно организуются занятия по Кроссфиту для детей (CrossfitKids), пожилых людей, беременных. 14 июля 2012 года в Москве проходил первый турнир по Кроссфиту Всероссийского масштаба, в котором приняли участие 60 человек. С 2015 года в России была запущена профессиональная ФИТ-Лига, проводящая турниры по Кроссфиту.

Кроссфит, как инновационная технология физического воспитания, основанная на интенсивных нагрузках, с нашей точки зрения, может использоваться не только в массовом спорте, но и в профессиональной физической подготовке специалистов аварийно-спасательных служб МЧС России. Во-первых, *потому, что уже используется, как сказано выше, в подготовке военных и силовых структур других стран*. Во-вторых, она более качественно **позволит подготовить** наших спасателей и пожарных

к неожиданным, разнообразным **физическим нагрузкам и перегрузкам**, с которыми им приходится сталкиваться в их работе. В-третьих, о чем мы ещё не упоминали, технология **Кроссфит** (во время состязания команд) *способствует развитию командного духа и умению работать совместно*, поскольку соревновательная атмосфера этой методики может пропагандировать и работу в слаженном коллективе (командное первенство).

В качестве *мотивации для занятий Кроссфитом спасателей и пожарных* могут выступать существующие государственные требования к их физической подготовке. В «Учебнике спасателя» во II главе они представлены в виде нескольких таблиц: «Критерии оценки относительной общей физической работоспособности», «Быстрота движений спасателей», «Гибкость суставов», «Критерии оценки силы мышц кистей», «Критерии оценки силы мышц рук и спины», «Критерии оценки вестибулярной устойчивости», «Критерии оценки гибкости позвоночного столба», «Глазомер» [5, с. 157–160]. Эти критерии широко используются в подготовке специалистов по данной профессии и известны в профессиональном сообществе как степ-тесты.

Несмотря на то, что критерии физического развития спасателей и пожарных уже существуют и активно используются в практике, мы полагаем, что *технология Кроссфит тоже может выступать как методика определения функциональных возможностей человека, уровня его физической подготовленности, психической стрессоустойчивости*. Она более подробно и разносторонне исследует предел физических сил каждого человека и укажет наиболее «слабые места» в физической подготовке испытуемого. Фиксация показателей развития двигательных качеств может вестись прямо во время тренировки, а, если контролировать показатели на протяжении более длительного периода тренировок, то можно отследить всю динамику данного процесса.

Для занятий **Кроссфит** не требуется каких-либо специальных условий. Тренировки могут проводиться в спортивном зале, и на стадионе, и на специальных полигонах. Всё зависит от содержания обучения и выбранного комплекса упражнений. *Форма занятий Кроссфит также разнообразна*: групповая (командная), индивидуальная, по подгруппам и др.

Не следует путать занятия **Кроссфит** с круговыми тренировками, направленными главным образом на проработку всех мышц организма. На круговой тренировке нагрузки варьируются и не достигают такой степени интенсивности как на занятиях **Кроссфит**. **Кроссфит** требует работы на пределе человеческих сил и предоставляет для этого ограниченное время. Это тренировка в стиле «Испытай себя!».

Технология Кроссфит, как любая технология или методика физического воспитания, *требует разработки схемы рационального питания и отдыха*. В рацион человека, занимающегося **Кроссфит**, обязательно должны входить белки, жиры, углеводы, словом, всё, что необходимо нашему телу для полноценной жизни и функционирования. Недостаток

или избыток какого-либо компонента или продукта питания может вызвать нежелательные сбои в работе пищеварительной, сердечно-сосудистой, дыхательной, опорно-двигательной, выделительной и других систем организма. Отдых (здоровый сон не менее 7–8 часов) необходим для восстановления физических сил человека.

Занятия Кроссфит для спасателей и пожарных могут стать профессионально ориентированными, если в комплекс упражнений включить элементы тех движений, которые им приходится выполнять в их практической деятельности (во время проведения поисково-спасательных работ на завалах, на льду, на высоте, при спасении в горах, на воде и др.). В этом случае физическая подготовка будет сочетаться с отработкой профессиональных умений и навыков. Для более подробного ознакомления с технологией **Кроссфит** мы совместно с профессиональными тренерами Санкт-Петербургской сети спортивных клубов **Sportlife Тищенко Виталием** (неоднократным чемпионом Украины по бодибилдингу, преподавателем физической культуры и спорта) и **Солоненко Иваном** (спортивным врачом, фитнес-инструктором) разработали демоверсию комплекса функциональных упражнений **Кроссфит для пожарных и спасателей**.

Комплекс разработан для студентов 16–20 лет Санкт-Петербургского пожарно-спасательного колледжа, ставшего экспериментальной площадкой для апробирования инновационной технологии **Кроссфит**. Местом проведения занятий по представленному комплексу может быть либо спортивный зал, либо стадион. Занятие рассчитано на 1 час 30 минут (1 пара в колледже). Комплекс состоит из разминки, основной части и заминки (заключительной части). Все задания комплекса следует выполнять за минимально короткое время, однако, если студенты не справляются с нагрузкой, то темп упражнений следует снизить. **Комплекс предназначен для подготовки студентов к возможностям профессиональным физическим перегрузкам**. Комплекс **Кроссфит** для спасателей и пожарных должен выполняться только под руководством преподавателя физкультуры или профессионального тренера по **Кроссфиту**. Форма занятия может быть групповой или по подгруппам (командами), но при этом все упражнения должны быть выполнены каждым членом команды.

Комплекс Кроссфит для спасателей и пожарных

Разминка — 5–10 минут

1. Бег в среднем темпе — 2 круга;
 2. Суставная гимнастика — 2–3 мин.
- 2 подхода для следующих упражнений:*
3. Отжимания — 10 раз;
 4. Попеременные выпады вперед — 20 раз;
 5. Пресс — 10 раз;
 6. Челночный бег — 5*10 м.

Основная программа — 1 час –1 час 10 минут

1. Перекантровка колеса вес 60 кг — 20 раз;
2. Сматывание восьмеркой пожарного рукава;
3. Зашагивание на тумбу с двумя пожарными рукавами — 30 раз;

4. Планка на локтях — 30 сек;

5. Перенос sandbag 20 кг на плечах 15 метров туда, 15 метров обратно;

Отдых 5 мин, затем 2 подход

Заключительная часть — 5–10 минут

Бег трусцой 500 м с переходом на шаг 500 м. Восстанавливаем дыхание.

Итак, Кроссфит является инновационной практико-ориентированной технологией физической воспитания пожарных и спасателей, так как способствует развитию у сту-

дентов не только личностных волевых, но профессионально значимых качеств, таких как *выносливость, сила, быстрота, стрессоустойчивость*. Технология Кроссфит позволяет подготовить будущих специалистов МЧС к физическим *перегрузкам*, сопряженным с их профессиональной деятельностью. В 21 веке Кроссфит станет важным компонентом всех образовательных программ физического воспитания, так как именно эта технология *раскрывает латентные способности человека* и позволяет *поднять качество профессиональной физической подготовки молодежи* на более высокий уровень.

Список литературы:

1. Ачкасов Е. Е. Инструктор здорового образа жизни и Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне»: учеб. Пособие/Е. Е. Ачкасов, Е. В. Машковский, С. П. Левушкин. – М.: ГЭОТАР-Медиа, – 2016. – 256 с.: ил.
2. Бишаева А. А. Профессионально-оздоровительная физическая культура студента: учебное пособие/А. А. Бишаева. – М.: КНОРУС, – 2016. – 304 с. – (Бакалавриат).
3. Евсеев Ю. И. Физическая культура/Ю. И. Евсеев. – Изд. 9-е, стер. – Ростов-на-Дону: Феникс, – 2014. – 444, [1] с.: ил. – (Высшее образование).
4. Семенихин Денис, Фитнес. Гид по жизни/Денис Семенихин. – М.: АСТ, – 2015. – 288 с.: ил. – (Звезда You Tube).
5. Учебник спасателя/С. К. Шойгу, М. И. Фалеев, Г. Н. Кириллов и др.; под общ. ред. Ю. Л. Воробьева. – 2-е изд., перераб. И доп. – Краснодар:» Сов.Кубань», – 2002. – 528 с. – ил.
6. Шубнякова Виктория Аркадьевна. Организационно-педагогические условия профессиональной подготовки специалистов аварийно-спасательных служб МЧС в учреждениях среднего профессионального образования: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.08/Шубнякова Виктория Аркадьевна; [Место защиты: Ин-т образования взрослых Рос. акад. образования]. – Санкт-Петербург, – 2010. – 218 с.: ил. РГБ ОД, 61 10–13/1505.

Section 6. Psychology

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-62-65>

Kryvenko Yulia,
 PhD, Assistant Professor Department of Social Work
 Istanbul Sabahattin Zaim University
 E-mail: yulia.kryvenko@izu.edu.tr

Marital satisfaction in intercultural marriages from the perspective of Ukrainian women married to Turkish men

Abstract: The purpose of this study was to investigate how intercultural couples attain marital satisfaction and communication competence. It enriches previous studies by bringing more clarity to understanding the complex factors contributing to marital satisfaction of partners in intercultural intimate relationships. The outcomes indicated that expanded intercultural communication competence prior to marriage lead to higher marital satisfaction while paucity of it was a stimulant for tension and conflict within intercultural marriages. Such factors as love, jealousy and partnership were found to be most relevant for marital satisfaction, thereby reaffirming evolutionary psychologists' hypothesis about their presence across different cultures as elements of human cohesion.

Keywords: Marriage, Intercultural Communication, Marital Satisfaction, Cultural Diversity.

Introduction

Marriage has existed for centuries as an institution that joins men and women in a social and legal relationship for the purpose of maintaining and, carrying on a family structure. Although the word marriage itself comes along with many positive connotations, it is widely accepted that it includes many conflicts especially if partners are coming from different cultures. Since both parties carry their unique life experiences, personalities and cultures into to the union, some basis conflicts are inevitable.

Generally, people marry people who are similar to themselves. The greater the similarity of the two people, the less they need to adjust to the changes that happen in their lives. The greater the difference between the spouses, the less common the pairing and the greater the difficulty they will have adjusting [8].

Intercultural marriage is a marriage that takes place between spouses of different cultural backgrounds. They may be different in their values, beliefs, customs, traditions, or styles of life so that cultural dimensions are a relatively significant aspect of such a marriage [11].

Intercultural couples have much greater difficulty adjusting to one another and their surroundings when compared to couples who are from the same culture. Couples from the same background have expected differences such as personality, education, and life experiences but in intercultural marriages there are additional differences, mainly customs and values that make it much harder to adapt.

The purpose of this study was to explore the level of adjustment of intercultural couples, specifically Ukrainian fe-

males married to Turkish males, and its relation to achievement of marital satisfaction and communication competence. Intercultural marriage is a complex topic which is difficult to investigate in its entirety in one study. Since cultural differences are considered to be an important aspect of these marriage the investigator focused on the level of adaptation shown by the Ukrainian wives residing in Turkey.

Literature review

There are several areas in intercultural marriage in which differences in goals, values, and objectives, are going to call for adjustment. Landis [7] classifies these areas as religion, social life, mutual friends, in laws, money and sex relations. Blood and Wolfe's [2] study stated eight areas of 'stress' in a marriage: money, children, recreation, personality, in-laws, roles, religion, politics, and sexuality. Every culture has its own rituals with which its members grow-up, and which helps them to go through life transitions. It is very hard for a person from another culture to adapt to the rituals easily. Intercultural marriages affect every level of the social system, which includes the individual, the couple, their children, the culture or ethnic group they live in, and the society as a whole. Preto and Mc-Goldrick [8] believed that the greater the cultural difference between the spouses the harder it would be to adjust to the marriage. Nonetheless, they had a positive view of intercultural marriages; even though intercultural marriage influences every level of the social system, it breaks the old continuity by opening the system to new patterns, ideas, and connections. Becoming familiar with another culture may be an enriching experience that provides flexibility to the social system. The fact that each spouse has different values, patterns and

attitudes might complement and enhance the strength of the marriage. For example, an Asian female who has difficulty expressing her anger for fear of losing control and becomes depressed, may be able to express her anger more comfortably by marrying an Italian male who expresses his feelings directly and spontaneously.

Tseng [11] believes that before two people from different cultures marry, they are quite likely to think of one another in a stereotyped manner. After they get married the problems or differences may become more obvious. The recognition of differences may continue for years. Marriage is a process of developing events which couples face and they must adapt to each new situation or problem when the time comes. These new situations or life transitions may be birth, death, illness, holidays, etc. For example, the couple may have difficulty naming their child or a funeral may put the foreign spouse in a difficult or uncomfortable position. Many people are not ready to face all these differences and when they do they may feel isolated, strange, or like an outsider. This usually happens when the person doesn't know how to behave or that a certain behavior is expected and the individual is not aware of it. An example in the Turkish culture may be when young people kiss elderly people's hands.

Sometimes the two people will not recognize the cultural difference and behave in their own way in a particular situation. One will react to a situation from his own cultural point of view, not knowing his partner is also behaving according to his culture. When differences occur the couples start to speculate about reasons for them and begin to find solutions. It is very important for the couple to talk about their differences and motivations, why some things happened and what was felt. In order to solve their problems, couple must discuss how they should change in order to reduce the chance of a problem. This is an important factor in helping the marriage to succeed [11].

However, even though the couple may talk things over, it is very hard for them to come to a solution, be cognitive aware of the problem, and behave in a different way. Culture is the main reason for this. Culture is something that is learned through experiences in early life. It teaches a style of life which is very hard to overcome and suddenly substitute another way of behavior. Since an individual has developed a system of emotions associated with a set of behaviors it usually takes a great deal of work and time to adjust to a new situation. For instance, a Ukrainian woman married to a Turkish man may have difficulty understanding why her husband is so close to his family. Although she may cognitively understand that these close relationships are part of the culture, they may be very hard to accept. She must find a way that she can feel comfortable with. Tseng [11] suggests that the process of learning should not be hurried but allowed to take time because rushing it might destroy the equilibrium and produce unexpected complications. Tseng also suggests that the person should call 'time out' so that he/she doesn't feel overwhelmed by new situations. The goal of this struggle is to

achieve balance which is part of adaptability. This balance or adaptation occurs when a person discovers and appreciates the values of both cultures, accepts the differences, and is always willing to try new behaviors for better adjustment.

In general, the literature suggests that intercultural marriages have additional problems when compared to intracultural marriages. These problems are mainly based on the cultural differences of the two spouses. The recognition of differences begins during the mate selection phase. These differences include style of life, beliefs, values, and traditions. When there are such differences between two individuals an adjustment pattern must be found in order for the couple to live comfortably. However, even though an adjustment pattern is found additional problems may arise, such as communication, family, relatives, etc. These women need to be adaptable and flexible in order to adapt to each situation. Adjustment to the marriage and culture continues throughout the individuals' life since life transitions forces them to experience different things at different ages. Despite demographic increases in the number of intercultural couples around the world, limited research is available to guide counselors and therapists in addressing the role that culture plays in intimate intercultural relationships [3]. In one review of academic literature on intercultural relationships, Sullivan and Cottone [10] concluded that, overall "little empirical research has been done with intercultural couples to assist with conceptualization of problems and useful interventions".

Procedure

Semi-structured interviews were used to investigate how women in an intercultural dyad deal with cultural differences and achieve marital satisfaction. Intercultural marriages are described through the eyes of Ukrainian women married to Turkish men as it is their lived experience. The interview began with background questions such as age, nationality, length of marriage, education, profession, number of children, availability of intercultural experience. Then, the interview advanced to questions about similarities and differences between spouses, their communication styles, possibility of integration of the two cultures, and conflicts within the marriage.

Participants for this study were recruited through two different Facebook groups: "Ukrainian community in Turkey" and "Ukrainians in Turkey" with 1338 and 3335 members respectively. The sample included seventeen Ukrainian women married to Turkish men who lived in Istanbul. The majority of participants were in their thirties; the youngest participant was 22 years old and the oldest one was 44. The length of intercultural marriage in this sample varied between 3 months and 9 years. Fourteen out of seventeen participants had higher education but only four were officially employed. Most of the respondents (15 out of 17) travelled a lot before getting married and had contact with different cultures in their environment at home, work, school, or neighborhood.

According to female participants in this study most couples were using 2 or 3 languages for better communication with their husbands. Eight women named English as the main language of communication. Six women stated they were

speaking mainly Turkish. Three out of seventeen were using mainly Russian to communicate with their partners.

Research results

The first research question asked: what are the cultural factors that impact the marital satisfaction in intercultural marriages the most? Love, honesty, economic stability, respect and partnership were named as important predispositions of marital satisfaction in intercultural marriages. Among the cultural factors that negatively influence the marital satisfaction and lead sometimes to conflict between spouses, participants named: jealousy, exhausting bureaucratic procedures, homesickness, numerous husband's relatives, little knowledge of language and culture. Most interviewees had some intercultural interaction preceding meeting their life partners. A few participants specified being brought up in a socially differing environment, while some dated outside of their social group before marrying their husband. Only two participants did not have a contact with representatives of other cultures while growing up and lived only inside their own social group before meeting their husband. Even insignificant introduction to different cultures seemed to impact those respondents' perspective and therefore marital satisfaction as they appeared to show more competence in intercultural communication. Religion was not a specific focus of the study; however, most of the participants when asked about holidays celebrated in the family, talked first about celebration both Muslim and Christian religious holidays as a family tradition.

The second research question was: what types of communication competencies partners had to develop in order to address cross-cultural differences? In this research language fluency and cultural competence turned out to be the most considerable factors as it influenced the effectiveness of communication between spouses. Most of the women admitted difficulties in communication with their husband due to lack of fluency in one common language. Most couples were using 2 or 3 languages for better communication with their husbands. In present sample, spouses' abilities such as self-awareness, open-mindedness, self-disclosure and communication skills were necessary appeared to be essential factors contributing to intercultural communication competence the most within these marriages.

Discussion

The results of the study reinforce the hypothesis that both jealousy and love can be seen culturally homogeneous all over the world, independently of country, culture or whatever other variables, since these components are considered essential in relationship satisfaction under any circumstances. They also reflect partners' faith in each other and show that satisfaction gets higher as partners grow closer emotionally and partnership gets stronger [9]. As one of the participants explained: "I don't think about my marriage as about marriage with representative of a different culture but as a union with a person whom I love".

Importance for marriage of such competencies as self-consciousness, acceptance, and language fluency dis-

closed by this study reiterated Chen's [5] statements that communication competence involves both effectiveness and appropriateness in interactions. One of the Chen's [5] theorem related to intercultural communication competence deals with individual's message skills namely verbal and nonverbal communication. According to it individuals with the ability in the host language are more likely to be competent in intercultural communication than individuals without it. In this study couples who struggled with language had similar challenges in their marriage such as a lack of autonomy and a sense of dependence.

Intercultural marriages involve a blend of two distinct lives with different histories, personalities, values, and expectations. It can be viewed as an active creation of a new culture that has never existed before. Casmir [4] introduced the concept of a new culture building and defined it as a third-culture, or new interactive relationship, which would represent an expression of mutuality, and can be understood, supported and defended by all participants of its development. As couples in this study described their interactions and current dynamics within the marriage, the combination of norms, values, and traditions could be conceptualized as a third culture.

The final dimension dealt with cultural knowledge or awareness about the partner's cultural values, customs, norms, and systems. The change in previously held beliefs about particular cultures represented in this study aligns with Allport's [1] Contact Hypothesis Theory. His theory stated that meaningful, continues, comprehensive interactions with one who is culturally different have the potential to modify previously held beliefs about the one's represented culture and it supported the findings in this study. When meaningful communication occurs between people who feel that they are evenly matched and possess a common purpose it can promote ameliorations to earlier, inaccurate perceptions.

Conclusions

Culturally diverse spouses may experience additional challenges primarily due to lack of the language fluency, different communication styles, and family opposition. The research has shown those who have had significant contact with different cultures in their environment at home, school, or neighborhood prior to marriage seemed to have an expanded communication competence and as a result were more satisfied with their marriages. Other respondents represented in this study revealed that a lack of intercultural communication competence was a catalyst for misunderstanding and sometimes lead to a conflict within intercultural marriages. Along with the challenges participants acknowledged how their marriage was personally advantageous. It helped current study to uncover additional knowledge about how intercultural dyads co-create a completely new culture. Moreover, having a long-term contact with each other's culture allows dyads the opportunity to build up a unique third culture which is composed of the best qualities of two different cultures.

References:

1. Allport, G. W. (1954). *The nature of prejudice*. Cambridge/Reading, MA: Addison Wesley.
2. Blood, R. O., & Wolfe, D. M. (1960). *Husbands and Wives: The Dynamics of Married Living*, P. 6. New York: Free Press (Macmillan Co.).
3. Bustamante R., Nelson J., Henriksen R. & Monakes S. (2011) *Intercultural Couples: Coping with Culture-Related Stressors*. *The Family Journal*, vol. 19, no. 2, 154–164 DOI: 10.1177/1066480711399723.
4. Casmir, F. L. (1993). *Foundations for the Study of Intercultural Communication Based on a Third Culture Building Model*. *International Journal of Intercultural Relations*, 23 (1), 91–116.
5. Chen, G-M. (1990). *Intercultural Communication Competence: Some Perspectives of Research*. *Eastern Communication Association Convection*, April. 19–23.
6. Cools, C. (2006). *Relational Communication in Intercultural Couples*. *Language and Intercultural Communication*, 6 (3 & 4), 262–274. DOI: 10.2167/laic253.0.
7. Landis, Judson T. (1946) *Length of Time Required to Achieve Adjustment in Marriage*. *American Sociological Review*, 12, 666–677.
8. McGoldrick, M. & Preto, N. G. (1984) *Ethnic Inter marriage: Implications for the Therapy*, *Family Process*, 347–364.
9. Norgren, M. B. P., Souza, R. M., Kaslow, F., Hammerschmidt, H., & Sharlin, S. A. (2004). *Satisfação conjugal em casamentos de longa duração: Uma construção possível*. *Estudos de Psicologia (Natal)*, 9, 575–584.
10. Sullivan, C. & Cottone, R. (2006). *Culturally Based Couple Therapy and Intercultural Relationships: A review of the literature*. *The Family Journal: Counseling and Therapy for Couples and Families*, 14, 221–225.
11. Tseng, Wen-Shing, John F. McDermott, & Thomas W. Maretzki. *Adjustment in Intercultural Marriage*. Honolulu: Dept. Of Psychiatry, John A. Burns School of Medicine, University of Hawaii, – 1977.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-65-67>

*Kushchazli Maria Ivanovna,
Peoples' Friendship University of Russia,
PhD student, the Faculty of Philology
E-mail: m.kushchazli@yandex.ru*

Kreative Selbstverwirklichung der Persönlichkeit in der beruflichen Tätigkeit

Abstract: In jedem Bereich der Berufstätigkeit gibt es die Probleme der kreativen Selbstverwirklichung der Persönlichkeit. Man kann jedoch bestimmte Richtungen festhalten, um das neue Niveau der kreativen Selbstverwirklichung im Beruf zu steigern.

Keywords: die Kreativität, die Persönlichkeit, die kreative Selbstverwirklichung.

Die moderne, sich ständig weiter entwickelnde Gesellschaft stellt immer größere Forderungen an das Subjekt der beruflichen Tätigkeit. Derzeit ist die Ansicht verbreitet, dass ein Fachmann auf einem gewissen Gebiet nicht nur derjenige ist, der für seine Aufgaben die notwendigen Kenntnisse und Übung besitzt, sondern auch persönlich in seine Arbeit involviert und einbezogen ist. In Russland sowie in Ausland haben sich folgende Forscher mit der Selbstverwirklichung im Berufsleben beschäftigt: in Deutschland (W. Stern, O. Lippmann, F. Giese), Großbritannien (C. Meiers, C. Spearman, J. Cox), Frankreich (A. Bine, T. Simon, V. Henry, A. Pieron), USA (G. Munsterberg, W. James, R. Catell). In Russland sind viele Forschungen der Selbstverwirklichung im Beruf gewidmet (K. K. Platonov, B. F. Lomov, V. D. Shadrikov, V. N. Druzhinin und andere), wobei besonders die zeitgenössischen Arbeiten hervorzuheben wären (K. A. Abulhanova-Slavskaya, L. I. Anziferova, L. A. Korostyleva, S. I. Kudinov) [2].

Die Probleme der kreativen Selbstverwirklichung der Persönlichkeit in jedem Bereich der Berufstätigkeit sind nur Teil der allgemeinen Problematik der Selbstverwirklichung der kreativen Persönlichkeit im Beruf, und können deshalb nicht getrennt davon gelöst werden. An diesen Fragen arbeiten nicht nur Psychologen, sondern auch Pädagogen, Soziologen, Philosophen, Betriebswirte und Verwaltungswissenschaftler. Das ist kein Zufall. Die Suche nach den Fragen erfordert eine genaue Betrachtung und Beschäftigung mit den Konzepten, die sich schon auf diesem Gebiet ergeben haben. Deren interdisziplinäre Verallgemeinerung, Bildung einer Gesamtlehre über die kreative Selbstverwirklichung, die Antworten über deren Ursprünge, treibende Kräfte, Bewegungsrichtung, Möglichkeiten, Bedingungen, Technologien, Effizienz usw., Deutung vieler Begriffe, die mit Problemen der Selbstverwirklichung einher gehen, deren Anwendung und Verständnis in verschiedenen Wissenschaften noch nicht eindeutig ist.

Der Erfolg bei Lösung von oben genannten Aufgaben hängt von vielen Faktoren ab, wobei die Ansichtspunkte auf die Persönlichkeit und deren Kreativität im Beruf eine zentrale Stelle bilden. Die Logik ist hier weitgehend verständlich: neue Ideen werden vom Menschen erschaffen, und das hängt von seinem Kreativitätspotenzial und dem Willen, es zu nutzen, ab, sowie von den Bedingungen in der Gesellschaft, die dafür gelten (in Unternehmen und Organisationen), also von der Umwelt. Das Verständnis der Motive des kreativen Verhaltens und deren Ursprünge ist ein zentraler Punkt. Die Unterschiede in den Besonderheiten der beruflichen Tätigkeiten beeinflussen den Inhalt der kreativen Arbeit, ändern aber nichts an den oben genannten Zusammenhängen. Maßnahmen, die die Effizienz jeglicher Kreativität im Beruf steigern sollen, resultieren vor allem aus der Notwendigkeit, eine breite Verwirklichung des Kreativpotenzials der Arbeiter zu ermöglichen, und alle Bedingungen, vor allem sozialpsychologischen, hierfür zu erschaffen.

Die kreative Selbstverwirklichung im Beruf kann man sehr allgemein als Entfaltung bestimmter kreativer Fähigkeiten der Person durch Ergebnisse dieser Fähigkeiten im Beruf beschreiben. Sie stellt sich aus der Menge bewusster Tätigkeiten der Person zusammen, die an die Befriedigung des Strebens nach Selbstaussdruck gerichtet sind, und ist eine Form des sozialen Verhaltens. Diese Form spiegelt unter anderem die Besonderheiten der Selbstbeherrschung der Person und Beherrschung des eigenen Kreativpotenzials wieder. Für die scheinbare Vollständigkeit solcher Definition stellt sie dennoch Fragen an die genaue Definition von Persönlichkeit, Kreativität und kreativen Fähigkeiten, deren Antworten den Ursprung für die Erklärung des Begriffs der Selbstverwirklichung einer kreativen Persönlichkeit bilden. Besonders muss darauf geachtet werden, da diese Kategorien in Fachliteratur für Psychologie, Pädagogik, Soziologie und Philosophie unterschiedlich verstanden werden. Diese Unterschiede sieht man auch im Begriff Selbstverwirklichung (K. Abulhanova-Slavskaya, L. Anciferova, A. Asmolov, E. Galazhanskij, V. Zinchenko, L. Korostyleva, S. I. Kudinov, S. S. Kudinov, L. A. Gorbaneva, K. V. Archepochkina und andere), der in der Wissenschaft gleichermaßen als Selbstaktualisierung (A. Maslow, K. Rogers, D. A. Leontjev und andere), Selbstdefinition (I. Kant, A. Schopenhauer, A. Adler, K. Levin und andere), Selbstaussdruck (F. Pearls, E. V. Beljakova, V. A. Dmitriev, A. F. Jafaljan, I. P. Shkuratova und andere) verwendet wird [1].

Bei Darstellung der Fragen der Selbstverwirklichung scheint ein Begriff der Verwirklichung des kreativen Potenzials der Persönlichkeit genauer zu sein, unter dem die Menge an kreativen Fähigkeiten verstanden wird. In jeder Tätigkeit, auch in kreativen Berufen, wird nicht die Persönlichkeit entfaltet, sondern ihre bestimmten Fähigkeiten — psychologische, physische, wissenschaftliche und kreative. Neue Ideen bilden das Ergebnis der Verwirklichung des kreativen Potenzials der Persönlichkeit oder einer Gruppe. Sozialpsychologisch gesehen ist die Entfaltung beidseitig gerichtet, sowohl

eine externe (für die Gesellschaft), als auch eine interne (für sich selbst) Form des Selbstaussdrucks. Die begleitenden psychologischen Prozesse sind vielfältig. Einen wichtigen Platz darin hat die Bildung, Festigung des eigenen Bildes (Ich, der schaffende) im Bewusstsein. Die Selbstverwirklichung hängt vielfach vom Persönlichkeitstyp, eigener Einstellung, dem Willen und der Motivation ab. Die Frage, was genau den Menschen zur Kreativität treibt, nur die Selbstverwirklichung oder mehr, wird unterschiedlich beantwortet: Prestige, Ruhm, Liebe, Geld, Befriedigung an vollendeter Arbeit, Streben nach Kompetenz, sich den anderen zeigen, etwas Eigenartiges erschaffen, eigene Bedeutung zeigen, die Aufmerksamkeit auf sich lenken, eine halb bewusste Angst eines Entzugs und so weiter. Die Motive haben eine wirtschaftliche, soziale, biologische und psychologische Natur und werden von der kreativen Persönlichkeit nicht immer wahr genommen.

S. A. Lukyanov hat in seinen Studien zur Bildung einer Gesamtlehre über die kreative Selbstverwirklichung der Persönlichkeit im Beruf folgende Basispunkte definiert [3]:

1. Der Begriff der Selbstverwirklichung der kreativen Persönlichkeit ist mit dem Begriff der Persönlichkeit und deren Eigenschaften unteilbar. Letztere bilden den Anfang zur wissenschaftlichen Erforschung der Selbstverwirklichung.

2. Die treibenden Kräfte der Selbstverwirklichung haben ihren Ursprung in der gesellschaftlich-biologischen Natur des Menschen, in seinen Bedürfnissen, auch im Bedürfnis, um die Existenz und den Platz in der Gruppe oder Gesellschaft zu kämpfen und sich an die Umwelt anzupassen.

3. Jeder Mensch kann kreativ sein, aber die Ausprägung dieser Fähigkeiten ist bei Menschen unterschiedlich.

4. Den verschiedenen Formen und Stufen der Allgemein- und Berufsbildung des Menschen stehen entsprechende Ausdrucksformen der Kreativität im Beruf gegenüber.

5. Die Selbstverwirklichung der kreativen Persönlichkeit kann zu verschiedenen Phasen des Berufslebens erfolgen. Die kreativen Fähigkeiten einer Person können bei vielen Berufen auf ganzer Länge des Berufslebens entwickelt werden. Die biologischen Grenzen werden oft nicht durch das Rentenalter festgelegt, sondern durch den physischen und geistigen Zustand des Menschen.

6. Die kreative Selbstverwirklichung der Persönlichkeit im Beruf ist durch dessen Umfang und Inhalt begrenzt, die Ausprägung kreativer Fähigkeiten konzentriert sich auf diese Tätigkeiten.

7. Die Ausprägung des Kreativpotenzials einer Persönlichkeit im Berufsleben ist nichts anderes als eine Form des sozialen Verhaltens, die die Ziele des Menschen durch sich selbst, durch Kreativpotenzial im bestimmten sozialen Umfeld widerspiegelt.

8. Die Selbstverwirklichung der kreativen Persönlichkeit im Berufsleben kann nicht nur spontan erfolgen. Für ihren Erfolg sind entsprechende Bedingungen, Zielvorgaben und Koordination notwendig.

9. Das Prozess der Selbstverwirklichung der kreativen Persönlichkeit und dessen Ergebnisse hängen von vielen

Faktoren ab, unter anderem vom Persönlichkeitstyp, den Bedingungen und Inhalt des Berufs, von der Motivation zur innovativen Kreativität. Nicht alle kreativen Menschen besitzen gleichermaßen die Eigenschaften, die ihnen erlauben, selbstständig und effizient ihre kreativen Fähigkeiten im Beruf zu realisieren. In der Praxis sehen wir viele Verhaltensmuster bei der kreativen Selbstverwirklichung im Berufsleben.

10. Je nach Ausrichtung des Berufes müssen einige Arbeiter ihre kreativen Fähigkeiten selbst offenbaren, in ihrer Position Neues erschaffen; anderen muss darin mehr geholfen werden.

11. Die Prozesse der Selbstverwirklichung der kreativen Persönlichkeit im Beruf müssen durch Führungskräfte unterstützt und gesteuert werden, die müssen in das Personalmanagement einbezogen werden.

Die genannten Basispunkte für die allgemeine Betrachtung des Problems der Selbstverwirklichung im Beruf müssen nicht für vollständig genommen werden. Die genannten Punkte beschreiben womöglich sehr allgemein die wichtigsten Aspekte der Lehre über die kreative Selbstverwirklichung der Persönlichkeit, und unterstreichen so ihr interdisziplinäres

Charakter. Man kann jedoch folgende Richtungen festhalten, die dazu führen, das Niveau der kreativen Selbstverwirklichung im Beruf zu steigern:

- Bildung von starken beruflichen Interessen;
- Schaffung eines Systems der beruflich-persönlichen Weiterbildung;
- Kategorisches Denken bei Arbeitern erzielen;
- Erreichen eines starken Bedürfnisses nach Selbstintegration und –Harmonisierung;
- Beibringen der Selbstreflexion für Tätigkeiten, die die Arbeiter ausführen.

Gerade deshalb ist die Erkenntnis wichtig, dass jeder Mensch unwiederholbar und individuell ist, und durch die Erkenntnis seiner Individualität in der Lage ist, bewusst sein Leben zu planen, seine Aktivitätsbereiche mit seinen Werten, Interessen und Fähigkeiten zu bestimmen. Wenn ein Mensch sein Leben mit Rücksicht auf diese Faktoren organisiert, bewegt er sich auf dem Weg der Selbstverwirklichung des eigenen Potenzials. Nicht minder wird das durch das Verständnis der Aspekte begünstigt, welche Forscher bei Erklärung des Sinnes der Selbstverwirklichung hervorheben.

References:

1. Kudinov, S. I. Polysystemic approach to the study of self-identity/S. I. Kudinov//Siberian pedagogical journal. – 2007. – No. 11. – P. 337–346.
2. Kudinov, S. I., Krupnov, A. I. System model of self-identity/Kudinov S. I., Krupnov A. I.//Bulletin of the Russian University of friendship of peoples. Series: Psychology and pedagogics. – 2008. – No. 1. – P. 28–36.
3. Lukyanov A. S. Creative self-realization of a person in professional activities and innovations Current problems applied social psychology: a collection of papers of the I International scientific-practical conference 27–28 December, 2011 – SPb.: Publishing house of Saint Petersburg University of management and Economics, – 2012. P. 333–337.

Section 7. Sociology

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-68-72>

*Kalanova Sabohat Muradovna,
Senior scientific researcher National University of Uzbekistan
named after M. Ulugbek, Tashkent city, Uzbekistan
E-mail: sabo_77@mail.ru*

Succession of generations as the process of cultural transmission

Abstract: The author examines the widely studying recently in sociology method “analysis of the history of the generations.” The main essence of this method lies in the fact that this method as a qualitative method in sociology reveals the influence of the change of generations in the events taking place in modern societies.

Keywords: change of generations, the difference between the generations, socialization, values, continuity, social memory, generational syndrome, genealogy, historical and cultural processes.

The process of transferring sense of peace and other cultural values and traditions from generation to generation is a cultural transmission. It ensures continuity of transmission and continuity of cultures. As a result, transmission of the younger generation has an opportunity to start with, which reached the older generation, adding new knowledge, skills, values and traditions to the already accumulated.

Each generation has its own characteristics: the values and the spiritual aspect of life experience and attitude to the events of the era, the creative achievements and the preservation of traditions. It learns the achieved level of development, and on this basis to become the initiator of change, promotes forward. These two sides of the relationship of generations — the development of cultural heritage and innovation — form the basis of the historical development of society. The nature of the continuity of culture is reflected in the spiritual image of generations [1, 364 p.]

Defining a generational change as a cultural-historical process, based on the biological rhythm of human life, the most important are the following aspects of it:

- 1) The process of cultural evolution involves change of cultural creativity of participants;
- 2) Over time, the old participants in the cultural process are eliminated from it;
- 3) People of one generation can participate in the cultural process only locally (“here and now”);
- 4) Cultural process can be carried out only as a result of the transfer of cultural heritage;
- 5) Transition from generation to generation is a continuous sequential process.

A special role in the process of change of generations carries the tradition. On the one hand, the tradition — these are the values that are transmitted from generation to generation according to the law of continuity [2, 354 p]. They may be written or oral, to be encoded in adults in the samples of their

behavior, in the functioning of social institutions, etc. On the other hand, the tradition. It is not only what is transmitted, but also in the depths of which are formed by innovation.

The question is how a tradition that is ready to follow the model may allow innovation; it is a retreat, leading to the abandonment of traditions. Destiny tradition in the change of generations formed in different ways in different cultural — historical epochs.

Firstly, it can be observed complete or almost complete identity of views and norms of behavior in successive generations. This is the case in a stagnant society, how it was, for example, the early middle Ages. For people belonging to such societies, specifically the complete absence of any doubt as to the appropriateness and legality of the material and spiritual factors of their existence. Social creativity was missing. Relations between generations within families were patriarchal clannish nature [3, 106–122 p]. All the community, including family, stood guard over existing order.

However, in the late middle Ages this order begins to blur, as is the development of crafts, cities, trade.

Secondly, the operation of the traditions in the change of generations and can have a different character, similar to what happens on the turn of the Middle Ages and Renaissance. Traditions are preserved, but their observance is no longer the same tough demands. The rivalries with the traditions come to the state laws, reflecting the new social reality. It starts to look at the traditions as something routine.

There is a special indulgence for violations of traditions, and thereby there is a niche, which may emerge to mature, and tradition, the former alternative.

The situation is different in terms of spiritual culture of crisis, when questioned cultural continuity, or even a tendency to abandon cultural traditions. New socio — cultural knowledge, ideals and values stimulate the crisis of the old ideology. But in this case, the existence of cultural continuity is ensured unity

of culture and cultural creativity. All these features and trends affect the nature of the continuity of generations.

Currently, an increasing interest significantly to the history of the family and his clan. Identify new promising areas of study of the history of the nobility, the merchants, clergy, intellectuals, and business.

In recent years, published the most important archival documents, on the basis of which it is possible to reconstruct the history of a family dynasty. Knowledge of family history — the basis of the continuity of generations and respect for the cultural heritage. Conversely, forgetting ancestors inevitably leads to immorality, humiliation, barbaric attitude to the historical and spiritual — moral values [4, 95–105 p].

Historical generation — the period of time within which he lives and is active this generation, becoming a contemporary era events that influenced his spiritual image. In modern conditions are increasingly talking about a “business — generation”, which actively manifests itself in business and commercial activities that affect the value orientations and emerging

lifestyle. Generation in this sense is not so much quantitative as qualitative certainty.

The older generation may be involved in the field of its attraction for generations, creating a stable tradition related to historical events and spiritual values of his time, causing emotional involvement and mutual understanding. Such relationships are formed between the generations in terms of the relative stability of the society. But the dynamics of change is, as a rule, a new generation of critical relation to the previous period, announcing the rejection of previous goals and values, declaring them false [5, 159–170 p].

In order to find out mutual relations between the adults and the youth in the item of manner of thought of our survey, about 70% of the respondents have answered the relations between two generations are based on mutual sincere and friendly, 5,6% respondents have answered mutual relations are based on formalism, 7,5% respondents have answered there is serious disagreement, to the same question 13,7% respondents have impeded to answer, 4,6% respondents have not answered.

Table 1.

	Sincere and friendly	Based on formalism	There is serious disagreement	Have impeded to answer	Have not answer
Qahqadaryo	38	3	6		1
Bukhara	41	7	5		2
Tashkent	34	3	7		6
Fergana	51	3	2		1
Khorezm	46	1	3		4
Total	210	17	23		14
Total percentage	68,6%	5,6%	7,5%		4,6%

In a society with a sufficiently stable structure and the slow pace of change success of education is estimated depending on how senior managed to convey to the younger generation the accumulated knowledge, skills and abilities. The younger generation was being prepared for life in society, which in general is similar to the one in which their parents lived their entire lives. Seniors could not even imagine a life different from their past was the future of the scheme. Such a model of culture is not unique to the distant past, but is typical of periods of stagnation, slow pace of development for isolated regions of closed ethnic groups. This type of cultural continuity thoroughly researched by American anthropologist M. Mead.

The older generation embodies the wisdom of life, which should be taken implicitly. It is a role model and reverence, for complex has all the necessary knowledge and values, norms of behavior. The older generation enjoys a high reputation among the youth, and his experience is not only instructive, but also leaves an indelible mark on the young man's soul, creates the necessary lifestyle stability, supporting an atmosphere of mutual understanding and care, routine and ritual of everyday life [6, 7–14 p]. The integrity of the inner world does not undergo major changes, even

with the modernization of individual household members or when moving to a new country. Inclusion in a different culture is not fully replacing the traditional way of life and style, if it is fixed in the minds and behavior of generations and is seen as a model of relations.

To the question of the survey “Which aspects of the old generation as a model for the youth do you admit most? 60,8% respondents have answered they always show the right way, 47,4% respondents have answered the adults are as a model to overcome life difficulties, 27,5% respondents have answered the adults appeal the youth to be an honest and truthful in personal and social life, 23,2% respondents have answered the adults cherish family life, 20,9% respondents have answered the adults are a symbol of loyalty and goodness, 14,1% respondents have answered they prefer to be economic and far from expenditure, 4,9% respondents have not answered.

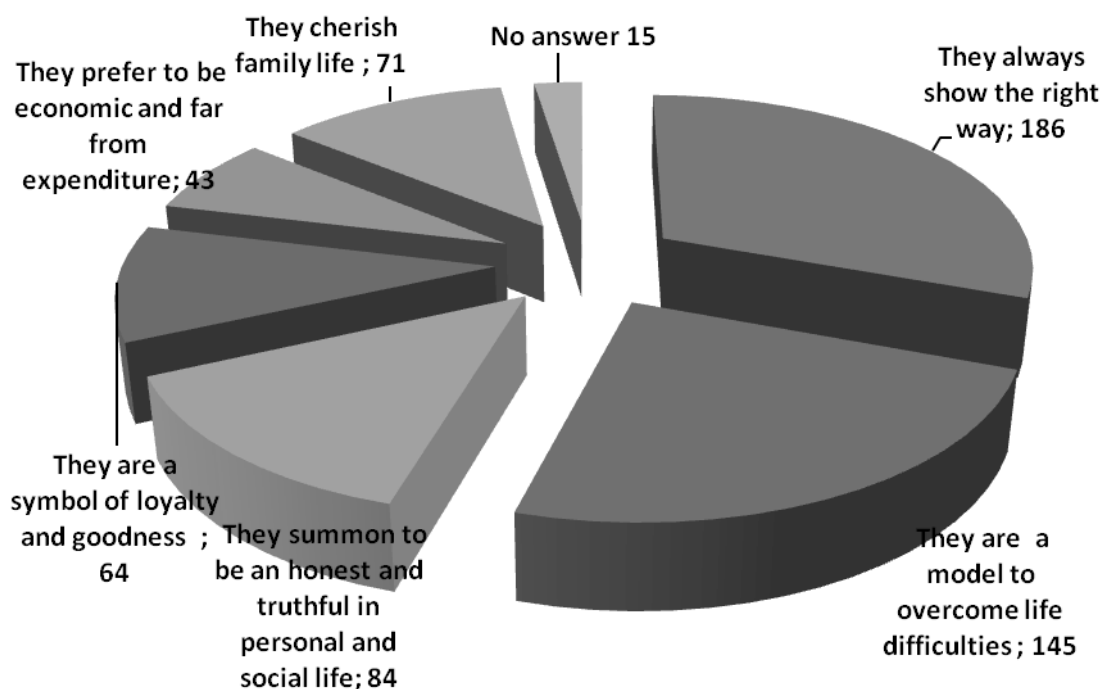
The loss of values nostalgic, which is a complex set of feelings of loneliness and longing, the desire to immerse themselves in their native environment. Traditional cultures have a high energy power and influence on the spiritual aspect of generations, maintaining the style of communication, the rules and methods of upbringing children, spiritually — moral values and priorities. The traditional culture of the people

has a deep and ramified “root system”, without which generation is losing vitality, loses understanding of their origins [7, 25–27 p]. It forms the national identity, patriotism and spiritually — moral values. However, despite the importance

of tradition, it would be wrong to ignore those new tendencies that arise in each new era and are the result of the dynamism of history. In the new situation the younger generation experience is radically different from the older.

Table 2. Which aspects of the old generation as a model for the youth do you admit most?

	Show the right way	Be as a model to overcome life difficulties	Appeal the youth to be an honest and truthful in personal and social life	A symbol of loyalty and goodness	They prefer to be economic and far from expenditure	Cherish family life	No answer
Kashkadarya	20	17	12	20	8	20	3
Bukhara	42	33	19	14	9	14	1
Tashkent	39	41	32	14	16	15	2
Fergana	41	23	9	5	6	9	6
Khorezm	44	31	12	11	4	13	3
Total	186	145	84	64	43	71	15
Total percentage	60,8%	47,4%	27,5%	20,9%	14,1%	23,2%	4,9%

Picture 1. Which aspects of the old generation as a model for the youth do you admit most?

Youth itself generates vital reference points, style of behavior and values, notions of success and the meaning of life. And rightly so, because the old approaches to solving the problems of life are ineffective. In this sense, the older generation is losing its credibility, but it retains the knowledge of traditions. Gradually, the process of extinction of the old culture. The older generation reacted to the new situation in different ways: some peacefully accept the changes, others sharply criticized all innovations. This inevitably entails a state of spiritual vacuum, uncertainty about the future, worry and anxiety.

Categorical and arrogance in relations between generations are destroying the possibility of understanding and dialogue, lead to increased tensions. Disapproval all new, the desire to turn back the course of history, to stop the pace of change does not cause a positive response from the

young people and will inevitably lead to a confrontation of generations.

No less dangerous and neglect of young senior experience, the desire to erase the memory of all the achievements of past years. Each generation fulfills its historic role and should be supported, because without it interrupts the connection between generations. Continuity of generations is the basis of the historical development of man and society, so that all public and private efforts should be aimed at mutual understanding and dialogue.

The acceleration of change and innovation has a significant impact on the psychological state and well-being. People live on the “high speed” when the rapidly changing world of ideas and attitudes, values and orientation, social institutions and organizations [8, 38–45 p].

The transience leads to a sense of the fragility and instability of life, creates a mood of uncertainty and instability, creates a special installation for short-term bonds of consciousness and human relations.

Increased mobility increases the number of human contact, makes them superficial, is a growing sense of loneliness. The transience of change and novelty complicate human adaptation problems in the world, causing an overload psychological and moral fatigue. There is a shortage of mental comfort, positive emotions from communication. novelty stream penetrates and family life.

Plenty of options unions, a wide range of models of family life affects the spiritual — moral component of personality. Society is divided into separate sub-cultures, each of which forms a special world with its hierarchy of values, style and lifestyle, preferences and sympathies, regulations and prohibitions.

The fragmentation of society entails the collapse of the structure of values. The central core of values that existed in the past disappeared with incredible speed. Over the years, it has grown a generation that does not know many of the ideological slogans, rituals, organization.

No description of continuing trends of modern society, it is necessary to understand the position of the younger generation in the face of constant change, to develop strategies to adapt to changes that contribute to the restoration of spiritual forces.

The growing man needs a sense of security, stability and goodwill of the world, it needs vital reference points, which are approved and supported, receive public recognition and respect. The lack of a sense of identity begets loneliness, loss, alienation.

With the rapid pace of modernization of society, the transformation of social institutions in the social position of the younger generation there are significant changes.

We have the buying relationship — sales, illegal transactions, double standards, rudeness and lack of discipline, lack of respect for elders. The negative influence and the media who deliberately replicate violence, permissiveness, violation of the most elementary human rights. Almost disappeared transmission, contributing to the education of morality and high spirituality.

Reducing the intellectual and moral level of society can lead to irreparable loss in the spiritual image of the younger generation.

The real solution to the problem of continuity in the change of generations in the crisis is that we must proceed from any transient crisis of culture and changing its stage destabilization stage of stabilization with culture core and developing new, relevant samples of the time. It should be remembered about the dual role of youth in the development of culture.

Youth is a repeater in the transmission of culture from the past to the future, ensuring the preservation and continuity in the development of culture. But it conveys the culture of the descendants in a partially modified form. It is in this sense that it creates a culture. Two functions- preservation and application of innovation — must always be balanced. Thus, any change of culture implies the preservation of the unity and continuity of culture through the succession of generations.

The situation is exacerbated by the accelerating pace of socio-cultural development. The rapid changes in various parameters and conditions of the activities of Russian society to the cause of life, new cultural mechanisms. New generations have to engage in the “adult” life, to make responsible decisions on the choice of profession, life partner, values in an environment radically different from thirty years and even decade-old cases [9].

Changes in production, life, in all the way of life in this situation significantly reduce the value of the life experience of the older generations to the younger generations. Meanwhile, decreased with age of the individual's ability to perceive new trends and adapt to changing conditions of work. Innovations are perceived and assimilated by older generations slower compared with young people. All the more senior of the increasing backlog of accelerating the pace of life gives rise to socio-cultural mismatch new realities. The faster the pace of development of society, the greater the cultural distance between generations, the deeper differences sharper conflicts. For example, years of stagnation breeds: many of the older generation habit of submissive diligence, prohibitions, lack of confidence in the fact that certain issues can be resolved. This social passivity of the older generation is not taken youth. So undermined the basis of the socio-cultural interaction generations. [10].

Therefore, optimization of the continuity of generations — one of the most important tasks of the state youth policy, which requires further study in the review of historical consciousness of generations, socio-cultural foundations of broadcasting Uzbek mentality.

References:

1. Zenkin, S.N “Generation”: the experience of deconstruction of the concept of [Text]: proceedings of the international conference “Generational change in the socio-cultural dynamics of the XX century”/S.N Zenkin. – M., – 2004–364 p.
2. Mannheim, K. Essays on the sociology of knowledge: The problem of generations – competitiveness – economic ambitions [Text]: [trans. from English.]/K. Mangeym – M.: INION, – 2000. – 354 p.
3. Berto, and Inheritance D. Gender: broadcast and social mobility for five generations [Text]/D. Berto//Questions of sociology. – 1992. – № 1/2. – 106–122 p.
4. Gavriilyuk, V.V The dynamics of value orientations in the period of social transformation (generation approach) [Text]/V.V Gavriilyuk//Sociological studies. – 2002. – № 1. – 95–105 p.
5. Dubin B.V Senior and junior: Three generations at the transition (According to the All-Russia issues studied obsch.mnenie center VTsIOM..) [Text]/B. Dubin//Friendship of Peoples. – 1994. – № 2. – 159–170 p.

6. Levada Y.A Generation XX century: Opportunities research [Text]/YA Levada//Monitoring of public opinion. – 2001. – № 5. – 7–14 p.
7. Perelman, M. mentality and age [Text]/M. Perelman//Seeding. – 2004. – № 9. – 25–27 p.
8. Smirnov, T.V The older generation: unrealized resources [Text]/EV Smirnova//Social studies and the present. – 2008. – № 4. – 38–45 p.
9. Semenov, V.V. Differentiation and consolidation of generations [electronic resource]: <http://www.isras.ru/publ.html>
10. Yadov, V.A Fathers and Sons. Generational analysis of contemporary Russia [electronic resource]: <http://www.isras.ru/publ.html>

Section 8. Philology and linguistics

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-73-76>

*Zhilyaeva Olga Andreevna,
Candidate of Culturology, Associate Professor of the Department
of Foreign Languages, Chita State Academy of Medicine*

*Bykov Sergey Ivanovich,
student of Chita State Academy of Medicine, Chita, Russia*

*Dneprovskaya Valeria Aleksandrovna,
student of Chita State Academy of Medicine, Chita, Russia*

E-mail: ol-zh@yandex.ru

The words of Greek and Latin origin in medical English texts

Abstract: The knowledge of the Greek and Latin medical terminology influences favorably the study of the medical English language and promote deep and exact interpretation of medical texts.

Keywords: Latin medical terminology, medical English, Greek and Latin terminology, medical literature.

The relationship of Latin and English in medicine, the rules of formation of medical terminology in Latin which promotes to a rapid cognition and memorization of common root words in the English language seem to be of a great importance and demand a comparative analysis of similar phenomena in these languages.

If a student knows about 350 basic Latin, Greek and English terms, prefixes and suffixes, and rules of formation of medical terminology, he or she can easily understand without a translation nearly 10 thousand out of 37 thousand words from the "Anglo-Russian medical dictionary". According to some studies any scientific medical text in English includes an average 60% of English words, 30% of Latin ones and 10% of international terms. These 30% and 10% are of considerable interest for learning and understanding of medical literature.

The problem seems relevant enough and urgent since most of the students of Chita State Academy of Medicine (ChSAM) experience difficulty while reading special medical literature in English and fail to use skillfully the knowledge of Greco-Latin lexical supports. The study of Latin language in a higher medical institution appears to be a means to develop general linguistic competence of the students, moreover, the study of classical languages forms the basis of humanities, contributes to a successful learning of new foreign languages.

The role of Latin and Greek languages in the formation of medical terminology is deeply researched and presented in many works; however, the practical side of the use of Greek-Latin support for the interpretation of medical texts seems to be not good studied and requires more detailed consideration.

Language is one of the most important means of education of a comprehensively developed professional possess-

ing a language competence. The goal of linguistic education nowadays is the formation of a student as individuality: the development of his spiritual forces and abilities, encouraging a morally responsible and socially adjusted person. Modern technocracy and opposition to humanitarian and natural sciences have violated the integrity and unity of the humanitarian component of education that has led to the urgent need of solving this problem. We believe that humanization of education by means of the Latin language might be very much successful.

The lack of classical language training largely reduces the overall humanitarian training of students, casts doubt on the successful mastery of classical philological culture. Latinisms occupy a significant place in the international vocabulary of many languages of the world, particularly in Europe. Moreover one can hardly doubt the educational value of Latin because it helps to thorough analysis of both Russian and English languages which borrowed many Latin roots building a variety of new words.

The process of borrowing has continued to the present day and each new cultural wave brought a new wave of lexical borrowing. The ability of the Latin to borrow new words testifies to its receptivity and flexibility, ability to adapt and respond to changing social and cultural conditions, which turns to be one of the indicators of language vitality. The nature and extent of borrowings depend on historical facts of cultural communication. It is estimated that about 80% or more of the elements in any culture can be borrowed from other cultures. Classical Chinese, Sanskrit, Arabic, Greek and Latin were scientifically proved to play the main role in history as agents of culture. The role of various peoples and nations in the development and dissemination of cultural values can be almost exactly deter-

mined by ascertaining the extent to which their vocabulary is seeping into the vocabulary of other nations.

Vocabulary derived from Latin merged with the recipient languages forming medical, international, scientific, technical, political and other terminology. The use of the Latin alphabet by the population of Indonesia, Turkey, Vietnam, and various peoples of Africa and Oceania may also be considered as an example of cultural synthesis. The inhabitants of these countries are using Latin alphabet for international communication, along with which remains their national writing system. A large layer of Latin borrowings penetrated into the Russian language, both directly and indirectly through other languages and require accurate perception and knowledge of peculiarities of the development of the language, matching the culture of both languages.

Scientific terminology is one of such enormous borrowings and the most rapidly developing area of modern linguistics. There is no such a field of science as medical linguistics in modern research and sometimes it is very difficult to find out any special data. However, the students of the ChSAM encounter such terminology in the study of the Latin language already in the first year and often experience difficulties in interpreting these terms. The students are to learn a large amount of medical terminology in a short period of time. Most of the first year students are not aware of the importance of the knowledge of Greek and Latin terms which will be in demand in the future at the clinical courses and of a great importance in the study of English medical language. Thorough knowledge of basic Greco-Latin terminology and linguistic competence will help future doctors to successfully acquire knowledge from both Russian and English literature, and is the key to their future professional competence.

The knowledge of Latin and Greek lexical structures contributes to a more accurate and deeper understanding of scientific medical texts and more than 70% of medical terminology used by physicians in their professional communication is of a Greco-Latin origin. Moreover, Latin learning is one of the rational ways of interpreting of English medical texts almost without a dictionary.

Such a close connection of the languages and a strong influence of Latin on English are based on the history of languages. There are some important matches of words of a common root such as a graphic match (*canal – the canal, period – the period, extensor – extensor, sterilization – sterilization*) which also testify to this fact. Some English terms coincide with the Latin but not Russian (*abdomen – in the English and Latin languages but in Russian – живот; apex – in the English and Latin languages but in Russian – верхушка; animal – in the English and Latin languages but in Russian – животное; exterior – in the English and Latin languages but in Russian – внешний;*); the others have different endings and there is almost a complete graphical coincidence in affixes: *artery (Eng.) – arteria (Lat.), adult (Eng.) – adultus (Lat.), bilateral (Eng.) – bilateralis (Lat.),*

pelvic (Eng.) – pelvici (Lat.), etc.; English words having a common root with the Latin or Russian, graphically identical (*argument – argument, canal – channel, contact – contact, fact – fact, material – material, period – period*). The analysis of unfamiliar words according to their word building elements appears to be most helpful in English medical text interpreting without a dictionary. The readers map the most typical medical English and Latin suffixes with the same or nearly the same meaning.

Greek science including medical field and the Greek language as a recognized language of science were widely spread in antiquity. Greek and Latin-geographically and historically interactive Indo-European languages, so Latin missing symbols were borrowed from the Greek and easily assimilated. However, a number of Greek terms fully retained its shape. For nearly 20 centuries the Latin language has served the peoples of Europe as a means of communication. There is a group of borrowings the so-called internationalisms among them, i. e. words of Greco-Latin origin widespread in many languages. These include, for example, Greek words: *problem, principle, progress, analysis*. The construction elements of Greek origin include, for example: *bio-, geo-, hydro-, anthropo-, pyro-, chrono-, psycho-, micro-, mono-, para-, allo-, -ology, -graphics-, inter-, extra-, re-, etc.* It is impossible to imagine medicine and everything connected with it without Latin (*anaemia, appendicitis, bronchitis, paediatrics, oncologia, aspirinum, insulinum, antibiotica* etc.).

Borrowing of foreign words is one of the ways of any modern language development, the result of intercultural interaction of nations. Enrichment of vocabulary through the vocabulary of other languages is usually a consequence of various kinds of intercultural relationships.

Modern researchers tend to allocate two main ways of borrowings by way of their penetration in other languages: written and oral. In case of written borrowing the words tend to maintain sound form and lexical meaning close to the original one. Oral borrowing of foreign words quickly adapts and undergoes full development in the borrowing language, but is often subjected to distortion. Sometimes borrowing penetrates into another language as a synonym to the word which already existed in the vocabulary of the borrowing language.

English language borrowed many words from classical languages in the period of Renaissance characterized by a rapid development of science and technology, development of literature and art, invention of printing, great geographical discoveries, success in the materialistic philosophy. These were mainly scientific words. They penetrated into the language through writing, literature, and scientific works and contributed to maximal preservation of the Latin form of the word.

The analysis of key moments in the history of the Latin language as the international language of scientific and artistic culture allows concluding that the Latin language in one or another way left its trace in many languages. Cultural and

scientific heritage of the Latin language is rather great, especially in the scientific and cultural field.

Three-fourths of medical terminology is of a Greek origin because the Greeks were founders of medicine in the Golden age of the development of Greek civilization in the fifth century BC. The terms of diseases compiled on the basis of observations were used until the XVIII century, and many of them are still used now (*arthritis, nephritis, pleuritis*). One reason for the dominance of the Greek terminology in medicine is the convenience and accuracy in terms formation. In the period of a rapid spread of medicine as a science Greek and Latin words used to describe new pathological conditions, medical instruments were very quickly replaced by previous terms that were closely interrelated with each other. To detect the difference between them was almost impossible. Terms such as *creatinine, a cystoscope, epinephrine, streptococcus* does not differ from modern classical terms and one of the reasons for this vitality of Greco-Latin terminology is that it forms the basis of an international scientific language.

It is impossible to overestimate the role of Latin in the anatomy and pharmacology since almost all the organs and parts of the human body have either a Latin or a Latinized name. It is also simply impossible to navigate in a huge list of drugs in Pharmacology. Recipes have long been written out in Latin so the prescription, for example, written out in America should easily be understood in Russia. Botany and Zoology terminology is also based on Latin or Latinized Greek words. Each animal or plant has a corresponding scientific name which allows scientists in different countries clearly and unambiguously identify phenomena of nature having completely different names in different languages. Scientific terminology, therefore, relates to the field of international vocabulary and is largely built on the basis of the Latin language and its forms. This vocabulary should be equally clear to educated people all over the world. Of course, most of medical or scientific terminology is different and special in nature, and therefore known only to a limited group of professionals.

The international vocabulary includes the most common layer which consists of the words mostly of social or political value that are borrowed from Latin (or formed with the use of its forms of words: *humanism, Republic, dictatorship, forum, University, international, association, applicant, assistant, associate, internship, student, scholarship, seminar, Professor, lecture, laboratory*, etc. An important part of the international vocabulary is borrowed from the Greek language and of some modern languages. A truly international this vocabulary appears to be only for those people who speak the language using such a vocabulary. In Russian such internationalisms build up to 10% of the vocabulary. Scientists have estimated that of the 20,000 most common words of the English language around 10400 is of a Latin origin, about 220 – Greek and only 5400 Anglo – Saxon. There are some of the many examples of the most frequently used medical terminology with Greek roots: *adēn – gland, aortē – aorta, derma – skin, hepar – liver, kardia – heart, kranion – skull, neuron – nerve, osteon – bone*

ophthalmos – eye, pharmakon – drug, pharynx – throat, soma – body, spasmus – spasm, splen – spleen, stoma – mouth, stomachos – stomach, trauma – wound.

Many of the words in the English vocabulary are of a Latin origin, and you therefore speaking English don't realize but every day speak Latin as well.

Abbr.	Latin	Meaning in English
A. D.	<i>anno Domini</i>	<i>the years of the Christian calendar era.</i>
a. m.	<i>ante meridiem</i>	<i>"before midday"</i>
p. m.	<i>post meridiem</i>	<i>"after midday"</i>
C. V. or CV	<i>curriculum vitae</i>	<i>"biography"</i>
Ph. D.	<i>Philosophiae Doctor</i>	<i>"Teacher of Philosophy"</i>

National medical languages had much in common as most of the medical terms were derived from medical Latin but there were systematic differences that still remain. English is historically a Germanic language but half of its vocabulary is of a Romance origin, and medical English tends to follow this pattern.

National medical languages were not limited to import terms already found in medical Latin. Medical scientists continued to develop new concepts for the creation of new terms most of which were drawn from Greek but not Latin roots. They introduced, for example, the terms *nephrectomy, ophthalmoscopy* which in medical Latin would have been much more cumbersome *excisio Renis, inspectio oculorum*. This great neoclassical word stock with Greek roots is still in use now and presents other features of linguistic interest such as the special meaning attached to certain suffixes of Greek origin (e. g. *-itis* and *-oma*) and the fact that some prefixes and suffixes are more productive than others. The semantics of these suffixes are quite clear and for people unfamiliar with the Latin language these suffixes do not have a clear semantics and are viewed as indexes of relatedness of words with a part of speech. Along with the knowledge of the semantics of the suffixes the ability to find prefixes and specify their semantics (*-a, an; -ante; -hyper; -hypo; -dys; -de* etc.) may be of a great importance for understanding of the meaning of unfamiliar words.

Greek *hyper-*, for example, is more productive than Latin *super-*, although originally they had exactly the same value. Thus, we are talking about *hypertension* which is a Greek-Latin hybrid not the *voltage* which would be the correct Latin terminology.

Today, the great majority of medical journals are written in English and it has become the international language of all conferences. We have entered the era of medical English which resembles the era of medical Latin. So, Latin and Greek terms study, a comparative analysis of the words of a common root and similar phenomena in English and Latin will promote to a more accurate and deep learning, understanding and recognizing of English medical texts. The above-mentioned facts indicate the need to develop special reference to the Greek and Latin terminology which will help medical students in reading medical texts in English. The lack of classical language training largely reduces the overall humanitarian training of students, casts doubt on the successful mastery of classical Philology of culture.

References:

1. Zhilyaeva O. A., Alfimova G. V. «On the Role of Latin in Modern Cultural World» // Vestnik IrSTU. – № 3. – 2012. – P. 287–290.
2. Podosinov A. V. Lingua Latina. Introduction to Lingua Latina and Ancient Culture / A. V. Podosinov, N. I. Tshaveleva. – M.: Flinta, 1998. – P. 3–4.
3. Khakimova V. M. The Role of Lingua Latina in Medicine and in Modern World / Publishing House SCE HPE «Bashkirsky State Medical University of Roszdrav», Ufa, P. 139–141.
4. Khakimova V. M. The Role of Introductory Lecture on the Lessons of Latin / V. M. Khakimova, I. B. Lermontova. – Ufa. – EPD BashSU, – 2004. – P. 180–181.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-76-78>

*Kaypnazarova Miyrihan Kalmuratovna,
Nukus State Pedagogical institute named after Ajiniyaz,
senior scientific research worker — an applicant,
E-mail: mirkhank@mail.ru*

Names of house utensils in northern dialect dialects of the Karakalpak language

Abstract: In this article there is a speech about names of house utensils in northern dialects of the Karakalpak language. Their local names are compared and supported with concrete examples. The given examples are followed from works of art, dialectological field records and a dastan of «Zhakhansh».

Keywords: a dialect, consumer goods, capacities for water, names of ware, works of art, names of house utensils in the dastana.

*Кайпназарова Мийрихан Калмуратовна,
Нукусский педагогический институт имени Ажинияза,
старший научный сотрудник-исследователь (докторант)
E-mail: mirkhank@mail.ru*

Названия домашней утвари в северных диалектных говорах каракалпакского языка

Аннотация: В этой статье идет речь о названиях домашней утвари в северных диалектах каракалпакского языка. Их местные названия сопоставлены и подкреплены конкретными примерами. Приведенные примеры взяты из художественных произведений, диалектологических полевых записей и дастана «Жаханша».

Ключевые слова: диалект, говор, предметы потребления, емкости для воды, названия посуды, художественные произведения, названия домашней утвари в дастане.

В ходе изучения языка, его словарного богатства, значения, сферы употребления, мы осознаем историю, культуру, традиции и национальный колорит нашего народа. Значение названий домашней утвари, используемые в повседневном быту, их применение, особенности в говорах, одна из тем, требующих глубоких исследований. Их лексико-семантическое изучение имеет большое воздействие на лексическое обогащение нашего языка.

Мы в этой статье хотим рассмотреть названия домашней утвари, встречающихся в просторечном разговорном языке северных диалектных говоров каракалпакского языка. В ней мы остановимся на терминах, связанных с домашней утварью на примере Кегейлийского (КГ),

Чимбайского (ЧГ), Ходжейлийского (ХГ) говоров.

Некоторые предметы домашней утвари сегодня не используются в повседневном быту, только в некоторых местах дальних уголков аулов можно их встретить.

Предметы домашней утвари по своему предназначению делятся на несколько видов. Мы в своей статье анализируем их, разделяя на 3 группы:

1. Емкости для воды.
2. Кухонная посуда.
3. Предметы потребления.

1. Емкости для воды — служат для хранения воды, для питья воды, для умывания рук и лица. **Кумган** — **форма слова** *куман*, подвергнутая фонетическому изменению, активно используется в говорах. *Куман* — продолгова-

тая емкость для воды, применяемая для кипячения воды и умывания рук, сделанная из чугуна, меди путем литья, имеет ручку и крышку. (Толковый словарь каракалпакского языка. III т. Нукус, 1988, с. 188). Названный предмет в южном диалекте используется как *түмчэ*, он сделан из меди и алюминия, имеет значение предмета, приспособленного для кипячения воды на огне. В связи с использованием в языке казахов, проживающих в Каракалпакстане, А. Курышжанов высказывает следующую мысль: «Кумыру (кувшин), сделанную из меди и предназначенную для кипячения воды, по-каракалпакский называют *дүмше*. Основа слова на фарси должно быть *дом* — *қуйрық*, потому что *дүмше*, это *кумган* с узким горлышком и широким дном» [1, 47]. Слово *дүмше* в разговорном языке каракалпакстанских узбеков звучит как *дүмчэ*/*түвчэ*/*түмчэ*/*тунчэ-түмчэ* (*чойдиши*) [2].

Мосы (КС) — в лит. яз. — *шэйнек*. Обычно, это название применяется по отношению к предмету, предназначенному для кипячения воды во дворе, на огне. Например: *Даланда мосы қайнап турса суў энке*. — Принеси воду, если во дворе кипит *мосы*. Предмет с этим названием в Чимбайском говоре называется *шэүгим/шэүгин*.

Сарқум — предмет для питья воды в ходжейлийском говоре, это же слово в кегейлийском говоре звучит *бақыраш*, чимбайском, караузьякском говорах используется как *шөлмек*.

Шекер (КС, ХС) — в лит.яз. — *шелек* (ведро). Например: *Суў куятын шекерди энкелиң*. — Принесите ведро для воды.

2. Кухонная утварь и посуда — используются для употребления пищи, для питья чая, для помешивания блюд.

Керсен (ХС) — в большинстве случаев применяется для вымешивания теста, по размеру большая миска. Его еще называют **самар** (ЧС, КС). Сведения об использовании этих слов можно встретить и в материалах экспедиции, проведенной на полевой практике. Например: Однажды новая невестка спросила свекровь: *Шәңгил менен суўды шекерден алайын ба, ямаса самардан ба?* — дейди [3]. Здесь слово *шәңгил* применено по отношению к предмету для питья воды.

Раньше в каждодневном быту применялась миска по форме похожая на *керсен*, по размеру немного меньше, она использовалась на домашних мероприятиях, ими пользовался весь аул и они назывались *той табақ*. Сейчас эта традиция сохранилась только в аулах.

Это мы можем встретить и в дастане «Жаханша». Например:

Екеў ара бир керсен, — (В одну миску на двоих),

Майлы палаў үйдирип — (Наложив жирный плов).

Жаханша менен қызының — (Между Жаханшой и дочерью).

Хақ некесин қыйдырды — (Провели священное обречение) [4, 127].

Каса — (Ш. С.) — в лит.яз. *кесе*. В северных диалектных говорах применяется в фонетически измененном

виде (в КГ *кэса/кэсе*, в ХГ *кеса*). Например: ... *аспазшылар таңсық тағамларды писирди, шарапшылар гүлгин шарапларды кесаларға қуйды*. — «... повары готовили экзотические блюда, виноделы различные вина разливали по пиалам» (стр. 18).

Колхоз кесе (КС) — пиала для бульона. *Маган колхоз кесеге сорпа куйуң*. В устной речи встречается форма этой посуды *лаўабы кесе* (ХГ). В некоторых местах северных диалектных говоров встречаются формы «*кла кесе*».

Ожаў/шөмиши — (**половник**) предметы, предназначенные для наливания жидких блюд. Это название свойственно казахскому языку, оно появилось под его воздействием на каракалпакский язык на территории, где подавляющее большинство местного населения казахи. В произведении Х. Отемуратовой дана форма *ожаў*. Например: *Қазаныш қойыў сүтти сапырып, ожаў толы сүтти қуйыстырып, буган алып киятыр*. — «Хозяин котла помешивая густое молоко, налил целый **половник** молока и понес к нему» [5, 11].

Тостаган/шанақ — (маленькая миска, предназначенная для жидких продуктов. В ХГ слово *шанақ* обозначает выкопанную яму для сева семян растения на поле. В произведении Х. Отемуратовой применяется форма *тостаган*. Например: *Кеше гана нәрестениң тостаганына пал салган Тумарис бугин өзиниң ауылластарының қанын уртлап ишип отырса я?* Неужели, Тумарис, вчера еще наполнявшая **миску** малыша медом, сегодня пьет кровь своих земляков? [5, 8]. В произведении Т. Кайпбергенова применена форма **зерен**. Например: *Шабарман бир зерен қатық ишти де еки туўысқанның үдесин алып атланды*. — Посланец опустошил целую **миску** кефира, взял обещание двух братьев и ускакал [6, 34].

Дүңгир (бидон) — название посуды для жидких продуктов, вмещающая два или пять литров. В Канлыккульском говоре существует форма **қолша**, в других говорах используются формы *бидон/битон*. Раньше они использовались для горячих блюд, потом стали в них держать растительное масло.

3. Предметы потребления — по использованию в быту могут иметь различные предназначения.

Алжапқыш (КГ) — фартук для домохозяйек, применяемое при замешивании теста. В ХГ этот предмет называют **алдыга байлағыш**. Профессор О. Доспанов в своих исследованиях указывает, что этот предмет в южных диалектных говорах в качестве названия одежды используется как **жайғыш**. Например:

жайғыш — предмет, сохраняющий одежду от загрязнения при уборке дома [1, 49]. Этот же предмет имеет, название **жаялық**, который, также, служит для вышеуказанных целей.

Атлаў — раньше наши предки из молока и кефира получали масло, так называется предмет, приспособленный для этого.

Былгаўыш (ЧГ) — приспособление для помешивания при жарке пшена, джугары, гречки. Его еще называют

қалақ. Если это слово в вышеназванных говорах обозначает предмет, то в КГ означает отставание в чем-то, т. е., действие, а в Кунградском, Канлыккульском говорах обозначает трубку соломы, в Муйнакском говоре обозначает предмет, предназначенный для присыпки соли на рыбу [1, 35].

Таким образом, одно слово **қалақ**, в северных диалектных говорах, по значению и по применению могут быть разными.

Желтигиш (ЧГ) — предмет, предназначенный для чистки джугары, пшеницы. Раньше этот предмет назывался *кепиш*, даже в некоторых говорах до сих пор называют так. **Қуллап/гуллап (КГ)** — приспособление, прикрепленная к двери, для подвешивания замка. Например: Есиқтиң *гуллабы* бузулышты. — На двери сломалось приспособление для подвешивания замка [1, 55]. А в южном диалекте так называют створки для открывания и закрывания двери.

Қант тистейиш/қант тистейик — (ЧГ, ХГ) — так называют специальное приспособление для разделявания сахара на кусочки. В других говорах используется форма *қант қайшы*, в южном диалекте *қант сындыргыш* [1, 45].

Қанар — большой мешок. Сегодня, вместо него, используется слово **қалта** (мешок). Например: *ун қалта*, *гүриш қалта* (мешок для муки, мешок для риса). Его маленькая форма называется **сетка**. Если мешок с азотом называется **азот қалта**, то сумку, сшитую из этого мешка называют **азот сетки**. Значит, **сетка** — это предмет потребления, размером значительно меньше мешка.

Илмешек/илгешек/илгеншек — в ХГ *илгеншек*, в Тахтакупырском говоре *илмешек*. **Илмешек** — сущ. — булавка. Форма этого слова *түйреуиш* широко применяется в южном диалекте каракалпакского языка, а в северном диалекте, претерпев фонетическое изменение, звучит как *тереуиш*. Например: в Шуманайском говоре каракалпакского языка встречается форма *тереуиш* [7, 18].

Шиләпиш/шылапиш — тазик, предназначенный для мытья рук. В семантическом составе лексемы **ләген** две семемы, и в нашем языке под этим названием подразумевается только лишь предмет для мытья рук, а в узбекском языке лексема **лаган** — в литературном языке обозначает посуду, т. е., поднос, который по размеру больше тарелки,

и предназначенный для накладывания густых блюд. Это слово в этом виде и в этом значении не является диалектизмом, но в говорах существуют и другие значения этой лексемы — «*үлкен, терең, шуңқыр ыдыс*» — большая, глубокая емкость, «*қир жууатугын ыдыс*» — емкость для стирки белья. Здесь значение слова **лаган** считается диалектизмом-семемой. В нашем языке форма **ләген** используется очень активно, но, несмотря на это, в произведении Т. Каипбергенова используется форма **шылапиш**. Например: *Бир қолында қабақ шылапишыны, екинши қолында мыс құманы бар хызметкер кирип, аўқаттың тайын болганын билдирди.* — Зашел слуга, у которого в одной руке **шылапиш** из тыквы, а в другой медный кумган, и дал знать, что блюдо готово [6, 3].

В труде профессора О. Доспанова указывается, что название **шылапиш** употребляется в киргизском языке [1, 46]. Значит, мы наблюдаем, что употребление в нашем языке слов **ләген** и **шылапиш** как синонимы, является результатом воздействия других языков.

Кроме этого, название **қамыртурғыш (КС)** — продукт, потребляемый как пищевой, появилось в результате соединения двух слов в устной речи **қамыр + дрож**, и употреблялось как специальное вещество для брожения теста. В других говорах (ХГ) употребляется слово **ашытқы**.

Рассмотренные слова, связанные с домашней утварью, занимают определенное место в раскрытии своеобразных особенностей в вышеназванных говорах. Можно увидеть, что вышеуказанные предметы потребления употреблялись, согласно условиям быта местного населения. Анализируемые названия посуды и предметов потребления не ограничиваются вышеуказанными названиями. Можно встретить еще много вариантов этих названий. Но, уже сам факт существования разных названий домашней утвари говорит о богатстве диалектной лексики каракалпакского языка. Если обратить на них внимание, то можно увидеть, что они в литературном языке обозначают одно значение, в других говорах иное значение.

Таким образом, существование названий домашней утвари указанного типа, свидетельствует о богатстве диалектной лексики каракалпакского языка.

Список литературы:

1. Доспанов О. Лексика южного диалекта каракалпакского языка. – Нукус, – 1977. – 263 с.
2. Ишаев А. Узбекская диалектологическая лексика. – Ташкент, – 1990. – 72 с.
3. Абдикаримов Ж. Полевые записи. Тахтакупырский, Чимбайский районы, апрель-май месяцы – 1960-года, – 48 с.
4. Дастан «Жаханша», Многотомник каракалпакского фольклора. – Нукус, – 1990. – 327 с.
5. Утемуратова Х. Роман «Тумарис» // Амиўдэрья. – Нукус, – 2006. – № 5–6, – 28 с.
6. Қайпбергенов Т. Дастан о каракалпаках. – Нукус, – 1982. – 331 с.
7. Бекмуратова Г. Шуманайский говор каракалпакского языка. – Нукус, – 2004. – 32 с.

Opaeva Raygul,
 assistant professor for the department of the Karakalpak
 linguistics under Nukus State Teachers'
 Training Institute after Ajiniyaz
 E-mail: ray.opaeva@mail.ru

Complex nouns productively used in the Karakalpak language

Abstract: This article deals with abbreviated nouns — neologisms that became a part of the vocabulary of the modern Karakalpak language and are widely used today both in its spoken and written speech. The author explains appearance of neologisms of that sort by the changes happening currently in the social-political life of the people, in the economy, industry and other spheres. The lexical units mentioned in this article can be observed today not only in the press but also in official documents, dictionaries and artistic literature.

Keywords: complex nouns, abbreviated nouns, abbreviations, neologisms, complex concepts, new terms etc.

There have been often used abbreviated nouns, especially abbreviations in press lately. Appearance of such the words is caused by the following reasons: 1) Appearance of new complex concepts and phenomena in social life and their wide use. For example: *No'kis rayonlar ara puqaraliq sudi* — (Nukus Inter-Regional Civil Court), *bazar ekonomikasi* — (market economy) etc. 2) Appearance of new complex concepts and names that cannot be expressed with one word: *miynet birjasi* — (labour exchange), *fond birjasi* — (stock exchange), *tovar birjasi* — (commodity exchange), *isbilermen* — (businessman), *filfak* etc. 3) Appearance of new terms denoting new concepts of social life, industry, science and technics: *Haliq-demokratyaliq Partiyasi* — (The Peoples' Democratic Party), *so'z jasaliw* — (word-formation), *a'debiyattaniw* — (Literary Criticism), *g'a'rezsizlik bayrami* — (Independence Day), *yerkin bazaar* — (free market), *videoeckran*, *videorels*, *kompaktdisk*, *antivirus* etc. 4) Assimilation of Russian words by calquing: *fotoqag'az* — (photographic paper), *radioqabillag'ish* — (radio receiver), *mobil baylanis* — (mobile communication), *kishi ka'rhana* — (smaller enterprise), *kishi biznes* — (smaller business), *uyali telefon* — (cellular phone), *teleoray* — (TV centre), *Joqarg'i Ken'es* — (*the Supreme Council*) *agrosanaat* — (agricultural industry) and so on.

As a language is a social product, various changes happening in it, in their turn, make an influence on a language i. e. new changes in the life of people and society are reflected in a language of these people and society. For example, the former USSR after the political events of 3 December, 1991 in Minsk with the participation of the republics of Russia, Ukraine, Belarus broke up and the independent states were formed.

These states in order to maintain friendly relations afterwards, have founded the commonwealth of the independent states, and these changes in the society caused appearance of many new words. A complex noun 'commonwealth of the states', which had contracted forms *G'MDA* in the Karakalpak language and *SNG* in the Russian language. These contracted forms got in active use in the Karakalpak language as *MDA* and *SNG*. For example: *Shvetsiyannin' <X' yudji sveda Sistem>* *firmasında Rossiyannin' <Effekt> firmasinnin'*

qatnaswında jan'a islep shiqqan bul apparat du'n'ya ju'zilik bazarda, O'zbekstan ha'm SNG ma'mleketleri bazarlarında jan'a talaplarg'a juwap beredi — (This new device worked up by the Swedish company "Hugy Sweda System" with participation of the Russian company "Effect" meets the new requirements of the world market, the markets of Uzbekistan and the states of CIS ("Yerkin Qaraqalpaqstan", 1995, 1 January). *Konferentsiya buring'ı sovet respublikalarındag'ı ha'zirgi awhal ha'm reformanın' a'melge asrılıwı ma'selesin G'MDA wa'killeri menen birlikte talqilaw' a bir urnıw boldı* — (There was made an attempt on the conference to discuss jointly with the representatives of CIS the current situation of the former republics of the USSR and implementation of the reforms ("Yerkin Qaraqalpaqstan", 1994, 16 April).

The words *G'MD*, *CIS* in these examples denoting the commonwealth of independent states, which are popular in the recent years, can be a good example of abbreviated words productively used in the press. These abbreviations are also used as abbreviated nouns. For example: *G'a'rezsiz ma'mleketler Dosl'q Awqam'n'n' ko'lemelerinde, sonday-aq Orayl'q Aziya ko'leminde ekonomikal'q ma'deniy ma'limleme ken'isligin integratsiyalaws' institutlard'n' rolin artt'r'w za'ru'rligin joqar' da'rejedegi bassh'lard'n' so'ylesiwlerin aktivlestiriwd' talap etedi* — (The necessity of raising of the meaning of institutions integrating to economic and cultural space in the scale of the commonwealth of independent state as well as of Central Asia requires activation of negotiations of the higher level leaders ("Yerkin Qaraqalpaqstan" 1994, 4 May).

GDue to the mentioned-above circumstances the Republic of Uzbekistan was declared an independent state and obtained their own anthem and flag, and the Republic of Karakalpakstan gained their independence in the structure of Uzbekistan and started to use productively abbreviated words: *G'a'rezsizlik ku'ni, G'a'rezsizlik bayram'* — (Independence Day, the holiday of Independence etc.)

After gaining the independence, as a result of the problems appeared such as the problem of the Aral, which became one of the global ones, as well as the problems of drugs trade, terrorism being dangerous for the nation, there have appeared a lot of

abbreviated nouns. For example: *ekologiyaliq apatshiliq*, *Xaliq araliq Araldi saqlap qalw qori*, *Ekosan, ekosistema, ekologiyaliq mashqala, bioekosan* — (ecological disaster, international fund of protection of the Aral, Ecosan, ecosystem, ecological problem, bioecosan etc.). Another example: «*Biekosan*» *orayinin` basli waziyapasina oqiwshilarg`a ta`biyatti su`yiw, qa`dirlew ha`m qorg`awday paziyetlerdi sin`dirip, olardin` bos waqitlarin mazmunli ha`m qiziqli o`tkeriw kiredi* — (The main function of the “Bioecosan” is forming schoolchildren’s responsibility for the nature and protecting it, arrangement of the children’s leisure time in substantial and interesting way (“Ustaz jol”, 2011, 29 January).

One of the problems making a danger to our state and to all people of the world is terrorism and drugs trade. In press, on radio and TV due to these global problems there have been used a lot of abbreviated words. For example, *narkobiznes, narkotrafik, psixotrop da`riler, narkobaron, qopariwshiliq ha`reket, ideologiyaliq boshliq, ideyaliq zayıplıq, ruwxıy topılıs, informatsiyalıq hu`jim, milliy sana, ideologiya poligonları, yadro poligonları, janiqaslıq usılı, adam sawdasi, separatistlik ag`ım, diniy ag`ım, diniy reaksion toparlar* — (narcobusiness, narcotraffic, psychotropic medicines, drug baron, subversive activities, ideological emptiness, ideological ranges, ideological ignorance, spiritual attack, method (way) of sposob (priem) suntsita, human traffic, separative currents, religious currents, religious reactionary alignments etc.)

Abbreviated words *O`z Ja* — (SMUz), *O`z HDP* — (NDPUz) denoting the names of the famous party organization and the youth union are often used in the press. For example: *ruwxıy topılıs degende, en`da`slep, tili, dini, iymanisenimine qaramastan, ha`r qanday adamnin`shun ma`nistegi erkin insan bolıp jasawına qaratilg`an qarsı qaratilg`an, onun`a`yne ruwxıy du`n`yasın izden shıg`arıw maqsetin ko`zde tutatug`ın ideologiyalıq, ideyalıq ha`m informatsiyalıq hu`jimlerde na`zerde tutiw lazımdı oylayman* — (I think, the purpose of a spiritual attack is to keep an eye on ideological and information attacks aimed to destroy the spiritual world of any person and directed literally against his freedom, language and beliefs) [1, 13–14].

The economic changes in our country bore a lot of terms: *erkin bazar, bazar ekonomikasi, bazar qatnasıqları, bahalı qag`azlar, isbilermenlik sub`ektleri, xojalıq ju`ritiwshi sub`ekt, jeke ka`rxana, ashıq tender, sawda shaqapshaları, aralas tovar du`kanı, kishi biznes, kishi ka`rxana, to`lew terminalları, plastik karta, aksionerlik ja`miyet, aksionerlik ka`rxana, elektron bilet, ko`tere sawda, fond birjasi, janiłg`ı quyıw shaqapshası* — (free market, market economy, market relations, state budget, securities, economic reform, subjects of business, household, private enterprise, advertised bidding, trading branches, mixed market, smaller business, joint-stock company, electronic ticket, wholesale trade, stock exchange, filling station, commodity exchange, labour exchange etc).

These words have appeared due to market relations in the economy and they are used to denote new concepts appearing at present. Other abbreviated nouns referring to the new

economic relations are currently in use, as well. Basically, they have appeared due to development of industrial sphere, services of trading co-operative societies and subjects of business. For example: *jergilikli un, qa`lipli nan, o`simlik mayı, paxta mayı, usaqlap satıw ha`m t. b. Hu`kimetimiz ta`repiyin un, o`simlik mayı ha`m de qa`lipli nan o`nimlerine belgilengen usaqlap satıw bahaların sawda ka`rxanaları ta`repiyin asrıp satıw yaki baha ko`rsetkishlerin jazıp qoymag`anlıg`ı ushurasqan jag`daylarda Qaraqalpaqsan Respublikası Monopoliyadan shıg`arıw ha`m ba`sekilikti rawajlandırıw komitetinin`isenim telefonına mu`ra`a`jat etiw huqıqına iyesiz* — (local flour, square loaf (of bread), vegetable oil, piece sale etc. ... If you have revealed infringements on the part of some trade companies such piece sale of square bread, vegetable oil and flour at a raised price or without a price-list, you can contact us by the telephone hotline (“Yerkin Qaraqalpaqstan”, 2011, 28 August).

There have also appeared abbreviated nouns to denote a lot of concepts of the modern industry: *isbilermen, fermer xojalıg`ı, diyxan fermer xojalıg`ı, shirketler birlespesi, xojalıq ju`ritiwshi sub`ekt, ba`ntlikke ko`meklesiw orayları* — (businessman, collective farm, peasants’ collective farm, association, self-supporting subject, employment centre etc.).

These words are used very often in the modern Karakalpak language as they denote proprietors who have appeared recently.

There have been a lot of changes in the state bank system what caused appearance of the new abbreviated nouns. Due to increase of quantity of banks there have appeared a lot of banks: Central Bank, People’s Bank, National Bank, Bank Asaka, Bank Turan, Industrial-Building Bank, Pakhta (Cotton) Bank, Savings Bank, Uztadbirkorbank, Selkhozstroybank, Communication Bank, Uzagroprombank, Uzpromstroybank etc.

These proper names can be seen in the press very often. For example: *O`zbekstan Respublikasının`Oraylıq banki, O`zpromstroybank, O`zagroprombank, O`ztadbirkorbank, Qishloqqurılıshbanki, Aloqabanki ha`m t. b. O`zbekstan Respublikasının`Oraylıq banki, O`zpromstroybank, O`ztadbirkorbank ha`m basqa da bankler menen birlikte bir aylıq biyg`a rez ma`mleketlerdin`doslıq awkamı aymag`ındag`ı banklerdin`ta`jiriyesin u`yrenip shıqsın* — (Let Central Bank of the Republic of Uzbekistan jointly with Uzstroyprombank, Uzprombank, Uztadbirkorbank and other banks study in a month the experience of the banks located on the territory of the Commonwealth of Independent States (“Yerkin Qaraqalpaqstan”, 1994, 26 November.)

Thus, there have appeared a big number of the new words lately in process of development of the Karakalpak language. Abbreviated nouns take a specific place among them. Due to the social, political changes, the changes in economy, industry and in other spheres of the society there have appeared neologisms of abbreviated nouns denoting new concepts. They have taken their place in the vocabulary of the Karakalpak language and have been productively used. They can be often seen not only in the press but in any documents, dictionaries, artistic literature and publicity as well.

References:

1. Karimov I. A. High Spirituality-Invincible Force. – Tashkent: Ma'naviyat, – 2008. P. 13–14.

Section 9 Philosophy

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-82-86>

Ilieva Nina Zlateva,
E-mail: gerp@abv.bg

The process of education: sustainability and sense

Abstract: The process of true education aims the entire transformation of the human soul and the final return of man back to the essence of his nature. In other words, the importance of education is the revelation of the knowledge in the field of any individual. Besides education and prosperity, educational models need to ensure the sustainability of people, and thus they come to be the greatest care for the human soul, as well. By necessity, all these statements will place the educational center within the concrete man.

In education, any interpretation of philosophical texts brings together many different perspectives and provokes the students' inspiration and thoughts.

Keywords: education, educational models, essence, sustainability, prosperity.

"The only thing that interferes with my learnings is my education."

Albert Einstein.

In "Plato's doctrine of truth", M. Heidegger focuses on the polysemantic parable in the story of Plato, more commonly known as the "myth of the cave." In addition to Plato's interpretations, incorporated in the text, being sui generis a narrative about education, its hidden meaning is revealed and the story about the „reversal of the essence of truth" becomes demonstrable. However, the events, telling us about the people who reside in or out of the cave, turn to be stories about the transition from the darkness of the cave to the daylight outside, and from the darkness in principle to the bright sunlight. And here, as always in any transitional process, efforts to overcome the contrast differences are implemented. The addiction is associated more with the body than with the soul, but „step by step" the human soul gets accustomed to the existing world to which it appears to belong.

But why the state of getting used to that particular area, however, must be such a slow process of constant efforts? Heidegger is clear — because the turning affects human nature and thus, it takes place within the core base of humanity. The German philosopher interprets the reversal as a development in proper behavior, contributed by the human nature in relation to sustainable behavior. The essence of what Plato called *παιδεία* "is precisely the adjustment and habituation of the human being to its proposed area" [8]. Plato defines its essence as a handbook for the return of the man to his essence. To a greatest extent, with its two basic meanings, the word *education* would better correspond to *παιδεία*: on one hand, the education is used in the sense of any development or shaping, and on the other hand, the education is a process, which also "educates" (or forms, but both aspects are being compared to the authoritative graphic image that serves as a

model. As process of formation, the education is accompanied by an image [8].

Being the opposite of *παιδεία*, *ἀπαιδευσία* is the word that shows the pure absence of education. The power of the interpretation of the „parable of the cave" here should illustrate and make visible the essence of *παιδεία*. Moreover, Heidegger underlines, that in order to prevent misunderstandings, Plato further demonstrates that the essence of this handbook for bringing back the man to his essence, has nothing in common with any pouring of bare knowledge into the unprepared human soul (as if into an empty vessel). On the contrary, the true education grabs and transforms the soul in total, and thus it moves the man to the place of his essence and real nature. And he should get used to it [8]. But where, then, is the connection between the education and the truth? Its roots reside in the fact, that both the nature of the truth and the way in which it is revealed, make the education and its structure possible. Education is an expression of the attitude to reality, too- the one of the dark cave or that of the bright sunlight.

Plato's *παιδεία* is characterized by two main points — it is a refinement of the soul, as it is not associated with any private education and with the education in good in general. In order to get prepared for that essential turn, the soul needs to be the subject of long-lasting care activities, which in Plato's works will gradually transfer it to the state of cultivation. Thus, the most important aspect of education becomes the „cultivation" of the soul. It follows the distinction, done by the philosopher, between the education for our daily life (such as the education in the crafts) and the education in *the essential matters of life*, i. e., the education in good. His understanding about the well-targeted education is the subject of protection against

other views, as “the question about the place and the shape of the real education for the men of Athens is constantly discussed into the dialogue works, both openly or veiled” [2, 14 p.]. In Plato’s state project, the importance of the problem of the education is emphasized by its commitment to the responsibilities not of the individual or random people, but to those of the members of the entire state. The public functions of the education are not a subject to doubt, but they would rather enable the hierarchical construction and arrangement in the ideal state, which in turn, will give rise to criticism and analogies with the totalitarian state. However, those aspects serve as the ground for Karl Popper’s accusations against Plato. More than that, Popper accuses Plato for the distortion and the confusion in the theory and the practice of education, as it is connected with his theory of leadership. Thus, the damages inflicted on the education will exceed both the harms on the ethics (such as, the identification of altruism and collectivism) and on the political theory (that comes with the introduction of the principle of sovereignty). Dealing with Plato’s assertion that the task of education and educational institutions is to select and train future leaders in the art of governing (and the fact that it is widespread), K. Popper explains the miserable condition of those educational institutions with the spirit of the writings of Plato. The tasks, with which Plato has overloaded the educational institutions, seem impossible to be solved, not only by the education, but also by any other institution, as well [5, 143–161 p.].

Comparing the intellectualism of Plato with the one of his teacher Socrates, Popper argues that the element of authoritarianism in the teacher is reduced to a minimum of “intellectual humility” and to his scientific approach to the world, but Plato’s Socratic dialogue state is the epitome of open authoritarianism. Its educational purpose is not to awake the self-criticism and the critical thought in general [5, 143–161 p.]. The institution that will take care for the future leaders (the philosophers who are no longer “the modest servants of truth”, but they have turned to be its “arrogant owners”) is the most important one in Plato’s society, for it holds the keys to power and this explains the control over it, performed by the governors of the state [5, 143–161 p.]. Popper’s criticism is directed to the institutionalism of the political agenda of Plato; because, in his understanding, it will stop the political change through the control over the education, the authoritarian explanation of the nature of learning and the power of the educated erudite. It is then impossible for anyone to return to the state of that seeming innocence, as it is impossible for anybody to come back to his childhood, even if he keeps dreaming about it. The criticism of Popper has his reasons, but in the context of the topic, it is important to determine the value of knowledge that forms the education.

In the dialogue “Menon” Plato distinguishes the knowledge as a value from that of the correct opinion, as he illustrates his thesis with the example of the statues of Daedalus. They are endowed with the magical ability to move (as it is said by the legends), and thus they could be discharged or be discon-

nected from their slave ropes. Plato reveals that if their value can be estimated separately, they would not cost more than a runaway slave. Similarly, the knowledge keeps its value, not when it is scattered away, but when its parts are bound together in a wonderful creation.

Today the question about the nature of the education (as a perfect unification of knowledge and education), whose forms should ensure the representation of “the future,” according to the already existing and sustainable models, comes to be a reference to the Platonic “education in the essentials”. Isn’t it the “essence” of the true education, which is supposed to turn the human soul, to transform it, and to act for the transformation of the man to his real nature? Is it possible to educate our children in times of crises, if we do not speak about the basic moral values that serve as the frames of everything which may happen in life? How can we teach the attitude towards valuable, if, we, ourselves, do not believe in those virtues? In what way can we justify the emerging gap between our determination to improve the educational system and the unsuccessful experiments, which are deepening the chronicle crisis in the education? Besides education and prosperity, the educational models need to ensure the sustainability of the man, which has already guaranteed man’s return to his essence. And that process must be distinguished as being *the real care for the soul and a turn towards the educational center of the specific person*.

In “Truth and Method” H.-G. Gadamer (his thoughts being close to the Platonic understanding of education) defines the education as the process of shaping the man, following the models it uses and the patterns it creates for their implementation. The education is one of the major humanistic notions in the chapter, titled as „The importance of the humanistic tradition in the sciences of the spirit.“ Mostly, through this concept, the great spiritual change is manifested, the one that leads to the point of today, when we still feel somehow as contemporaries of Goethe’s century, but at the same time we do consider the age of the Baroque like it was in the prehistoric times [3, 25 p.]. Gadamer defines the term of “education” as the grand thought of the eighteenth century; a term that kept the sciences of the spirit alive in the next century. Herder was the one who tended to surpass the excellence paves of the Enlightenment, as he traced the way to the new ideal of “the education in a man”. Thus, he sets the stage for the development of the historical sciences of the spirit [3, 17–69 p.]. Gadamer recognizes the merits of Herder for the fundamental definition of the education, understood as “exaltation in humanity” (it originates from the medieval mysticism and runs through the Baroque era). Being extremely rich in meaning, the word for education and the trust in it are defined by him as phenomena, which have being carried over by the subsequent nineteenth century, as those understandings have been rooted in the concept for education. This notion of “education” has come as the up-dated version of the old term of “natural formation” (as an external phenomenon, or naturally produced form) and it has totally replaced it.

The commitment of education to the concept of culture brings the understanding that it denotes the human way to

shape the natural assets and abilities, and it is introduced mainly through the works of Herder [3, 26 p.].

However, unlike culture, the concept for the depths of the education leads to the kind of “perception”, which is defined by Humboldt as the harmonious casting of knowledge; a perception, which treads the spiritual and moral human aspirations, as opposed to the molding of the capabilities and the talents, related to the field of culture. Through that ascendance, the word “education” has revived the old mythical tradition, according to which the man, who is the image and the likeness of his creator-God, should carry Him in his soul, as he has to embody the divine into “himself” [3, 27 p.].

This is the argument that Gadamer states in favor of the word “education” in its relations of competitive fights with the term “forma” (it originates from Latin language and it was used for a long time). In the spirit of the word “education”, one harbors both the meaning of “image” and the mysterious duality, by which the word “image” keeps “the image and the likeness in itself”. The word for education is not simply the result and the process of that ascendance, but it’s the process of triggering through the internal movement of formation and shaping, as well as the permanent residence in a position of pre-and in — education. It has on mind merely nothing outside itself, and in this way it sounds similar to the spirit of nature.

Gadamer states that the concept of education overcomes the one for the pure cultivation of any type of preset device that can serve as a model. The importance of up-grading (in other words cultivating) originates in the development of the resources in such a way that its exploitation and storage are just the means of the purpose it is used for. In a similar manner, the foreign language teaching material in a textbook is just a tool, but not its target. Its study serves only the linguistic ability, but in the process of education *that foreign property is transformed entirely into a quality, in which and by which one is being educated* [3, 28 p.].

If a definition of the concept of education is possible, what a better definition than that of Gadamer one can find? The “foreign” element has to be transformed into a quality by which a person can be educated. Being a property of a single man, it is “own” knowledge, it has become an element in the state of being educated (one has it), which in turn changes the skills, as they unfold those skills and turn them into abilities and talents, that are part of human life, forever connected in a creation (connectivity of the parts of knowledge in Plato’s works). Our time does not only feel the crisis in the educational models and in the education in general, but we do live together with that crisis. The traditional educational practices are left aside and frantically we are looking for new ones. The social and the institutional claims against them are not just a few: they want these practices to meet the requirements of today’s world, to form and to educate adequately, even when there is no motivation; to be competitive during the “turning” of man to his essence. In the words of Gadamer, it is to open the way for conversion of the foreign property, in which and

by which one is educated, into a quality (because it is what remains after you have forgotten what you have learned). Just as a property of the single person, the education can guarantee the human turn, and thus it can serve as the most important motivation for young people — if it gives them the opportunity to discover the essential place in the world and to fill it with meaning for them. All other skills, habits and abilities that are acquired and developed with the educational process, can serve only as the means for the achievement of the most important virtues. The crisis of education today, not only in our country, raises the question of possible promising ways for achieving the state of education, as it questions the existence of the process of education itself, as well. It tests the present day educational models, it does make a review of the educational approaches and finally, it gives a support only to those ones, which we have found to be adequate.

From the end of the nineteenth century to the first half of the twentieth century, people have been the witnesses of some global changes in life. The culture of Europe has gone through the crisis whose prophets are Schopenhauer, Kierkegaard, and others who have openly talked about it — such as Nietzsche, Spengler and the existentialists. The rapid development and the achievements of the technical progress, the over-mechanized manufacturing, together with the information technologies, not only have failed to eliminate the fear and the anxiety, but they have intensified those stressful conditions. They also have turned to be a source of alienation, they have turned the labor into non-aesthetic production, and they have brought to existence the phenomena of mass culture with its mass people. Heidegger and Ortega y Gasset have warned about the onset of that horrific unification and the process of destruction of the individuality. Perhaps, the right way, one to face that disastrous situation (which is able to destroy your personality) is to eliminate its presence. That is how, over the „techno-scientific rationalist“ basis of the modern society a new kind of conception of the world has been created, which, if not irrational, at least it is „non-rational“. If the sense of malignancy and despair of the modern man cannot be overcome with some reasonable concepts about the world only, then the man will look for other ways to do it, in order to help not only him, but also those who will come after him.

In postmodern world, the pedagogical process is limited to the transfer of information to the student. That information could often be incorrect or, at least, incomplete. Moreover, the replacement of erudition with information leads to an exaggeration of the ego, to promotion of self-esteem and, ultimately, to ignorance. If any mistakes are identified as done by the person, “educated” in that manner, his automatic response would be: “What are you talking about? Am I uneducated? It’s impossible because I have graduated with honors, as I have two university diplomas and a scientific degree! And I command an enormous amount of information!” That’s why those who have the real knowledge would notice: “The one who climbs the staircase of the high posts at any rate, is already buried in the darkness”.

Mark Twain states: "I have never allowed the school to interfere with my education." The "non-informed" ignorance can be a source of mistakes, but the non-informed ones are quite often ready to confess their faults. Thus, that type of ignorance could be characterized by some kind of modesty. This phenomenon can explain why children are able to learn quicker than adults. Children usually are aware of their lack of knowledge and are ready to improve. Moreover, kids are ready to correct their mistakes when they are pointed out by someone. In the same situation, adults will react with indignation. In that context, the real teacher comes to be not the one who simply gives information, but the person who uncovers ignorance.

An ancient proverb says: "When the student is ready, the teacher will appear." The completed literacy is characterized by an authentic and autonomous knowledge. It is so, because it does not comply with the fashions of the day, being ideological, political or any others. It is the knowledge that ignores any sweeping assessments or general entities. That literacy is often being neglected, as it is not the education of those who have the financial powers of the day. However, those realities are not able to take away its role of being the real dominator and the master of speculative temptations. As the highest levels of knowledge are related to these temptations, the intelligent person thinks always alone, and never about general entities.

The aesthetics of thought and reality has been presented as a general trend in the postmodern pedagogics. This is the flipside of the process of formation of the man, as a product of the society of consumption and the information products. Such a guidance shall not eliminate or put limits to the culture of consumers (which is now impossible), but it only tries to redirect and to revise it. In such a situation, the education must respond by creating the conditions in which the students themselves choose what and how will enrich their preparation for life (the various forms and activities will not hurt the compulsory education requirements). In order to preserve the interest in knowledge and to keep the ability of it to be able to surprise; to "surprise" and bring excitement in the process of discovering the truth, the training should not be limited to teaching the universal truths about the world, because there are no such truths, as there is no universal rationality and universal language. In a changing world (more often trying to achieve unity), the tolerance for the difference or the otherness is needed more than ever, it is necessary to accept the different cultural characteristics of the rest. The knowledge of a certain subject is bound not only to the cognitive capabilities of the subject, but also to the axiological and the target structures of any human activity, and thus it is possible to establish a direct link and progress not only in the cognitive discourse, that develops the rational thinking in language, but also in the poetic language, in the language of art, and in that of everyday language. If the strict boundaries between science and art are erased, we can provoke and encourage the birth of the quintessential distinction of man from its technical substitutes — the creativity. The modern educational concept should not be built around the nostalgia for the ancient principle that the

acquisition of knowledge is inseparable from the formation of the spirit and even of the personality (it is losing its validity), but it should accept the challenge to be part of the present world and if it is possible, to be able to "predict" the future.

The main aspects of the postmodern concept of education are centered on the idea that the search for the meaning of life and the truth do shape the core of every free individual. Thus, the axiological, the aesthetic and the cognitive values of each person are built on their own, with the support and the contact with the cultural reality (present and past samples). The cognition is being unfolded on the ground of the many interpretations of the truth and the world (narrative function), and thus, the duty of the good teacher is not to impose any authoritative schemes, but to provoke the reflection, the commitment to the discussed issues, and to create the conditions for the integration not only between the disciplines, but also between all the forms of education.

Teaching philosophy, it is much more useful for the students to train them how to master the concepts, — if they participate in the placement, in the process of analyzing and solving philosophical problems; when they do "read" alone the philosophical text and create a sense of further theoretical development of the text. Then the training develops into a type of philosophizing, and serves as a model (the part of the teacher) and becomes a kind of experience (the part of the student). The meaning of the education in philosophy, and the humanitarian sciences in general, is associated not only with the history and the systematization of the problems, but above all it is important with what remains after one has forgotten what he has learned. In the words of Gadamer, it is important to teach the erudition and the knowledge how to transform the "foreign" to one's "own". What Aristotle has said would not help anyone if he does not feel happy, because "the wisdom of the ancients does not belong to us," we cannot simply reproduce their thoughts and the world is not the same [6]. The expected result of education is forwarded to those who create the abilities to feel the "the power of the truth" in order to achieve freedom. And it is determined by what the powers of truth, which one can feel are, what will be identified and which ones will be repelled by him [9].

So, the ability to identify oneself with the powers of truth (or not) is then already a culture of philosophizing, a way of philosophical thinking, which guarantees the process of education (not only to store information). M. K. Mamardashvili (see "How Do I Understand Philosophy") traces the various stages through which the teaching of philosophy undergoes and sets the last of them (the first stage is that of the identification and the second one is the individualization) as a philosophical communication whose purpose is to provoke the thought. Philosophy is not a simple set of abstract and meaningless concepts for him, and the type of dead knowledge is not important, as we understand the past only to the extent we succeed to restore the past thoughts. That reimbursement is made to the quality of our ability to think and it corresponds to what we can think today. If the education fol-

lows blindly what once has been thought or discovered, the students would not manage to learn anything and they will be not able to create their own thoughts. When dealing with the classical texts, one needs to “hear the sound” and “to decode”, using the abilities of the students to analyze them, here and now. Mamardashvili finds it extremely important to wake up the ability to make the distinction between the process of acquiring the knowledge as a stereotype and the philosophical empathy in the study. To create a symphony, one needs to maintain more than the knowledge of the notes and the way they are written. One should be able to per-

form it, and the good performance needs “the revival of the words”, the “return under the power of the imagination”, and the “transformation of the matter” [1]. The opportunities of any philosophical text are to provoke the dialogue from the different angles of interpretation that reflects thoughts and dreams, to make the conversation, which will “hear” all those different voices. That is the only way the process of teaching philosophy can serve its main task — to let the students “closer” to the studies in philosophy and to give them the opportunity to feel what they study and thus, to make that knowledge part of their world.

References:

1. Bachelard, G. (1998), “Literary Representations”. In: Gaston Bachelard. *The Poetics of Space*, Sofia: Narodna Kkultura.
2. Bogdanov, B. (1982), “Commentaries and Notes”. In: Plato. *Dialogues*. Volume II, Sofia: Nauka i Izkustvo.
3. Gadamer, H. (1997), *Truth and method*. Pleven: EA, 1997.
4. Plato, (1982): Plato. (1982), *Dialogues*. Volume II, Sofia: Nauka i Izkustvo.
5. Popper, K. (1993), *The Open Society and Its Enemies*. Volume I, Sofia: Open Society Foundation.
6. Comte-Sponville, A., Ferry, L. (2003), *The Wisdom of the Modern Ones*, Sofia: Prozorets.
7. Mamardashvili, M. (1990), *How Do I Understand Philosophy*. – Moscow.
8. Heidegger, M. (1992), “Plato’s Doctrine of the Truth”. In: *Theories of the Truth (Collected Works)*. Sofia: University Publishing House “St. Kliment Ohridski”.
9. Jaspers, K. (1995), *A Small School in Philosophical Thinking*. Sofia: Gal-Iko.

Section 10. Economics and management

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-87-89>

*Borbotko Valentin Valentinovich,
Academy of public administration under the aegis
of the President of the Republic of Belarus,
Ph.D., associate Professor of management of information resources
E-mail: Master_1@inbox.ru*

Organizational-economic mechanism labour market young professionals

Abstract: discusses aspects of the organization of labor market management system of young professionals, taking into account the specifics of the requirements of employers to potential employees professionalism. The basic elements of the system and shows their characteristics.

Keywords: the labor market, young professional, management system, management model, the education system.

*Борботько Валентин Валентинович,
Академия государственного управления
под эгидой Президента Республики Беларусь,
Кандидат технических наук, доцент кафедры
управления информационными ресурсами
E-mail: Master_1@inbox.ru*

Организационно-экономический механизм рынка труда молодых специалистов

Анотация: рассматриваются аспекты организации системы управления рынком труда молодых специалистов, с учетом специфики требований нанимателей к профессионализму потенциальных работников. Описаны основные элементы данной системы и приведена их характеристика.

Ключевые слова: рынок труда, молодой специалист, система управления, модель управления, система образования.

Одна из задач разработки организационно-экономического механизма состоит в управлении динамикой количественных и качественных показателей молодых специалистов в параметрах научно-технического прогресса. В соответствии с Государственными программами развития, политика регионов должна быть направлена на внедрение инноваций во всех секторах экономики с целью повышения инновационной активности и восприимчивости производств; обеспечение разработки новых импортозамещающих технологий на основе собственной сырьевой базы; стимулирование развития высокотехнологичных производств и т. д. На основании этого, организации ориентируют свою деятельность на разработку и освоение новых производств, развивают инновационную инфраструктуру и систему управления инновационной деятельности. Однако эти процессы требуют постоянной поддержки, контроля и регулирования, которые невозможны без тщательного анализа функционирования предприятий, а также отслежи-

вания передовых мировых тенденций. Все это формирует постоянно изменяющиеся требования к труду специалистов и их количеству, применяемому на производстве.

Таким образом, на основании государственной политики и уровня развития технологий на предприятиях, министерства и ведомства определяют базовые требования, которыми должен обладать молодой специалист, причем данные требования изменяются во времени, а применяемые новые технологии определяют количество труда необходимое для управления ими. Для формирования алгоритмов решения данных задач, выделим два основных аспекта регулирования рынка труда молодых специалистов [1]:

1. Постоянное развитие инновационных технологий на предприятиях регионов, что изменяет уровень требуемых знаний работников;

2. Применение новых технологий, что влияет на количество труда необходимого для использования в хозяйственной деятельности организации.

Основная работа по регулированию данных аспектов ложится на учреждения образования, поскольку они осуществляют подготовку, переподготовку и повышение квалификации специалистов, а также могут регулировать количество труда поступающего на рынок, которое на текущий момент, превышает предложение рабочих мест. Данное регулирование предлагается реализовывать в виде организационно-экономического механизма, включающего необходимые показатели и способы их определения. Предлагаемый способ реализации представляет собой детерминированную динамическую модель, построенную с учетом норм правовых актов. Под детерминированной динамической моделью понимается, четкое представление о входящих и выходящих информационных потоках, при этом процесс преобразования входов в выходы может меняться в зависимости от внешних и внутренних требований, при условии, что модель реализуется во времени. В модели мы условно выделили внешнюю и внутреннюю среду, входной и выходной информационный потоки. Рассмотрим их состав.

Внешняя среда представляет собой совокупность внешних фактов (по отношению к рынку труда молодых специалистов), таких как [1]:

1. Состав государственной молодежной политики;
2. Действия органов государственной власти направленные на регулирование рынка образовательных услуг, рынка труда молодых специалистов и других секторов экономики;
3. Действия органов государственной власти по прогнозированию развития экономики и динамики создания/закрытия рабочих мест;
4. Действия органов государственной власти по разработке, внедрению и контролю выполнения применяемых норм в системе менеджмента качества;
5. Действия нанимателей по формированию требований по качественно-количественным характеристикам студентов и молодых специалистов;
6. Действия общеобразовательных учебных заведений по формированию необходимой базовой компетентности своих выпускников.

Внутренняя среда включает процессы, необходимые для подготовки молодого специалиста:

1. Проведение профессионально-ориентационной работы с целью определения оптимального набора специальностей соответствующих компетенциям выпускников общеобразовательных учебных заведений;
2. Выбор будущей специальности и учебного заведения на основании результатов профессионально-ориентационной работы и данных, предоставленных государственными организациями о специальностях и учебных заведениях;
3. Процесс обучения студентов;
4. Реализация процесса адаптации молодых специалистов к новым условиям труда.

Входной информационный поток характеризует выпускников учреждений общего базового образования

по качественно-количественным характеристикам. Данные, передаваемые этим потоком, применяются с целью [3]:

1. Соотношения персональной компетентности выпускников общеобразовательных учебных заведений с возможной профессиональной компетентностью, которая потребуется в экономике в среднесрочной, долгосрочной перспективе и в текущий момент времени;
2. Оценки результативности действий общеобразовательных учебных заведений по предоставлению общего базового образования;
3. Определения общественной потребности экономики в молодых специалистах и молодых рабочих в будущем.

Выходной информационный поток характеризует молодых специалистов по качественно-количественным характеристикам. Данные, передаваемые этим информационным потоком, применяются с целью [3]:

1. Соотношения профессиональной компетентности молодых специалистов с требуемой организацией в соответствии с ее миссией, видением, стратегией, элементами политики и целями;
2. Обеспечения необходимого уровня приобретенной компетентности и осуществления действий по ее постоянному повышению;
3. Оценки результатов действий, которые были приняты для того, чтобы гарантировать, вероятность достижения необходимого уровня компетентности;
4. Оценки результатов прогноза общественной потребности в молодых специалистах и молодых рабочих.

Выполним группировку элементов модели по четырем основным направлениям и выделим основные базовые этапы ее реализации [2]:

1. Субъект управления (или управляющая подсистема), основная цель которого — организовать процесс подготовки молодых специалистов в учреждениях образования через решение следующих задач:

- выполнить анализ компетентностей выпускников общеобразовательных учебных заведений;
- учесть индивидуальные особенности профессорско-преподавательского состава;
- рассчитать потребность в специалистах;
- разработать образовательные программы;
- набрать абитуриентов.

2. Объект управления (или управляемая подсистема), основная цель которого — подготовка востребованных, конкурентоспособных молодых специалистов и предоставление им первого места работы. Он решает следующие задачи:

- подготовить студентов;
- трудоустроить молодых специалистов;
- выполнить адаптационные действия.

Субъект и объект управления связаны между собой прямым и обратным информационными потоками. Информационные потоки прямой связи — обслуживают управляющую подсистему и процесс принятия решений,

а также обеспечивают их передачу на управляемый объект и включают в себя:

- квоты набора абитуриентов в учебные учреждения — данные о максимальном количестве абитуриентов, по специальностям, которые может набрать высшее, среднее специальное учебное заведение;
- образовательные программы — данные о составах дисциплин образовательного процесса.

Информационные потоки обратной связи — несут информацию о состоянии управляемой системы и ее реакции на управляющие воздействия и позволяют определить характеристики корректирующих воздействий:

- информация о выпуске и трудоустройстве молодых специалистов — применяется при управлении процессом расчета потребностей экономики страны в молодых специалистах во времени. В случае, если на выходе отсутствует доля не занятых молодых специалистов, значит, процесс подготовки студентов выполнил поставленные цели в полном объеме и не требует корректировки;
- информация об уровне знаний, умений и навыков молодых специалистов — применяется для корректиров-

ки образовательных программ, при условии существования доли не занятых молодых специалистов по причине неудовлетворительного качества образовательного процесса.

Таким образом, целью описанного организационно-экономического механизма регулирования рынка труда молодых специалистов является повышение конкурентоспособности молодых специалистов, посредством учета требований нанимателей в процессе обучения специалистов и определении потребности в них на основании существующих и создаваемых рабочих мест. Новизна механизма заключается в комплексном учете взаимодействующих элементов системы, изменяющихся под воздействием внешних факторов. Такой подход способствует установлению связи между государственным, образовательным и коммерческим секторами экономики. Описанный механизм включает восемь базовых элементов связанных между собой информационными потоками, что позволяет повысить эффективность регулирования взаимодействия образовательной системы с рынком труда молодых специалистов.

References:

1. Борботько, В. В. Управление рынком труда молодых специалистов / В. В. Борботько; под науч. ред. В. Ф. Медведева. – Минск: Право и экономика, – 2009. – 156 с.
2. Борботько В. В. Организация системы управления качеством на кафедрах в учреждениях образования / В. В. Борботько // Инновационные образовательные технологии. – 2016. – № 1. – С. 29–34.
3. Высоцкий, О. А. Процессы взаимодействия рынка труда молодых специалистов и системы образования / О. А. Высоцкий, В. В. Борботько // Экономика и управление. – 2012. – № 3 (31). – С. 118–123.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-89-92>

*Lyndyuk Elena Anatolievna,
National academy of public administration,
office of the President of Ukraine,
candidate of sciences in public administration,
doctoral candidate of the Department of philosophy,
history and theory of public administration
E-mail: lundyuk@ukr.net*

Features of modernization of the system characteristics of civil service under the influence of globalization processes

Abstract: This paper presents the characteristic of features of the modernization of the civil service system characteristics under the influence of globalization processes, the main factors of globalization impact on the civil service system are identified; The interrelation of civil service modernization, globalization, and evaluation is revealed. The possibility of using evaluation to modernize the civil service and its importance for the determination of the modernization strategy is analyzed. Theoretical aspects of institutional changes in the civil service, which are carried out in time (upgraded) under the influence of globalization, are grounded.

Keywords: civil service, civil service modernization, globalization, evaluation, strategy.

*Лындюк Елена Анатольевна,
Национальная академия государственного управления
при Президенте Украины,
кандидат наук государственного управления,
докторант кафедры философии,
теории и истории государственного управления
E-mail: lundyuk@ukr.net*

Особенности модернизации системных характеристик государственной службы под влиянием процессов глобализации

Аннотация: В статье дана характеристика особенностей модернизации системных характеристик государственной службы под влиянием процессов глобализации, идентифицированы основные факторы влияния глобализации на систему государственной службы; установлена взаимосвязь модернизации государственной службы, глобализации и оценивания. Анализируются возможности использования оценивания в модернизации государственной службы и его значение для определения стратегии проводимой модернизации. Обоснованы теоретические аспекты институциональных изменений государственной службы, которые осуществляются во времени (модернизируются) под влиянием процессов глобализации.

Ключевые слова: государственная служба, модернизация государственной службы, глобализация, оценивание, стратегия.

В условиях перманентной турбулентности значительно актуализировалась необходимость всестороннего исследования чрезвычайно сложных и многоуровневых взаимозависимостей процессов глобализации и модернизации государственной службы. Осознание динамики их взаимосвязи и взаимодействия влияет на углубленное понимание современных тенденций формирования и развития государственно-управленческих механизмов и научно-методологического обоснования осуществления модернизации государственной службы Украины.

В современную эпоху глобализации развития и цивилизации гуманизма недостаточно работ, в которых бы комплексно изучались особенности модернизации системных характеристик государственной службы под влиянием глобализационных процессов; отсутствует должное научное отображение теоретико-методологических основ модернизации и усовершенствования структуры, функций и процессов государственной службы в условиях глобальных сдвигов. Анализ отечественной и зарубежной литературы, отражающей процессы глобализации в аспекте их влияния на модернизацию и системные характеристики государственной службы свидетельствует о разноплановости подходов к проблематике глобальных и модернизационных изменений, их оценивания, отсутствует конвенциональная, идеологическая система взглядов, концепций, методологий для характеристики этих феноменов.

Социальная реальность становится “квазиприродной, неподвластной человеку. Индивидуализированное общество складывается не усилиями индивидов по обособлению, а действием объективных сил и процессов, среди которых первоочередное место занимает глобализация. Последняя подменяет универсализацию и снижа-

ет способность как отдельных обществ, так и индивидов контролировать ситуацию” [4, 16]. Глобальные процессы приводят к серьезным сдвигам в управленческих системах, трансформируя властные механизмы и всю современную систему координат существования государств. Переосмысливается роль, структура, функции и авторитет государственной службы, изменяющиеся под влиянием мегатрендов глобализации, регионализации и локализации. “Изменение актуальных кодов управления — один из важнейших аспектов изменений. Новые организационные схемы и технологии порой просто подрывают прежние институты, изменяя привычный вид власти. Начинает просматриваться тенденция маргинализации всего корпуса “легальной власти”, национальной публичной политики, ее отчуждение от решения ряда ключевых вопросов, подмена социальной регуляции альтернативной системой, властью неформальной, транснациональной, геоэкономической” [1, 230].

Среди основных факторов влияния глобализации на систему государственной службы, которые побуждают государства к поиску ее новых моделей, следует выделить: демократизацию государственного устройства, развитие гражданского общества, изменения в системе координат функционирования государства, широкое внедрение информационно-коммуникационных технологий, расширение мобильности и др.

Концептуализация современной проблематики модернизации государственной службы за счет идентификации глобальных угроз, вызовов, тенденций и субъектов влияния, способствует определению ключевых проблемных вопросов модернизации государственной службы. Среди таких проблем выделяют: дискредитация ценностей по сравнению с другими ресурсами; диспропорции

развития системы; отсутствие научно обоснованной методологической основы управления модернизацией и оценивание ее реализации, концептуальная и стратегическая неопределенность направления будущего развития. Решение обозначенных проблем позволит обеспечить новое качество системы государственной службы.

Современный этап модернизации государственной службы с точки зрения глобальной политики характеризуется изменением философии, идеологии, роли, функций, культуры, морали и других теоретических и методологических аспектов государственной службы. Определить результат модернизации государственной службы и оценить обусловленный им эффект очень сложно и связано это, прежде всего, со сложностью определения основных факторов, которые оказывают непосредственное влияние на эту категорию [5].

К долгосрочным тенденциям модернизации Н. Мотрошилова относит: глобальность, прогнозируемость, длительность, прогрессивность, систематичность, изменчивость, неравномерность, соревновательность, необратимость, комплексный характер соответствующих процессов, подчеркивает единство аспектов непрерывности, трансформаций и инноваций [2, 135–137]. Поэтому важно определить наиболее оптимальный путь модернизационных изменений системы государственной службы. Такая модернизация должна быть системной и реализовываться на основе единой концепции и стратегии. Именно целостность и завершенность процессов модернизации является условием эффективности функционирования новой модели государственной службы.

Стратегию модернизации государственной службы можно представить как создаваемый институциональный дизайн, зависящий от целеполагания, учитывающий интересы различных групп и реализуемый через систему норм [6, 47–49]. Разработка этой стратегии предполагает не только теоретически обоснованные подходы к пониманию механизмов институциональных изменений, но и установление институционального порядка принятия самих стратегических решений. Как отмечал В. М. Полтерович, задача поиска стратегии модернизации (траектории изменения институтов и политики, соединяющей текущее состояние с желательным) обладает существенной спецификой в теории реформ. Здесь выявление желательного состояния происходит в итеративном процессе одновременно с решением [3, 13].

Современная практика свидетельствует о попытке осуществления “проектного подхода” к модернизации сверху (проекты, программы), а провозглашаемая идеология — призыв к проведению с этой целью институциональных преобразований. Предлагаемая В. М. Полтеровичем “интерактивная модернизация”, сочетающая преимущества других: “институциональной модернизации” и “проектного подхода” даст возможность создания институтов государственной службы, обеспечивающих реализацию такого вида модернизационной стратегии государственной службы. Стратегия модернизации должна

уже на стадии ее разработки опираться на взаимодействие всех заинтересованных сторон [3, 6].

В практическом плане модернизация государственной службы предполагает, в т. ч., элементы шокового характера. Поэтому ее реализация в сжатые сроки и в значительной мере зависит от политической воли элиты, так и от непосредственных исполнителей — государственных служащих, которые будут воплощать эти процессы в жизни. Модернизацию нецелесообразно рассматривать как исключительно эволюционный процесс, который продлится десятилетия. Многие модернизационные процессы требуют длительного времени, но это не значит, что с ними следует медлить. Такие меры должны быть системными, комплексными, объединенными единым концептуальным подходом к решению проблем модернизации государственной службы.

Успешные институциональные инновации в модернизации государственной службы представляют непрерывные и кумулятивные эволюционные изменения. Основным источником институциональных изменений в государственной службе, являются мировоззренческие изменения государственных служащих, которые сказываются на ценностных выборах и отношениях граждан. Важно то, что и формальные правила, которые может изменить государство, и неформальные ограничения, которые изменяются крайне медленно, в итоге формируются под влиянием субъективного мировосприятия граждан, которое определяет выбор формальных правил и развитие неформальных ограничений в обществе.

Результативность процесса модернизации государственной службы зависит от осуществления своевременных контрольных мероприятий и оценивания эффективности составляющих системы. Использование результатов оценивания даст возможность своевременно выявить имеющиеся проблемы модернизации, оперативно определять пути их решения, усовершенствовать модернизационную деятельность на всех уровнях власти и повысить эффективность государственной службы в условиях глобализации.

Модернизация государственной службы должна основываться на принципах: демократизации, открытости, прозрачности, меритократизации, интеллектуализации, ориентации на клиента, ориентации на конечный результат, а также внедряться как последовательный, сознательно-концептуальный, эффективный и качественный процесс. Переосмысление основных принципов даст возможность обеспечить действительные изменения практики государственной службы. Такой подход позволит гарантировать последовательную, сознательно-концептуальную и качественную модернизацию всей системы. Необходима активизация исследований о преимуществах и недостатках новой модели государственной службы с целью предоставления разработчикам модернизации максимально полной и объективной информации для определения оптимальных путей модернизации системы государственной службы в условиях глобализации.

Список литературы:

1. Економіка знань: виклики глобалізації та Україна / За заг. ред. А. П. Гальчинського, С. В. Львовичкіна, В. П. Семиноженка. – К.: НІСД, – 2004. – 261 с.
2. Мотрошилова Н. Цивилизационный подход в программах модернизационного рывка современного Китая [Электронный ресурс]/Н. Мотрошилова. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/history/civilizacionnyj_podkhod_v_programmah_modernizacionnogo_ryvka_sovremennogo_kitaja_2012-08-31.htm
3. Полтерович В. М. Стратегии модернизации, институты и коалиции/В. М. Полтерович//Вопросы экономики, – 2008. – № 4. – С. 4–24.
4. Федотова В. Г. Хорошее общество: моногр./В. Г. Федотова – М.: Прогресс-Традиция, – 2005. – 544 с.
5. Cohen S. Defining and Measuring Effectiveness in Public Management/S. Cohen//Public Productivity and Management Review. – 1993. – Vol. 17, – № 1. – P. 45–57.
6. Wegner G. Evolutionary Markets and the Design of Institutional Policy/Wegner G.//The Evolutionary Analysis of Economic Policy/Ed. By G. Wegner and P. Pelikan. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar. – 2003. – P. 46–66.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-92-95>

*Suleymanov Qazanfar Salman,
Doctor of economic sciences, Professor
Zeynalova Saadat Jumshud,
Philosophy doctor of economic sciences, assoc., professor,
Shamilov Rashad Fuad,
Azerbaijan State Oil and Industry University
Baku, Azerbaijan
E-mail: s_zeynalova@mail.ru*

Innovative competition model of Azerbaijan's industrial enterprises

Abstract: Affecting competitiveness of Azerbaijan industrial enterprises composition of the group of factors has been determined in the article. At the same time also these the share of group of factors and correlation have been determined among them in the article. In addition competitive model of Azerbaijan innovative industrial enterprises was offered in the article. The model of innovation and competition have been based enterprises of republic of industry increasing role of production of innovative products more competitive economically justified in the end of the article.

Keywords: Industry, enterprise, innovation, competition, model, production.

After perishing of the world socialism system, these countries confronted a few problems about integration to market economy.

Azerbaijan Republic considers that one of the solutions is the competitive and innovative development of its industry.

All countries may use proposed economic development model as the bases of improvement of their industry areas like Azerbaijan Republic.

In the globally modern world one of the main objects of our republic is to form factors which may ensure that our industrial enterprises are competitive and increase it to the world level. In this case, the high technical level of industry is on the bases of increasing competition ability of economy, thus, for ensuring that it happens, the role of technological innovations is crucial. As Shumpeter mentioned in 1911 in his book- "Theory of economic development", the engine of economic development entrepreneurs' innovative actions. Shumpeter noted that entrepreneurship is not duty or job, it is unique ability which represents innovation to market.

Generally, in free competition conditions entrepreneurs are permanent sources restructuring of economy and service for economic growth. Nickson mentioned that innovation is the total of technical, producing and commercial actions. Nowadays in our country the transition to the new period of entrepreneurship which is characterized with new, more quality figures is the main object of the government in this area. Thus, innovative development of entrepreneurship are some of the main indicators which illustrates country's development and urgent in terms of increasing of competitiveness of industry.

Our country has a great potential for innovation-oriented economic development. It is related with potential of qualified workers, level of scientific development, entrepreneurship ability. In recent years, for realizing this potential some actions has been implemented according to government's program, it has been considered one of the main priorities in actions for governmental support for entrepreneurship. Nowadays the innovative actions of both governmental and non-governmental bodies representing of new products in market an importance

of acclimitizing to ever changed demands of consumers are formed by deepening of struggle between international and local competition. Meanwhile, innovativa activities are important in terms of protecting existing niches of country's and increasing them. Nowadays innovation process encompasses an improvement of technology, represent new raw material and product, application of production management and is main source of forming of industry's competitiveness. According to this point, by analyzing spending for technological innovations of industrial enterprises in country, the main impediments againts producing competitive products of country's industrial enterprises. These are grouped so:

1. The group of economic factors;
2. The group of production factors;
3. Other factors.

The Table 1 illustrates the classifications of factors which impede to product competitive products in industry. Thus, accordig to figures in 2015, 43.2% of factors which impede to expand producing competitive products is econom-

ic facotrs, 31.9% is related production and 24.9% is related other factors.

Nowadays large amount of investments has been required for increasing technical-economic levels of enterprises and development of this area. (table 2).

In such situation, the first of all, to increase technical level of industrial enterprises is imperative. Because, low technical level resticts opportunities of producing competitive products that, it decreas an importance of actions which should be implemented in improvement of production, labour and organizing of management at enterprises. Especially, in some productions, for example, oil industry, chemistry və petroleum chemistry, in some areas of food industry technical level of production has a pivotal role in effeciency of production and increasing of product's quality

According to this and other researches, the effective organizing of innovation process in industrial enterprises is directly related with managing of factors which impede expanding of production of competitive products.

Table 1. – Group of factors which impede innovative actions of industrial enterprices

	The number of enterprices whihc consider impeded factors like following foms								
	Main and crutial			Important			Less important		
	2013	2014	2015	2013	2014	2015	2013	2014	2015
Economic factors									
Has not its monies enough	25	35	16	28	30	29	24	13	12
Has not financial aid by government	13	12	22	22	36	22	20	11	12
Less payment abilities for fresh food	4	4	25	25	18	11	18	14	19
High value of novelties	8	10	33	33	25	23	15	11	16
High economic risk	7	8	20	20	20	14	23	17	19
Long period for gaining benefits from spendings fo fresh food	5	4	16	16	14	17	26	20	26
Production factors									
Less innovation potential of enterprises	8	15	7	35	25	20	23	10	19
Shortage of qualified workers	3	2	3	23	19	12	19	18	31
Shortage of data about new technology	5	10	7	22	14	19	17	14	15
Difficulties in acceptance of novelites	3	3	3	12	10	14	20	17	18
Shortage of data about sale markets	2	4	3	15	14	17	19	12	11
The lack of opportunities for co-operation with other enterprises and scientific organisations	-	-	-	11	7	5	27	20	23
Other reasons									
Because of older innovations, being needless of new products	2	2	3	16	9	6	20	16	20
Not existing of regulatory and stimulative laws and normative rules	2	3	4	21	22	21	17	17	15
Being indefinite of innovation process	2	2	3	12	9	13	18	16	14
Not development of innovation infrastructure (mediation, information, law, bank and etc. seviles	4	2	2	23	20	18	18	10	14
Not development of technology market	3	4	5	29	27	26	21	15	15

Table 2. – The main macroeconomic figures of Azerbaijan's industry^{*)}

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Added value, current prices mln. manat	3269	6190	10732	16871	23497	17490	21942	27909	26958	24471	26442	18440
Total profit, current prices, mln. manat	2624	5340	9763	15811	22258	16316	20743	26082	26880	24440	22494	16649
Net profit, current prices, mln. manat	2310	4877	9259	15138	21451	15660	20008	25003	25461	23554	21604	16001
The average number of workers, min nəfər	175,3	179,3	184,3	194,5	194,7	192,3	181,8	176,7	181,0	197.2	197.2	187.2
The average nominal wage per month, manat	187,0	213,2	260,9	344,8	424,5	412,4	451,8	518,6	590,1	630.8	694.8	809.3
Main funds (the end of year), mln. man.	15145	18231	21037	28476	30703	35093	37248	41657	46769	53529	61801	70446
Main investments on fixed capital, mln. man.	3916	4170	4295	4540	4249	3225	4276	5370	6040	7500	7640	8500

^{*)} Azərbaycan Republic Statistic Committee. Baku, 2016.

For this, let's define correlation equation between the amount of competitive innovative product (y) economic (x_1), production (x_2) and the other factors (x_3) by using economic, production and the other factors which impede to expand producing competitive products and the impact of other factors which influence on the amount of innovative products in industry. This may be illustrated so:

$$Y = F(x_1, x_2, x_3), \quad (1)$$

According to economic figures of industrial enterprises (table 2.2), onda (1) relation is like following one:

$$Y = a_0 x_1^{a_1} x_2^{a_2} x_3^{a_3}, \quad (2)$$

(2) By using logarithm for both sides and using some replacements:

$$\ln y = \ln a_0 + a_1 \cdot \ln x_1 + a_2 \cdot \ln x_2 + a_3 \cdot \ln x_3, \quad (3)$$

$Y = \ln y$; $A_0 = \ln a_0$; $X_1 = \ln x_1$; $X_2 = \ln x_2$; $X_3 = \ln x_3$ by using replacements, write in (3)

$$Y = A_0 + a_1 \cdot X_1 + a_2 \cdot X_2 + a_3 \cdot X_3 \quad (4)$$

We get.

(4) by applying regression algorithm on equation. In this case the result of calculation is:

$$a_0 = 3,88; a_1 = 0,57; a_2 = 0,04; a_3 = 0,39; R^2 = 1.$$

If we write these coefficients on (2) –, then we will get

$$Y = 3,88 x_1^{0,57} x_2^{0,04} x_3^{0,39}, \quad (5)$$

regression model.

In this, a_0, a_i ($i=1, 2, 3$) — correlation coefficients of regression equation.

x_i ($i=1, 2, 3$) changable quantities or factors which impede expanding of competitive products' quantity, Y — an total amount innovative competitive products of. R^2 –determination coefficient or adequacy figure of model.

Thus, by (5) model, we may comprehend that:

– During 2004–2015 years economic factors outweighed in the increasing of innovative competitive products industrial enterprises in our country;

– By the increasing 1% of economic factors, in conclusion, may entail to 0.57% increase in producing of competitive products;

– By the increasing of production factors, in conclusion, may entail to 0.04% increase in producing of competitive products;

– By the increasing of the other factors, in conclusion, may entail to 0.39% increase in producing of competitive products;

– 3,88 coefficient in model (4) shows that, 1% increase of factors which excluded model may entail 3.88% increase of production of competitive products;

– $R=1$ is adequate, model illustrates implementing of competitive production precisely.

This model may be called prognosis model of production of competitive products in industrial enterprises. On the other hand, in the future model (4) may let prognosticate and define economic, production and other factors which impede to producing competitive products. And it may entail to sustainable and permanent development of country's economy. In conclusion, country's industrial enterprises may be one of the leading enterprises of globally world

In addition to forementioned actions for increasing effectiveness of total development environment, other actions for stimulating producing of innovative competitive products may be fruitful:

– levy free tax for scientific researches which are involved with produce new and improved product types;

- discounted coefficients to primary resources' amortization norms for implementing innovative actions;
 - to abolish restrictions against patenting systems for scientific researches and experience-constructor works related innovation in taxes system;
 - discounted governmental and bank credits to enterprises which produce industrial products for implementing their innovation actions;
 - governmental support for innovation management and marketing, project management, preparing qualified workers for designing and using of cutting-edge technology.
- Despite of the fact, there are enough monies, producing

technical bases and scientific workers for increasing industrial innovative potential, there is still low level in this area and complex reforms are needed which should be based on developed country's experiences.

By preparing concrete mechanisms of forementioned stimulative actions, forming free market, proper investment environment we may achieve to increase competitiveness of industrial enterprises. *In our opinion, also the fact that such countries as Russia and Kazakhstan, also determined implementation of innovations as a strategic direction of development of national economies and increase in level of competitiveness of economic agents is indicative.*

References:

1. Kacalina L. N. "Competitive management" – M. Izd-vo – Eksmo, – 2006, P. 464.
2. Praxova T. S. "Conception and essence of competitiveness" Scientific works collection SevKav GTU "Economy", – 2005 N 2.
3. Porter M. "Competition" tra.from eng. Tutorial M. "Williams", – 2000 P. 495.
4. Scientific informative magazine "Business information" – M. – N5, – 2009, P. 367.
5. Kucukov P., Savka A. "Competition problems of national households", "Economist", – 2008, – N 9, P. 3–8.
6. Porter M. E. Building the Microeconomic Foundation of Prosperity: Findings from the Business Competitiveness Index. Harvard Business School, Boston. – 2003. P. 31.
7. Statistic figures of Azerbaijan, – Baku, – 2016.
8. Kulish S. M. (2016) The Role of Innovative Technologies in the Development of Russian Industry//The Review of Economy, the Law and Sociology. – № 2. P. 60–63.
9. Shlychkov V. V., Vedin N. V., Khasanova A. Sh. (2015) A Quarter Century of Reform of the Russian Economy: Is it Wandering in a Maze or Jogging in Place?//Indian Journal of Science and Technology. – Vol. 8 (S10). DOI: 10.17485/ijst/2015/v8iS10/84883
10. Shlychkov V. V. (2015) From konkurentno capable economy to the effective state//The Review of Economy, the Law and Sociology. – № 2. P. 89–96.
11. Bataykin P. A., Khasanova A. Sh., Shlychkov V. V., Toumashev A. R., Toumasheva M. V. (2016) Economic Growth in the Conditions of Resource Constraints: Ordinal Approach to Optimization of Macroeconomic Production Structure//Journal of Applied Economic Sciences. – Vol. XI. Iss. 3 (41). [http://cesmaa.eu/journals/jaes/files/JAES%20_summer3\(41\)_online.pdf](http://cesmaa.eu/journals/jaes/files/JAES%20_summer3(41)_online.pdf)

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-95-104>

Chokusheva Gulnara Ryskulovna,
Kyrgyz National University J. Balasagyn
Student PhD, Kyrgyz-European Faculty
Email: gulnara_ch@yahoo.com

The evolution of the concept of «Economic efficiency»

*"We can not solve our problems with the
Same thinking we used when we created them"*

Albert Einstein

Abstract: The article gives review of development of understanding of category "economic effectiveness" on the base of different economic theories and schools. Also there is comparative analysis of approaches towards definition of effectiveness.

Keywords: economic effectiveness, property, cost-effectiveness, cost-efficiency, institutional economy, classic economic theory, institutional economics.

Чокушева Гульнара Рыскуловна,
Кыргызский Национальный Университет им. Ж. Баласагына
Студентка PhD, Кыргызско-Европейский факультет
Email: gulnara_ch@yahoo.com

Эволюция понятия «экономической эффективности»

*«Мы не сможем решить наши проблемы с тем же мышлением,
которое мы использовали создавая их»*

Альберт Эйнштейн

Аннотация: В статье дается обзор развития категории «экономической эффективности» на основе различных экономических теорий и школ. Также дается сравнительный анализ подходов к определению эффективности.

Ключевые слова: экономическая эффективность, собственность, эффективность с точки зрения затрат, результативность, институциональная экономика, классическая экономическая теория, институциональная экономика.

История развития человечества — это развитие от простых форм существования в сторону более сложных, иными словами, более развитых форм. На этом пути человечество (индивидуумы, предприятия, правительство, общество) всегда делает выбор между более или менее эффективными формами развития. И в условиях, когда человечество пребывает в постоянных условиях ограниченности ресурсов (материальных, финансовых, трудовых, временных) вопрос оценки эффективности имеет ключевое значение.

Эффективность, как категория, наиболее полно проявляется в экономических отношениях, поскольку является одним из решающих факторов экономической деятельности. И закономерно, что категория «эффективности» возникла в капиталистических социально-экономических отношениях. Дело в том, что все докапиталистические экономические отношения были скрыты под покровом имущественных (волевых) отношений собственности. Люди видели эти отношения, но не принимали во внимание экономические отношения собственности. Вопрос эффективности не являлся первостепенным, а зачастую игнорировался вообще. Капиталистические экономические отношения собственности были первыми, которые выступили, как нечто самостоятельное, качественно отличное от имущественных отношений.

Капиталистическое общество, будучи первым в истории человечества индустриальным обществом, отводила ведущую роль сельскому хозяйственному производству, а обрабатывающей промышленности. Как следствие, для него характерно существование широкого разделения труда с участием множества хозяйственных единиц, каждая из которых является, при капитализме, единицей частной собственности. И для каждой такой единицы главной целью является максимизация прибыли. Продукт создается для продажи и только для продажи. Деятельность в капиталистическом обществе регулируется рынком, когда цена товара зависит не только от его стоимости, но и спроса

и предложения. И каждый участник рынка находится в условиях необходимости постоянной оптимизации своей деятельности, к снижению издержек и т. п. для повышения эффективности своей деятельности.

Для более четкого понимания, нужно разделять рассмотрение «эффективности»:

- эффективность, как результативность действия (успешная война, аннексия территорий, строительство крепости);
- и эффективность экономическая, чему большее соответствует “efficiency” (то есть результат, достигнутый с минимальными или оптимальными затратами). К примеру, Питер Друкер в своей книге «Практика менеджмента» определяет ее как максимально выгодное соотношение между совокупными затратами и экономическими результатами [14, с. 400].

Несмотря на то, что эффективность, как “efficiency”, более очевидна для микроуровня (фирма), на макроэкономическом уровне экономическая эффективность может быть выражена отношением произведенного продукта (ВВП) к затратам (труд, капитал, земля). Также можно отдельно оценивать эффективность капитала, эффективность труда и эффективность земли (недр).

Тем не менее, базовой категорией «экономической эффективности» является эффективность деятельности предприятия, которая формирует в том числе и макроэкономические результаты. Здесь необходимо помнить, что общественный (государственный) сектор представляет собой такую область экономики, в котором:

- рынок частично действует и не действует, и преобладает нерыночный способ координации экономической деятельности, нерыночный тип организации обмена деятельностью;
- производятся, распределяются и потребляются не частные, а общественные блага;
- равновесие между спросом и предложением коллективного (общественного) блага осуществляется го-

сударством, органами местного самоуправления и общественными организациями с помощью соответствующих социальных институтов.

В отличие от рыночного, общественный сектор имеет дело с общественными благами, которые в большинстве своем не являются предметом купли-продажи. И оценка эффективности через оценку и сопоставление затрат и результатов решаются по-разному, в зависимости от того, чьи интересы диктуют хозяйственные решения. В предпринимательском секторе естественно исходить из частных интересов конкретных индивидов, в общественном — из общих интересов граждан (налогоплательщиков). Для частной фирмы в роли адекватных экономических измерителей затрат и результатов выступают рыночные цены, по которым фактически осуществляется купля-продажа. Чистая отдача характеризуется прибылью, представляющей собой итог рыночных отношений.

В государственном же секторе выгоды и издержки должны оцениваться с позиций всего общества. Чистая отдача представляет собой разницу между общественными издержками и общественными выгодами.

Вообще вопрос экономической эффективности на уровне общества является проблематичным, поскольку речь идет о неспособности государства обеспечить соответствие политики распределения благ принятым в обществе представлениям о справедливости («провалы (или изъяны) государства»). Источники «провалов» государства заключаются в невозможности обеспечить те или иные из потенциальных Парето-улучшений (хотя подобные усилия предпринимались, к примеру критерий Калдора-Хикса или критерий компенсации). Государство производит определенные нерыночные продукты, которые призваны компенсировать эти рыночные провалы, такие как: услуги по регулированию (штрафы, лицензирование, контроль за качеством и т. п.); чистые общественные блага (оборона, фундаментальные исследования); квази-общественные блага (образование, здравоохранение); управление трансфертными платежами (социальное обеспечение, социальные субсидии т. п.). Но этот вопрос — это предмет отдельного рассмотрения.

Таким образом, возвращаясь к эволюции понятия «экономической эффективности» нужно сказать, что это, по сути, есть одно из ключевых выражений процесса развития экономической теории, начиная с периода появления классической экономической теории и до наших дней.

Возникновение классической политэкономии, с точки зрения современного прагматического подхода, относят к второй половине XVIII века и первой половине XIX века. Этому предшествовали учения меркантилистов (У. Петти, Т. Ман) и физиократов (Ф. Кенэ, Ж. Тюрго), которые, в какой-то мере, обозначили переходный период в зарождении экономической науки, как самостоятельной отрасли знаний и сформулировали некоторые основные принципы, которые были использованы в дальнейшем (трудовая теория стоимости, ведущая роль золота и сокровищ в каче-

стве выражения богатства, важность торговли и торгового баланса, тарифная политика для защиты рынка и поощрение экспорта, свобода рынка и т. д.).

Основоположниками классической политэкономии являются А. Смит, Д. Рикардо, впоследствии ее развитие было продолжено Т. Мальтус, Дж. С. Милль и другими. Это первая школа, которая предложила изучение экономики, как систему взаимосвязанных законов и принципов. Основными ее чертами были положения о том, что:

- источником богатства является не внешняя торговля, как таковая (как в меркантилизме) или природа (физиократы), а сфера производства, труд во всех его формах;
- создана теория трудовой стоимости, в основе которой затраты живого и материального труда, т. е. стоимость товара определяется затратами факторов производства на его создание;
- равенство договаривающихся сторон, что позволяет вести торг до достижения максимальной выгоды и принцип экономической свободы и невмешательства государства в экономику;
- человек рассматривается как «человек экономический», действующий исходя из своих материальных эгоистических интересов (так, как ему выгодно) [15].

Таким образом, классическая политическая экономия периода свободного рынка и наличия совершенной конкуренции исходила из того, что «частная собственность на средства производства, свободное предпринимательство, непосредственной целью которого служит получение прибыли, позволяют наилучшим образом использовать все ресурсы для производства продукции и удовлетворения потребностей людей. Достижение эффективности ресурсов на уровне предприятия, стихийное регулирование в сфере обмена обеспечивали эффективность функционирования национальной экономики в целом» [16, 376]. Тем не менее, классическая экономическая теория не рассматривала понятие «эффективности» применительно к экономике и представляла экономические законы, как объективную реальность.

Появление неоклассического направления экономической мысли, в основе которого лежит маржинализм, относят ко второй половине XIX в. Представителями маржинализма считают К. Менгера, Ф. Мизера, Л. Вальраса, У. Джевонса и др. Ими была разработана концепция общественного блага и субъективной ценности, в которых товар предстает не как предмет с физическими свойствами, а как носитель свойств, представляющих определенную ценность для потребителя и была сформирована теория бизнес-процессов, которые ставят целью не само производство товара, а удовлетворение потребностей клиента.

Неоклассическое направление занималось исследованием поведения экономического человека (потребителя, предпринимателя, наемного работника), целью которого является максимизация дохода и минимизация при этом затрат, что свидетельствует об эффективном (рациональном) принятии решений. Важно упомянуть, что большое

внимание в рамках этой школы уделялось изучению проблем эффективного использования ограниченных ресурсов на уровне микроэкономики (домашнего хозяйства, предприятия). Неоклассиками было предположено, что эффективное распределение ресурсов достигается независимо от их первоначального распределения. Отсюда можно сделать важный вывод, что неоклассики отводили проблеме эффективности центральное значение, в отличие от классиков. Появляется критерий экономической эффективности — отнесение результата к затратам, и превышение первого над вторым, чего не было в рамках классической экономической теории.

Одним из известных представителей неоклассической школы был итальянский экономист Вильфредо Парето, который сформулировал принцип экономической эффективности по Парето (или оптимальность по Парето). Дж. Ю. Стиглиц в своей работе «Экономика государственного сектора» так пишет об эффективности по Парето: «... при определенных условиях конкурентные рынки ведут к очень специфическому распределению ресурсов: не происходит такого перераспределения ресурсов (без каких-либо возможных изменений в производстве и потреблении), при котором кто-то мог бы улучшить свое положение без одновременного ухудшения положения кого-то другого. Существует, без сомнения, много других способов распределения ресурсов, благодаря которым можно улучшить положение одного или многих индивидуумов. Но в каждом из этих случаев кто-то пострадает» [17, с. 23–24].

Исторически первой сложившейся моделью предприятия является неоклассическая, в рамках которой предприятие определяется в качестве способа рационального распределения и объединения ресурсов на уровне организационно-экономической единицы. Предприятию своевременно и должным образом необходимо реагировать на изменение рыночной ситуации. Следует при этом всегда стремиться к максимизации разницы между доходами и расходами, увеличивая первые и уменьшая последние [18, с. 12–14].

При неоклассическом подходе предприятие, как участник сделок, должно быть целе-рациональным, то есть свободным в выборе, как целей, так и средств по их достижению. Действия предприятия должны быть подчинены задаче максимизации блага. Считается, что «если предприятие не стремится к максимизации прибыли, то оно рано или поздно потерпит поражение в конкурентной борьбе и будет исключено из числа агентов в ходе естественного отбора, реализуемого механизмом рыночной конкуренции» [19, с. 318]. В неоклассической экономической теории предприятие есть та организация, которая преобразует исходные ресурсы в конечный продукт. Почему существуют организации, что определяет их число и специализацию (приобретаемые ими ресурсы и выпускаемые продукты), — эти вопросы не интересуют большинство экономистов. Таким образом, в неоклассической экономической теории фирма, как сказал Ф. Хан, — это «теневая фигура» [21].

Таблица 1. – Сравнительная характеристика неоклассики и институционализма [13, с. 13].

Критерий	Неоклассика	Институционализм
Период основания	XVII → XIX → XX век	20–30-е годы XX века
Место развития	Западная Европа	США
Эпоха	Индустриальная	Постиндустриальная (информационная)
Методология анализа	Методологический индивидуализм — объяснение институтов через потребность индивидов в существовании рамок, структурирующих их взаимодействия в различных сферах. Индивиды первичны, институты вторичны	Холизм — объяснение поведения и интересов индивидов через характеристики институтов, которые определяют их взаимодействия. Институты первичны, индивиды вторичны
Характер рассуждения	Дедукция (от общего к частному)	Индукция (от частного к общему)
Рациональность человека	Полная	Ограниченная
Информация и знания	Полная, знания неограниченные	Частичная, знания специализированные
Цель	Максимизация полезности, прибыли	Культурная образованность, гармонизация
Желания	Определяются самостоятельно	Определяются культурой, коллективом
Взаимодействие	Товарное	Межличностное
Зависимость от воздействия социальных факторов	Полная независимость	Не является строго независимым
Поведение участников	Нет коварства (обмана) и нет принуждения	Оппортунистическое поведение*

* Оппортунистическое поведение — стремление к личной выгоде с использованием коварства, просчитанных усилий по сбиванию с правильного пути, обмана, сокрытия информации и других действий.

С течением времени, в начале XX в., появляется альтернатива неоклассической экономической теории — институционализм, направленный на исследование совокупности социально-экономических факторов (институтов) во времени, а также на изучение социального контроля общества над экономикой. Это понятие было введено Уилсоном Гамильтоном в 1918 году. Этому предшествовала критика Торстейном Вобленом идеи немецкой школы «старого» институционализма в 1898 году, когда он вместо узко экономического подхода предлагает более широкий междисциплинарный подход, который включил в себя социальную философию, антропологию, психологию. Это было попыткой объединения экономической теории и социальных аспектов общества. У. Гамильтон

предложил рассмотреть понятие института как «распространенного способа мышления или действий, запечатленных в привычках групп и обычаях народа». По его мнению, это отражает устоявшееся общее согласие и сложившуюся в обществе договоренность. То есть в трактовке социально-экономических явлений они исходят из определяющей роли не индивидуальной (как в классической политической экономии), а групповой психологии.

Поскольку институциональная экономика возникла как альтернатива неоклассике, следует выделить основные принципиальные различия между ними (Таблица 1):

С 70-х годов XX века институционализм развивается в двух направлениях: *неоинституционализм* и *новая институциональная экономика*.

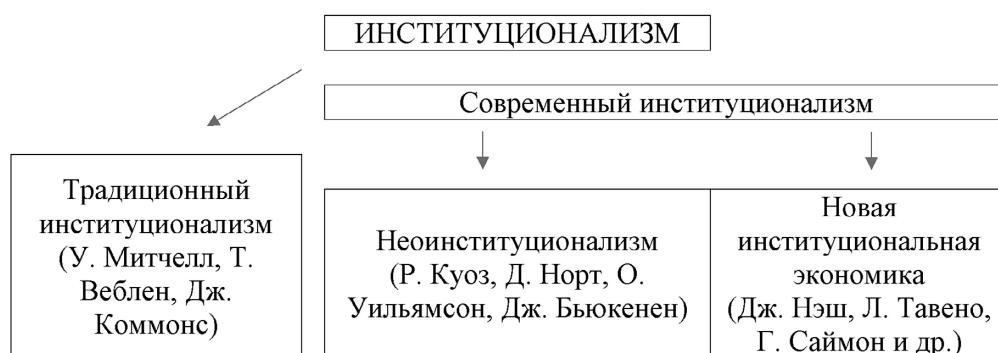

Схема 1. Основные направления развития институционализма

Неоинституционализм (основные представители неоинституциональной экономики: Р. Куоз, Д. Норт, О. Уильямсон, Дж. Бьюкенен)

Для обозначения нового направления нередко используются и другие названия:

- «новая институциональная теория», поскольку сторонники этого подхода оперируют понятием института с новых, отличных от «старого» институционализма позиций;
- «теория транзакционных издержек», поскольку в фокусе внимания оказываются транзакции (сделки) и связанные с ними издержки;
- «теория прав собственности», поскольку права собственности выступают в качестве важнейшего понятия данной школы;
- «контрактный подход», поскольку любые организации, от фирмы до государства, понимаются как сложная сеть явных и неявных контрактов.

Для стандартных неоклассических моделей были характерны упрощенные представления, согласно которым взаимодействие экономических агентов осуществляется без издержек и трений. Они абстрагировались от особенностей институциональной среды, предполагая, что транзакционные издержки являются нулевыми, что права собственности четко разграничены и надежно защищены, что заключаемые контракты являются полными (т. е. учитывают любые, сколь угодно отдаленные события) и подлежат неукоснительному выполнению. Фактически это погрязало экономический анализ в институциональный

вакуум, превращало институты в нейтральный фактор, не заслуживающий специального внимания и оказывало существенное влияние на оценку эффективности.

Неоинституционализм отказывается от такого упрощенного подхода, подчеркивая, что в действительности транзакционные издержки всегда положительны, что права собственности никогда не бывают полностью определены и абсолютно надежно защищены, что любые контракты являются неполными, а их участники склонны к нарушению взятых на себя обязательств.

Неоинституционализм опирается на принцип «методологического индивидуализма», который признает реально действующими участниками социального процесса не группы или организации, а индивидов. Согласно этому принципу, коллективные общности (например, фирмы или государство) не обладают самостоятельным существованием, отдельным от составляющих их членов, и поэтому должны объясняться с точки зрения целенаправленного индивидуального поведения. Благодаря такой установке в центре внимания неоинституционалистов оказываются отношения, складывающиеся внутри экономических организаций, тогда как в неоклассической теории любые организации рассматривались просто, как «черный ящик», внутрь которого она, как правило, не заглядывала.

Но при этом, проблема эффективности в рамках институционализма упускается, и уделяется особое внимание поведению экономических субъектов, оценке качества человеческого капитала.

Новая институциональная экономика (основные представители Дж. Нэш, Л. Тавено, Г. Саймон и др.)

В рамках данного направления выделяют следующие теории: экономика соглашений; теория игр; теория неполной рациональности.

Необходимо отметить, что если в работах представителей неоклассики значительное место отводится проблеме оценки эффективности деятельности (измерения экономической деятельности), то в институциональной экономике заметнее раскрывается вопрос поведения экономических субъектов.

Эффективность распределения в современной институциональной экономике определяется уже не моделью В. Парето, а теорией игр, разработанной Дж. фон Нейманом, О. Моргенштерном и усовершенствованной Дж. Нэшем. В рыночной ситуации экономический субъект руководствуется принципом удовлетворительности.

В 60-х годах XX века Г. Саймон провел исследования организационного поведения и процессов принятия решений, выпустив совместный с Дж. Марчем труд «Организации». Позже, в 1963 году Р. Сайерт и Дж. Марч опубликовали труд «Поведенческая теория фирмы» [12, с. 254], где исследовали зависимость эффективности деятельности предприятия от процесса принятия экономических решений. Таким образом, впервые была выявлена зависимость технической

стороны эффективности деятельности фирмы, то есть зависимости эффективности процесса производства продукта от процесса управления предприятием.

Если сравнивать «старых» институционалистов и неинституционалистов, то можно сделать вывод о трех фундаментальных отличиях.

1. В то время как первые пытались изучать современную экономическую теорию методами других теорий об обществе, то неинституционалисты изучают общественные проблемы методами своей экономической теории, главным образом с применением подходов микроэкономики и теории игр.

2. «Старый» институционализм стремился идти от частных индивидуальных случаев к обобщениям, что не позволило сложиться институциональной теории, в то время как неинституционализм использует дедуктивный путь — объясняя конкретные явления общественной жизни исходя из принципов неоклассической экономической теории.

3. «Старый» институционализм преимущественно рассматривал действия коллективов (профсоюзов, правительства и т. д.) по защите интересов индивида; неинституционализм же ставит во главу угла независимого индивида, который по своей воле и в соответствии со своими интересами решает, членом каких коллективов ему выгоднее (и эффективнее) быть.

Таблица 2. – Пример различий между «старым» институционализмом и неинституционализмом

Признаки	Старый институционализм	Неинституционализм
Движение	От права и политики к экономике	От экономики к политике и праву
Методология	Других гуманитарных наук (право, политология, социология и др.)	Экономическая неоклассическая (методы микроэкономики и теории игр)
Метод	Индуктивный	Дедуктивный
Фокус внимания	Коллективное действие	Независимый индивид
Предпосылка анализа	Холизм	Методологический индивидуализм

Несмотря на большое число подходов к толкованию термина «экономическая эффективность» до сих пор не подкреплено общепризнанным однозначным определением. По этому вопросу М. Мейер писал: «Это происходит в связи со смешением понятий оценки и самой эффективностью. Довольно просто что-то измерить и назвать это эффективностью, чтобы затем по аналогии оценивать и ранжировать компании, публиковать данные рейтингов и формировать таким образом общественное мнение. Гораздо труднее ответить на фундаментальные вопросы. Первый из них: что такое эффективность? Второй: как ее оценить и измерить? [11, 13]».

Как упомянуто выше, необходимо ясно различать «эффективность», как категорию результативности и эффективность экономическую («efficiency»). Так, Питер Друкер писал, что «результативность является следствием того, что делаются нужные, правильные вещи (doingtherightthings). А эффективность экономическая («efficiency») является следствием того, что правильно создаются эти самые вещи (dointthingsright)».

Эффективность, как экономическая категория, также тесно связана с другими категориями. В приведенной ниже табл. 2 представлена характеристика этих категорий.

Данная таблица также подтверждает мысль о необходимости отличать приведенные экономические категории.

Экономический эффект — абсолютный показатель, характеризующий результат деятельности в денежной оценке. А экономическая эффективность — относительный показатель, соизмеряющий полученный эффект с затратами или ресурсами, использованными для достижения этого эффекта [10, 275].

Для оценки эффективности чаще всего используют относительные показатели экономической эффективности, представленные как:

$$\frac{\text{Результат (эффект)}}{\text{Затраты}} \quad \text{или} \quad \frac{\text{Результат (эффект)}}{\text{Ресурсы}}$$

Таблица 3. – Анализ экономических категорий, связанных с понятием эффективности [9, с. 137–138].

Наименование категории	Определение экономической категории	Экономический процесс
Эффект	результат, следствие каких-либо причин, действий (от лат. effectus — исполнение — действие, от efficio — действую, исполняю)	Процесс воздействия того или иного фактора экономической системы на входе, который приводит к определенным (позитивным или негативным) результатам на выходе
Результат	окончательный итог последовательности действий или событий, выраженных количественно или качественно	Итоговый индикатор, который можно определить при помощи различных (объективных или субъективных) показателей
Результативность	степень реализации запланированной деятельности и достижения результатов (в англ. варианте — doingrightthings: необходимость, полезность работы)	Концентрация внимания на мере соответствия итогового показателя потребностям и задачам общества
Эффективность	связь между полученным результатом и задействованными ресурсами относительный эффект (результативность) процесса, определяемый как отношение результата к затратам, обеспечившим его получение	Использование ограниченных ресурсов с наибольшим результатом в рамках экономической системы

В советский период эти вопросы также достаточно активно исследовались. Впервые в советское время к вопросу эффективности производства обратились в годы НЭПа, а до этого результаты деятельности не сравнивались ни с расходами на производство и организацию сбыта, ни с эффективностью труда.

Один из экономистов того времени, М. И. Туган-Барановский, считал, что на динамику прибыли, в первую очередь, влияет изменение цен на товары и затрат на производство. По его представлениям, производственная система нацелена на получение максимальной прибыли при ограниченных ресурсах. Особое значение в процессе увеличения прибыли имеет рост общественной производительности труда, который позволяет не только улучшить экономическое положение работников, но и усилить мощь капитала.

К оценке эффективности производства, разработке методов оценки и показателей экономической эффективности активно приступили в послевоенные годы, что получило свое отражение в научной экономической литературе того времени. Однако чистая экономическая наука того периода находилась под сильным влиянием идеологического подхода социалистического и коммунистического строя, что исключало частную собственность и свободный рынок. Инструменты оценки эффективности в первую очередь включали в себя вопросы результативности производства, отношения стоимости продукции на единицу совокупного труда, роста объемов производства и т. д.

Попытки дальнейшего развития теории эффективности были сделаны в конце 50-х и начале 60-х годов Ф. П. Вааг, И. С. Малышевым и В. А. Соболев. Ими было предпринято применение концепции цены к вопросам эффективности. Однако предложенная ими концепция, которая состояла в подходе к ценообразованию, оценке эффективности капитальных вложений, расчету рента-

бельности, определению эффективности каждого предприятия, с учетом цены производства, не получила дальнейшего развития. Впоследствии экономическую эффективность деятельности предприятия предлагалось оценивать показателями прибыли и рентабельности, в качестве комплексного показателя, отражающий все стороны производственно-хозяйственной деятельности.

В процессе расчета эффективности производства, по мнению Л. И. Абалкина, следует сравнивать произведенные затраты с полученными результатами. Эффективность производства повышается, если для обеспечения одинаковых результатов необходимо меньше затрат, или при одних и тех же затратах полученные результаты выше. Л. И. Абалкин считал целесообразным использовать категорию абсолютной эффективности производства для определения эффективности общественного производства, которая выражается размером национального дохода, приходящимся на одного работающего, а эффективность деятельности предприятия — с помощью показателя фондо-рентабельности, получаемого, как отношение прибыли к стоимости производственных фондов. Таким образом, показатель экономической эффективности позволил бы понять, какой ценой предприятие получило эффект.

Как сказано выше, отсутствует совершенно согласованное и единое определение экономической эффективности. Изучив различные трактовки понятия «эффективность» (см. табл. 4), можно увидеть, что наиболее часто в измерение экономической эффективности предполагает соотношение полученного в результате деятельности эффекта с примененными ресурсами или произведенными затратами.

Если суммировать множество подходов и определений, то возможно будет корректным сформулировать следующие условия роста эффективности деятельности предприятия:

- Максимизация результатов при данных (фиксированных) затратах или;
- Минимизация издержек при заданном (фиксированном) объеме результата.

Существуют устоявшиеся подходы в оценке экономической эффективности предприятия, такие как исследование состава и структуры прибыли в динамике; оценка абсолютных и относительных показателей формирования прибыли от различных видов деятельности; оценка эффективности распределения чистой прибыли предприятия;

расчеты коэффициентов производительности, зарплатоотдачи и материалоотдачи, доходности труда и продуктивности амортизируемого капитала. Существуют мнения, что для более точного понимания процессов, протекающих в экономике, целесообразно использовать категорию «эффективность — вектор» вместо «эффективность — коэффициент» для исследования эффективности, как характеристики системы, в которой внутренние связи между ее элементами являются основным системообразующим фактором.

Таблица 4. – Трактовки различных авторов категории «эффективность»

Автор	Трактовка
Ланкина В. Е.	результативность экономической деятельности, экономических программ и мероприятий, характеризуемая отношением полученного экономического эффекта, результата к затратам факторов, ресурсов, обусловившим получение этого результата, достижение наибольшего объема производства с применением ресурсов определенной стоимости
Райзберг Б. А. Лозовский Л. Ш. Стародубцева Е. Б.	относительный эффект, результативность процесса, операции, проекта, определяемые как отношение эффекта, результата к затратам, расходам, обусловившим, обеспечившим его получение (степень достижения намеченных целей, в соответствии с потраченными ресурсами)
Ямпольская Д. О. Зонис М. М. Глазкова С.	соотношение максимального выпуска с минимальными издержками
Валевич Р. П. Давыдова Г. А.	экономические отношения по поводу использования ресурсов для производства или реализации определенной массы потребительных стоимостей в целях удовлетворения личных и общественных потребностей и получения на этой основе прибыли, обеспечивающей нормальное функционирование организации на рынке [7, 360].
Грязнова А. Г. Чечелева Т. В.	в толковании эффективности исходят из одной из основных целей экономической деятельности — удовлетворения неограниченных постоянно меняющихся потребностей людей с меньшими затратами
Асаул А. Н. Карпов Б. М. Перевязкин В. Б. Старовойтов М. К.	эффективность выступает как индикатор развития. Она же — его важнейший стимул. «Эффективность — показатель стремления к конечному результату, но не сам результат, а вариант правильности, точности направления к нему (конечному результату)». Деятельность организации можно назвать эффективной, если она движется в правильном, верном направлении [8, 137].
Туревский И. С.	способность системы в процессе функционирования производить экономический эффект (потенциальная эффективность) и действительное создание такого эффекта (фактическая эффективность) или способность системы производить при ее изменении (и при преобразовании условий ее функционирования) больший экономический эффект, чем в других условиях; реализация этой способности [4, 216]. Чем больше в итоге экономический эффект и меньше произведено затрат ресурсов, тем выше будет эффективность, и наоборот. Отсюда говорят о положительном эффекте (критерием служит прибыль) или об отрицательном эффекте (критерий — убытки)
Николаев М. В.	включает в себя также многообразные характеристики взаимоотношений с внешней средой, например, такие, как исполнение обязательств, адаптивность, взаимодействие с конкурентами, наличие внешних отрицательных и положительных эффектов (экстерналий) [5, 392–397]. Выделяет эффективность: производства, труда, распределения ресурсов, инноваций, капиталовложений, экономического роста и т. д.
Мерзликина Е. М.	выделяет аллокационную и производственную эффективность и предлагает следующие определения: «Аллокационная эффективность характеризует состояние рынка, на котором экономический субъект совершает сделки по продажам своей продукции...», т. е. по отношению к нему становится характеристикой внешней среды его существования», «основным содержанием понятия «производственная эффективность» является минимизация экономическим субъектом предельных общественных издержек на основе применения наиболее современных технологий» [6, 13–15].

Важное положение для теоретического представления об эффективности предприятия содержится в статье И. В. Матяш [3, 253–262], предлагающий разграничить внутреннюю и внешнюю эффективность и характеризовать внутреннюю эффективность показателем нормы прибыли (рентабельности капитала), а внешнюю — сравнением нормы прибыли экономики (рыночной ставки процента) и нормы прибыли предприятия или проекта. Исходя из этой классификации, И. В. Матяш формулирует важный тезис о том, что «предприятие может быть рентабельным с точки зрения внутренней оценки эффективности и в то же время неэффективным для экономики в целом... проект может считаться эффективным с точки зрения окупаемости затрат общественного капитала, если рентабельность активов предприятия (в каждый момент реализации проекта) будет выше рыночной ставки», а иначе «такой проект снижает эффективность общественного капитала и с точки зрения экономики является неоправданным по затратам ресурсов».

Это позволяет сформулировать некоторые особенности эффективности, как экономической категории:

1. Экономическую эффективность предприятия характеризуют финансовые показатели, такие как прибыль или рентабельность, при их определении следует ориентироваться на долгосрочную перспективу развития предприятия, но с учетом результатов прошедших периодов.

2. В современных рыночных условиях, делая вывод об экономической эффективности предприятия, следует учитывать, что она должна не просто соответствовать запланированному уровню, но быть выше или равна эффективности остальных участников рынка.

3. Учитывая высокий уровень конкурентной борьбы, современному предприятию необходимо внедрить систему, основанную на постоянном проведении процедуры оценки и реализации мероприятий по повышению уровня эффективности деятельности.

В настоящее время, оценка экономической эффективности в большей степени традиционно основывается на финансовом моделировании. Такой подход абстрагируется от внешнего влияния и проводит оценку экономической эффективности предприятия на основе расчета внутренних показателей деятельности. Основным индикатором эффективности является повышение прибыли, достигаемое за счет снижения издержек, и анализ состояния предприятия проводится на основе данных отчетности предыдущих периодов, эффективность будущих периодов ставится в зависимость от ранее достигнутых результатов.

Несмотря на простой алгоритм и универсальность применений, этот подход учитывает только прямые материальные факторы, не учитывает другие параметры (к примеру изменения капитала предприятия) и полагается на узко ориентированные данные финансовой отчетности. Но самое главное — такая упрощенная модель не учитывает риски, издержки на привлечение капитала, не всегда можно сопоставить свое положение с конкурентами вследствие возможных различий в их учетных политиках [2].

Альтернативой финансовой модели являются стоимостные модели оценки эффективности предприятия, в которых повышение эффективности его деятельности связывается с приростом стоимости предприятия. Одной из таких моделей является «теория выбора портфельных инвестиций» Джеймса Тобина. Он утверждал, что при наличии альтернатив для инвестирования, необходимо стремиться к сбалансированности портфеля инвестиций с высокими и низкими рисками. Эта модель содействовала появлению нового понятия «стоимостное мышление», которое стремится к максимизации стоимости фирмы, вычисляемой через значения денежных потоков с учетом внешних факторов (в то время как традиционная модель рассматривает только внутренние процессы).

Впоследствии экономисты Т. Коупленд, Т. Коллер, Д. Муррин в своем известном труде «Оценка стоимости компаний» предложили более комплексный подход, который учитывает все доступные факторы из внутренней или внешней среды предприятия, является оценка дисконтированного денежного потока (Discounted Cash-Flow). Смысл подхода заключается в приведении стоимости потоков платежей, выполненных в разные моменты времени, к стоимости на текущий момент времени. Дисконтирование отражает тот экономический факт, что сумма денег, которой мы располагаем в настоящий момент, имеет большую реальную стоимость, чем равная ей сумма, которая появится в будущем. Этот подход проводит оценку «чистой приведенной стоимости» (NPV) и «внутреннюю ставку доходности» (IRR).

На сегодняшний день самой распространенной концепцией в рамках стоимостного мышления является разработанная Д. Стерном и Б. Стюартом концепция экономической добавленной стоимости (Economic Value Added — EVA), в которой рост эффективности понимается как превышение рентабельности используемого капитала над затратами на его привлечение. В качестве результата внедрения системы управления на основании показателя EVA выделяются так называемые 4 М, представляющие собой приоритетные направления использования модели [1, 4].

1. Измерение (Measurement). Предлагаемая система оценки деятельности компании наиболее точно выражает фактическую прибыльность компании.

2. Система управления (Managementsystem). Охватывает весь комплекс управленческих решений, включая стратегическое планирование, размещение капитала, приобретение и продажу активов, установление целей.

3. Мотивация (Motivation). Система вознаграждения на основании показателя EVA позволяет соединить интересы менеджеров и акционеров.

4. Стиль мышления (Mindset). Внедрение системы управления и вознаграждения на основании этого показателя ведет к изменению корпоративной культуры.

В заключение необходимо отметить, что ни одна из применяемых моделей не дает исчерпывающий ответ и перед экономической наукой стоит вопрос о разработ-

ке более совершенного метода оценки эффективности предприятия. Эта проблема имеет большое практическое значение, а игнорирование этого может обернуться значительными финансовыми потерями, так как на основе по-

лученной в результате оценки информации принимаются определенные управленческие решения, реализация которых связана с затратами материальных, трудовых и финансовых ресурсов.

Список литературы:

1. EVA & Strategy. Stern Stewart & Co. Research//The Americas. – 2000. – No 4.
2. Смирнова Н. К. Концепция экономической добавленной стоимости применительно к принятию управленческих решений и оценке бизнеса. Электронный ресурс. – URL: www.mbschool.ru/smir2.doc.
3. Матяш И. В. Проблемы анализа рыночной системной эффективности предприятий//Изв. АГУ. – 2010. – No2–1 (66). – С. 253–262.
4. Туревский И. С. Экономика отрасли. Автомобильный транспорт/И. С. Туревский. – М.: ФОРУМ, ИНФА – М, – 2011. – С. 216.
5. Николаев М. Содержание категории «эффективность»/М. Николаев//Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Экономика и финансы. – 2008. – Вып. 1 (7). – С. 392–397.
6. Мерзликина Е. М. Методология оценки эффективности деятельности организации: дисс. д-ра экон. наук. – М.: ГОУ ВПО МГУП, – 2008.
7. Валевич Р. П., Давыдова Г. А. Экономикаторговой организации. Учебное пособие/Р. П. Валевич, Г. А. Давыдова. – Минск, – 2008. – С. 360.
8. Асаул А. Н. Модернизация экономики на основе технологических инноваций/А. Н. Асаул [и др.]. – Спб. АНО ИПЭВ, – 2008. – С. 137.
9. Демченко С., Мельникова Т. Социально-экономическая система страны и проблемы ее эффективности/С. Демченко, Т. Мельникова//Проблемы современной экономики. – 2013. – No3 (47). – С. 137–138.
10. Ковалев В. В., Волкова О. Н. Анализ хозяйственной деятельности предприятия: Учебное пособие/В. В. Ковалев, О. Н. Волкова. – М.: ТК Велби. – Изд-во Проспект, – 2014. – С. 275.
11. Мейер Маршал В. Оценка эффективности бизнеса.
12. Маршал В. Мейер; пер. с англ. А. О. Корсунской. – М.: ООО «Вершина», – 2004. – С. 13.
13. Cyert R., March J. A. Behavioral Theory of the Firm. – New Jersey, Prentice- Hall Inc, – 1963. – 254 p.
14. Винорадова А. В. Институциональная экономика: теория и практика/Уч.-методич. пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, – 2012. – С. 13.
15. Друкер П. Практика менеджмента. – М.: Вильямс, – 2007. – 400 с.
16. Классическая политическая экономия: основные положения, этапы развития URL: <http://natecon.com/klassicheskaya-politicheskaya-ekonomiya-osnovnyye-polozheniya>
17. Грязнова А. Г. Экономическая теория: Учебник/А. Г. Грязнова, Т. В. Чечелева – М. Издательство «Экзамен». – 2005. – С. 376.
18. Стиглиц Дж. Ю. Экономика государственного сектора URL: http://lib.ink/ekonomicheskaya-teoriya_826/dve-osnovopolagayuschie-teoremyi-ekonomiki-23479.html
19. Ольга Сульдина. Неоклассический подход к институту предприятия в экономической теории URL: http://www.neweconomist.ru/articles/teoriya_organizatsii/olga_suldina_neoklassicheskiy_podhod_k_institutu_predpriyatiya_v_ekonomicheskoy_teorii/?print=Y&CODE=teoriya_organizatsii%2Folga_suldina_neoklassicheskiy_podhod_k_institutu_predpriyatiya_v_ekonomicheskoy_teorii%2F
20. Львов С. Институциональная экономика: Учеб. пособие/Под рук. акад. Д. С. Львова. – М.: ИНФРА – М, – 2001. – 318 С., – 2001.
21. Hahn Frank, General Equilibrium Theory//In The Crisis in Economic Theory ed. Bell Daniel and Cristol Irving, N. Y.: Basic Books, 1981, P. 131.

Section 11. Science of law

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-105-107>

Menga Irisi,
European University of Tirana
PhD Candidate in Law, lawyer, Municipality of Kurbin
E-mail: irismenga@live.com

The subject matter of administrative courts in Albania

Abstract: To write on article for the competency of administrative disputes in Albania we should first have a clear concept the nature of subject matter jurisdiction and then a precise definition what disputes will be considered administrative dispute. For extraneous reasons that it can not simply refer to the legal framework special laws, that regulating, natures of disputes and determine what will be considered administrative dispute or who would be considered administrative bodies. Subject matter jurisdiction is essential as is an indispensable procedural conditions, which invalidates judicial process, as well as all acts taken in during the course of his administration. Incompetent by a court materially can not conduct any activities procedural, but it must declare its incompetence and not continue prosecutions [1]. This article aims to treat exactly first judicial jurisdiction, secondly administrative court jurisdiction (administrative subject matter jurisdiction) types of administrative disputes referred to the Albanian legal framework, and finally the unification of jurisprudence from colleges states Supreme Court, regarding the nature of disputes and the transitional phase from the moment of adoption and entry into force of law no.49/2012 until the implementation there of and functioning of Administrative Court, and cases of disputes with the mixed nature.

Keywords: Judicial jurisdiction, subject matter jurisdiction, administrative dispute, civil disputes, administrative court, administrative activity etc.

Judicial jurisdiction

The word comes from the Latin words Jurisdiction *jus dicere*, which means to declare the law. This word is used to explain the power that a court had to interpret and enforce the law. Constitution of the Republic of Albania and special laws have recognized the power of judicial functions set, and choice of issues and disputes that are related to their function. For this reason the word jurisdiction used to determine the district's affairs according to the law you have the right to choose a system bodies [2]. The Albanian system judicial jurisdiction is divided into: judicial jurisdiction **criminal/civil/administrative**. Based jurisdiction courts were established respectively, dealing with issues according to their function. Based on the, nature of the dispute, defined who is the law applicable, who is the court that has the jurisdiction to resolve the issue subject-specific.

The problem that triggered the entry into force of the law no.49/2012 and implementation.

Before the entry into force of the law no.49/2012 all administrative disputes tried by civilian court special section, trials which were governed by the civil Procedure Code, after the entry into force of the law no.49/2012, date 30.05.2012. We note that the Administrative Court began to function only with the date 04.11.2013 [3], given that Law no.49/2012 the transitional provision [4] not determine which is the com-

petent court for review of administrative disputes for which the claim, recourse or appeal is filed before the date of operation of the Administrative court. It was seen as an urgent necessity to unify the judicial practice. Issues which by law no.49/2012 they were categorized as administrative dispute, examination of which was not completed until date 04.11.2013. Panels states Supreme Court, the unifying decision no.3 date 06.12.2013, concluded that: "New detached procedural law explicitly extends must determine whether the new rates will not apply procedural immediately but at some future time, time which should specify the law itself. If this happens, then, regardless of whether the law has entered into force, he extends the effects immediately and on issues that are law no.49/2012 it is procedural provisions and to show what is the situation, trial stage or degree of a dispute over which court this law extends the effects, then subsequently admitted that the starting date 04.11.2013, this law is applicable for all, matters he himself has defined as administrative dispute, regardless of what condition, stage or degree of judgment is." As a result, starting from date 04.11.2013 district courts, appeals Supreme Court, did not have subject matter jurisdiction in the review of these issues for these extraneous reasons:

First: the entry into force of law no. 49/2012 the civil administrative disputes, because the subject matter jurisdiction

to review administrative court has passed established for their choice of special law no.49/2012. Secondly: with the launch of special law enforcement, then the dated 04.11.2013, all provisions of the code of civil procedure, supported the decision of the courts in resolving administrative issues were abolished. For these reason, these civil courts have no legal basis [5]. Thirdly, law no.49/2012 provides not only the creation of the special court for the trial of administrative disputes, but also, different procedural principles on the basis of which these disputes will be resolved. For this reason the new law should be implemented as soon as possible to achieve the purpose for which it is approved, then the efficiency and effectiveness of administrative discretion.

From an analyses of special law no.49/2012 of substantive and procedural side of his colleges joined the Supreme Court reached the conclusion that:

“Administrative Courts of first instance the administrative court of appeal and the administrative Panel of the Supreme Court, created by law no.49, dated 03.11.2012 on the organization and functioning of administrative courts and administrative disputes, are responsible for reviewing all issues, which under article 7 of this law constitute an administrative dispute, regardless condition or instance trial phase. This tribunal are competent administrative matters for which the claim appeal or recourse is deposited before the dated of 4.11.2013 an in courts of first instance, the court of appeal or higher and up to this date in these courts do not review has been completed yet.

Well, all issues with administrative nature, which were in trial or awaiting to be tried, before the moment law enforcement regardless no.49/2012 stage, instance or situation that judgement would be judged by the relevant administrative courts.

Another problem that triggered the jurisdiction confusion even for the courts was that what would be done in cases where the object of the trial would have research on the nature civil and administrative, which would be the law of which will be applied, who will which was the court of subject matter jurisdiction was remarkable interpretation did this research, these high court by its unifying decision of the united Chambers decision no.4 dated 10.11.2013 which said:

A. When the subject of the trial has some research as civil and administrative nature and this research is found by the court to have been a simple merger of their, then referred to article 61 and 159 of code of procedure civile and 13 and 2 to law 49/2012, *Specify court facilities should not in the competence of its subject by pass them competent court.*

B. When the subject of the trial has some research as civile and administrative nature and this research is found by the court to be an interdependent union between them, then

referred to article 55 of code of procedure civile and article 24 of law 49/2012 and implementation principle “Lex specialis derogat generale”, the competent court is as follows:

- The subject of the trial when the plaintiff inter alia as subject opposition an administrative act and the consequences in each case is competent administrative court.

- When are of the objects of the trial is a survey of civil nature, but that was closely linked with the act administrative and the consequences of this act will have come from the state, then again the competent court is the administrative court.

- Administrative were not only courts that were ambiguous regarding the nature of the dispute, but separate panels of judges high, but colleagues united states supreme court changed the interpretation of the law 49/2012 unifying given the decision no.4, dated 10.11.2013 of the united colleges of the Supreme Court.

The importance of respecting competency of courts

Essential subject-matter competence in terms of due process [6], as it constitutes the basic promise on which constructed the entire legal process. Separate constitutional court in its decision no. 41, dated 29.12.2005 no. 14, dated 17.04.2007, and no.11 dated 23.04.2009 expressed that: a review of cohesion “... the competent by a court does not constitute in any case only procedural violations, but has to do with respect for the constitutional right to be tried by a tribunal established by law. Making competence of a court of law that belongs to another court may be made only the courts that it sets”. Further, the constitutional Court concludes that: “Failure to subject matter jurisdiction of the court decision makes absolutely invalid and claim to have the power of this observation can be claimed by the process ... is a matter of judgment on subject matter jurisdiction another court constitutes “an irregular legal process in terms of section, 42 of the constitution and article 61 of the human rights”.

Conclusions

The article discussed the importance of subject matter jurisdiction, which serves as property basis to ensure due legal process, transitional phase following the implementation of the law no. 49/2012 how to proceed with administrative issues which had not been completed at the time of commencement implementation of this law, as well as cases that would resolve disputes with civil administrative mixed nature. For a clear approach, it was essential that unless a special law no. 49/2012, analyzed the case law of the supreme of the united Chambers of the court, where the explained the unification of all the case law from the moment of the law enforcement no. 49/2012 until now, which should be mentioned the complexity of the issues with administrative nature, that forced colleges stages Supreme Court to change their decision unifying the few months ago.

References:

1. Decision no 00–2014–3702, dated 12.12.2014. Relationship penal of the supreme Cour of the Republic of Albania, P. 2 (6).
2. Alban Brati, Civile procedure, Duraj publications, –Tirane – 2008, P 51.
3. Decree of President of Republic of Albania no. 8349, date 04.10.2013.

4. Law no. 49/2012, head X “transitional and final provisions”, in paragraph 1 and 5 of article to “syart of functioning of administrative courts”, predicts: “administrative courts of first instance, Administrative courts of Appeal and the Administrative Panel of the Supreme Court begin their in a simultaneous”.
5. Article 72 no. 49/2012 “of the repeal law changes” The date of comencment of operation of the administrative courts shall take effect the following changes: 1) Law no.8116, dated 29.03.1996, “Procedure code of the Republic of Albania”, Changed: 1) Article 35, letter “b” repealed; ii) Article 320, Letter “a”, repealed; iii) Article from 324 until 333, repealed; b) The law no.8927, dated 25.07 2002, “ For Mayor”, article 14 subdivisions “i” and “ii” article 15, drops 2, an article 18, drops 4, where words are respectively under the jurisdiction of which is the local government body”, “Court under the jurisdiction of which is the local government body”, “courts” and “courts, under the jurisdiction of which is interested entity replaced by the words “Competent Administrative Court”2.whenever we made special reference to laws in administrative sections or heading “administrative adjudication of disputes” the code of civil procedure or the competent court, is considered as the reference made in this law and the administrative court.
6. Article 6/1 KEDNJ “Every person has the righ to have his case be heard public and within reasonable by a court independent and impartial tribunal established by law, who will decide how disputes about the rights and obligations of civil nature, both on the merits against him ...”.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-107-109>

Rukaj Merisë,

University of Shkodra “Luigj Gurakuqi”

PhD Candidate in Law, the Faculty of Law

E-mail: merisarukaj@hotmail.it

The tendencies of state sovereignty in the European Union

Abstract: The concept of sovereignty, according to which the state should not be under the authority of another country and that it exercises his power exclusively within a specific territory, is now challenged by the process of European integration. Undoubtedly, the European Union remains one of the most controversial projects in the modern world.

In fact, the revolution that has suffered the European Union, since its establishment up to membership of 28 countries, which exert a shared competence in more than 30 different fields of the political, economic and social of the Member States, has bring important developments which do not allow us to see the concept of sovereignty of the member states of the EU in the same way as we would see that there is not European integration. Abolition of internal borders, the existence of a supranational legal system, the concept of European citizenship are indicators that the sovereignty of member states is already transformed or simply they have affected the exercise of state sovereignty in a different way from that classical?

The aim of this study is to analyze the nature and extent to which the EU has transformed the notion of national sovereignty. Reference to the provisions of the founding treaties of the EU will be key in addressing this issue, where greater attention will be focused on the powers of European institutions and to their influence on national policies of states parties.

Keywords: State Sovereignty, European Union, Supranational Legal System, Abolition of Internal Borders, European Citizenship.

The transformation of state sovereignty to EU accession European Union integration has undoubtedly bring modification in the competencies of member states. Following this logic, we can say that sovereignty is not an unchangeable notion, on the contrary, is a notion that is constantly transformed during member state — BE interactions.

The EU has many features which distinguish it from other international organizations. There are no internal borders between member states of the EU and the free movement of goods, people, services and capital is guaranteed by the founding treaties. European citizenship is another *siu generis*

characteristic of the EU. Existence, also, a supranational legal order that maintains superiority in national laws, is an attribute which is recognized only to such a Union of states.

EU member states have given the latter the right to assume responsibility in relation to security issues [9, 6]. It is important to note that in the context of EU integration, security is one of the key areas where member states transfer their sovereignty to EU, but keeping control of security in some areas, particularly in the national defense. At this stage of the member states, the borders are made transparent: the more the EU expands territorially, the less important become state borders. The rea-

son for merging internal borders of the EU countries comes as their need to cope globalization. Member States can not compete with other single countries, their population is small, they do not have sufficient resources, and for this reason they decide that it is better to give up a part of their sovereignty in order to become part of a powerful union, which will be a significant “player” in the international markets, bringing together the resources of states parties. Furthermore, the idea to cope globalization, led to a need of creating a common European currency, Euro, which would unquestionably facilitate agreements in international and national markets to states that would recognise it, but would undoubtedly affect even for transforming the notion of economic sovereignty of the Member States.

The issue of European citizenship is also closely related to the problems of “sovereignty transfer”. So, The Maastricht Treaty, signed in 1993, created European citizenship, which gave citizens of the 12 member states of the time the right to participate in local elections and the European elections. This led to the opening of state borders, allowing citizens of the member states to live in any other state of EU member [5, 106–107]. Such a prediction in the Maastricht Treaty transformed the notion of citizenship; this notion is not associated exclusively with the state whose citizenship citizen holds, but at the same time does not replace national citizenship, but plays a very important role in terms of political participation and forming a European identity.

EU does have sovereignty in a legal sense; it creates legal norms and precisely the nature of the legal normative resulting from the European Committee determines the existence or nature of the transformation of the concept of state sovereignty [11, 8].

Under the jurisdiction of the European Court of Justice, the European law is “a new legal system”, different from the international and national law, but superior to the laws of the member states. Thus, the ECJ in its case-law has created its famous doctrine of the direct applicability of the European legal norms, with the issue *Van Gend en Loos* [3] and on the primacy of national normative to member states’ national normative with the issue *Costa v. ENEL* [4].

The principle of direct applicability means that Union law passes the rights and imposes obligations directly at not only to the Union institutions and Member States but also to the citizens of the Union [2, 119]. The normative principle of the supremacy of community was created as the need of conflict resolution between the community and the national law. Given these implications, the ECJ attributed priority to Community law against that national, in cases of conflict between the two systems.

The Treaty of Rome, the Maastricht Treaty and the Lisbon Treaty established EU structures by establishing its institutions and giving them powers that previously belonged to the Member States. It is important to note that the EU treaties have attributed to the EU the power to control some of the policy areas of the member states: agriculture, economy, environment, energy, foreign policy, security [7].

The most controversial treaty, but also the most important one, emerging from the EU is that of Lisbon. This treaty highlighted for the EU these institutions: The European Commission, the European Council, the Council of Ministers, the European Parliament and the Court of the European Union [1, 229]. If we would analyze the degree of influence of these domestic political institutions of the member states I would like to analyze two important aspects such as: 1) Are member states of the EU represented equally? 2) The vote is of the equal importance for all the member states?

The European Commission is a formal initiator of legislative procedures, but also acts as a mediator between governments or between members of the European institutions in case of the drafts. While his main role is to execute approved decisions.

In the case of the European Council, it is about the EU institution that represents the interstate element in a very particular way. Its composition and duties are regulated by Article 15 of the EU Treaty: “1) The European Council shall provide the Union with the necessary impetus for its development and shall define the general political directions and priorities thereof. It shall not exercise legislative functions. 2) The European Council shall consist of the Heads of State or Government of the Member States, together with its President and the President of the Commission. The High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy shall take part in its work.”

Where lies the importance and influence of this institution, if it is not active itself from the legislative point of view? We can start with the fact that heads of states and governments, politicians as leaders of member states, define a good part of the agenda of the Union, so they define the political, economic, and social guidelines for all of the fields of activity [8].

Along with this there is a second element, that the European Council comes into play always in the role of the conflict resolver, if it is impossible for conflicts to be resolved in the lower level, for example at the level of ministers responsible for the relevant departments. Then, through the European Council is attempted to, using for example *package deals*, find a good and acceptable solution for all parties [8].

Further, a lead role belongs to the Council in foreign policy and it is the central actor in issues such as enlargement, treaty changes, etc., so always when it comes to setting important tracks in the EU. In addition, it also takes important decisions on personnel issues, by assigning its own President, President of the European Commission and the High Representative [8].

Another institution of the EU, which ensures equal representation of the member states is the Court of the European Union. Each member state sends a judge. The central task of the Court of the EU is the maintenance of the law in the interpretation and application of the agreements [Article 19, Chapter 1, EU Agreement]. Among its powers are legal disputes between member states, cases of conflict between the Union and the member states, between the EU institutions and state authorities as well as between individuals and the Union. In addition, national courts have the opportunity to address the Court in the context of court proceedings con-

nected with community law [8]. Its true impact appears only when we see its activity in specific areas. It has contributed to a large extent in the framework of constitutional and legal towards overnationalism and among other things has implemented the principle of direct and without mediated action of Community Law — that is, for every citizen of the European Community without the mediation of the Member States — and the principle of the primacy of national community towards that [8].

The Council of Ministers, although composed of equal numbers of representatives of the member states, at ministerial level, is an institution which shows the disparity between member states. This comes to the procedure of voting and decision making, for which qualified majority is required. As a general rule, a qualified majority is sufficient and its method of calculation is special: On 1 November 2014 entered into force the new system of double majority vote, under which a qualified majority is achieved when at least 55% of member states representing 65% of the EU population vote for a legislative proposal. As in the case of decisions to be taken in politically sensitive areas or the founding Treaties, unanimity is required.

The European Parliament is another institution that undermines the national sovereignty of the member states. Number of seats in Parliament is determined in proportion to the population of the Member States, which leads automatically in minority countries with less populations, while countries

with greater populations take more seats in Parliament and therefore become powerful voices in the legislative process. The Lisbon Treaty extended the powers of the European Parliament and changed the way of voting and institutional policies of the EU [6]. Lisbon Treaty predicted a more efficient decision-making procedure in the EU institutions and to fulfil such a forecast treaty provisions predicted an increased competences of the EU institutions exclusively the competence of the European Parliament.

Conclusion

The EU has acquired the authority having today by the member states. It was formed by a number of international agreements and was never put into question that the member states are not sovereign but it is evident that EU membership has reduced member states' national sovereignty. First, the Treaty of Lisbon has clearly specified what are the areas in which the EU can exercise its influence in order to direct and which are left under the influence of the Member States. Consequently, member states retain control to issues such as health, education, culture, social policies, etc. Meanwhile, what has been really "kidnapped" by the member states is economic independence, however justifiable to cope globalization. However it is worth mentioning the fact that the loss of the right of member states to decide about economic issues or other issues that are delegated to the EU, has happened with their full willingness.

References:

1. Bache & Ian & Bulmer & Simon & George & Stephen. (2001). *Politics in the European Union*. Oxford
2. Borçard, K. (2010). *ABC-ja e të Drejtës të Bashkimit Europian*. Luksemburg.
3. Case 26/62 Van Gend & Loos 1963, ECR I, nature of Union law, rights and obligations of individuals
4. Case 6/64 Costa v. ENEL 1964, ECR 1251, nature of Union law; direct applicability, primacy of Union law
5. Duff, A. (1994). *Maastricht and Beyond: Building a European Union*. London.
6. Europa, Treaty of Lisbon: Taken Europe into the 21st century, URL: http://europa.eu/lisbon_treaty_/glance/index_en.htm, retrieved December 2, – 2012.
7. European Union, Policy areas of the European Union, URL: http://europa.eu/pol/index_en.htm, retrieved December 2, – 2012.
8. URL: http://www.dados-europe.org/alb/grundkurs_4/gerichtshof_der_eu.htm
9. Kirchner, E & Sperling, J. (2007). *EU Security governance*, Manchester, Manchester University Press.
10. Reznick, G. (2013). *Shared Sovereignty and the European Union. The Transition to Post Westphalian Sovereignty*. URL: www.academia.edu/2763366
11. Tokar, A. (2001). *Something Happened. Sovereignty and European Integration*. Vienna.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJHSS-16-3-109-112>

Rukaj Merisë,
University of Shkodra "Luigj Gurakuqi"
PhD Candidate in Law, the Faculty of Law
E-mail: merisarukaj@hotmail.it

The relationship between EU legal order and Albanian legal order

Abstract: In this paper we will analyse the interaction of Community law with the national law and in particular the ratio between Community — Albanian law. The main purpose of this paper is to clarify the position of the in-

ternational legal order and in particular that of the EU law in the Albanian legal order by constitutional provisions. During the analysis of the interaction between the Community and the Albanian law a question arises in case of a conflictual confrontation between two legal systems, which one will be applied? To resolve such a situation, the Republic of Albania has held a definite stance: bigotry retains superiority of international law versus national, positioning for the hierarchy of sources of law immediately after the Constitution of the Republic of Albania. It is clear that the Albanian constitution legislators have been aware of their European perspective and for the fact that the law of the EU community and its legal order can survive only if compliance and protection of this legal order is guaranteed by two cornerstones: direct applicability of Community law and the advantage of Community law over national law. They are two fundamental principles of European law which guarantee the implementation of the uniform and priority of the right of the EU in all Member States.

Keywords: Community legal order, Albanian legal order, Advantage of Community law, Applicability of Community law, the Constitution of the Republic of Albania.

The rapport of international law (community law) with national law according to the Albanian constitutional provisions

The article 116 of the Constitution of the Republic of Albania highlights the existence of the supremacy of ratified international law over the national legal system, while we have a reversal of this ration only when ratified international law faces constitutional law, where the Constitution of Republic of Albania has not issued the first place and maintains its lead over all other normative acts, including the international agreements ratified by law. International acts wich come immediately after the Constitution in the hierarchy of sources of law, ratified by the law, retain the supremacy only on laws and other legal acts arising in the country [5, 55].

Constitutional forecasts regarding the relationship between the internal legal system and international legal system have highlighted the primacy of ratified international law over domestic law. Thus, under the perspective of a rapid integration into the European Union the albanian constitution forecasts impose the supremacy of international law not directly ratified, but produced on the basis of the founding treaties ratified by international organization where Albania has acceded or will accede and in particular in Article 122/3 of the Constitution, which stipulates that “the norms issued by an international organization have superiority, in case of conflict, over the laws of the country when the agreement ratified by the Republic of Albania for its participation in the organization expressly contemplates direct implementation of the norms issued by it” [6, 74].

Facing supremacy and applicability of international normative not directly ratified, (secondary EU law) already sanctioned in the Albanian constitutional provisions, it will be a test for Albania in the perspective of accession to the European Union.

Although, currently, the community normative is not mandatory to be applied in Albanian legal system, because Albania is not a member of the European Union, this situation is expected to change perhaps in the very near future. Starting from the first day of EU accession, Albania will have to start applying directly the normative produced by the European legal order maintaining at the same time the primacy of it on national legal system.

The status of Community law in the Albanian legal order

The key to understand the Europeanization of the countries that aspire to join the EU (Western Balkan) is the development of conditional policy within the conditionality for membership [9]. In this context, Albania is facing several years now with a series of obligations which show the steps that should be followed in order to become a full member of EU.

The signing of the SAA (Stabilization Association Agreement) on the 12 -th of June 2006 established a new framework of relations between the EU and Albania. This relationship was conceived in mutual rights and obligations, which are ultimately aimed at a gradual approximation to the political, economic and social future of Albania with the EU. The SAA represents a contractual relationship between the EU and Albania during the European pre-accession phase (EC Treaty, art.310). This agreement provides a progressive approach that should take into account the individual situation of each country [10, 201].

But what are the concrete obligations undertaken by Albania in the Stabilisation and Association Agreement?

The Albanian Government will be engaged in achieving political, economic and institutional stability, through the development of civil society and democratization, institution building and public administration reform, regional trade integration and economic cooperation, as well as through cooperation in wide range areas, particularly in justice and home affairs and the strengthening of national and regional security. One of the main points of the SAA is the guarantee the rights and fundamental freedoms, human rights and political and economic freedoms, respect for the rule of law and institutions. The Albanian government is seriously engaged in the fight against organized crime and cooperation in the fight against terrorism.

Albania is doing an admirable job in the approximation of Albanian legislation with that of the Community and is implementing it effectively.

Unquestionably that the process of approximation of legislation with European legislation is a comprehensive, technical obligation and requires the development of institutional capacity to fully implement the EU acquis and an accurate comparative analysis with the existing Albanian legislation [3].

The final positioning of Community law in the internal legal system of Albania after the accession of Albania in EU

In contrast to traditional international law, the European treaties are laws that contain more than agreements and create obligations for the states. Individuals in these countries are subject to European law and their rights and obligations can derive directly from EU law. What does this mean for an acceding country? At the moment of accession of a state in the EU the subjects of internal law will also become subject of EU. Precisely given that European law is directly applicable in the European legal system, it can determine the nature and effects of European law within the national legal systems of member states [8, 50].

Although the European Union is a legal system (Decision on 5 February 1963, *Van Gend & Loos* against the Dutch Tax Administration, Case 26/62), where the application of it will be carried by the Member States. In fact the Union does not have the competence to execute its legislative material. That's why we should rely on Member States to implement it. The European Court of Justice has played a very important role in defining the principles that the Member States should follow in the implementation of EU law in their national system. From the doctrine has been observed that the ratio of Community law and Member States law is not similar to the ratio between international law and domestic law.

In fact, while the ratio between the international and internal system is resolved by a coordination between the two legal systems, mutually autonomous, that between the Community system and Member States system tends an integration of EU law into the internal system.

Albania is addressing the relationship between Community law and national legislation in favor of Community law, thus creating a space for direct implementation of EU legislation after its accession to the European family. These constitutional forecasts have been adapted with the best practice followed by the Community legal order itself, which recognizes his supremacy over the national legal order. At this point it is worth to quote the decision of the Justice Court in the case of *Costa/ENEL* [16], where the emphasis is on obligatory in the Member States to submit to the supremacy of the European legal order. The court in its decision made two very important statements on this principle: 1. Member States have definitely transferred sovereign rights to a Community created by them. This process cannot be reversed by means of subsequent unilateral measures which are incompatible to the concept of the Community. 2. In accordance with the Treaty principles, Member States may not call into question the status of Community law as a system to be applied uniformly and generally throughout the Community.

It is clear that the community norms integrates internal norms, but in any case the opposite. The national law of the member states does not exercise any influence on the Com-

munity legal order, while the opposite happens normally. In a few words, community law is melted in domestic legal order by integrating this system.

Albania with its accession to the European Union will be subjected to extreme imposition of EU institutions, starting with all laws drafted by the European Community (regulations, directives, decisions, etc.) and ending with the decisions of the ECJ. Regarding the latter we would stress that the relationship between the national courts of Albania and ECJ will be a close relationship, which will be based on the separation of powers and uniform application and interpretation of Community law in all Member States [17]. However, in cases when in national courts would appear a case where the resolution of the dispute depends on the interpretation of the Treaties or the validity and interpretation of acts of the EU institutions, national courts are obliged to address the Court of Justice for preliminary rulings [17].

From the above analysis, becomes clear that ECJ is the "guardian of the Treaty" in terms of the formulation of the principle of supremacy, highlighting the nature and development of Community law. The supremacy of the Community law is inherited by the spirit and nature that the European Union Treaty has. The particular origin that the Community law has, has the right to set as a request that its supremacy should be recognized and respected over the right of member states. The European Court of Justice does not recognize or does not follow any forecast of member states constitution, that is not inconsistent or provides its dominance over Community law [12, 33–34].

Conclusions

This paper analyzed the relationship between EU law and national law. The question of priority of European law over national law is not formally expressed in the texts of the European treaties, because there is no provision expressly contains such a statement, but the doctrine of priority of European legislation is developed within the jurisprudence of the ECJ, which in its decision sanctioning the priority of Community law, as a new legal order. In this sense, the Albanian legislators have tried to adapt, predicting the dominance of community law over national law in case of conflict situations between the two orders. In contrast to international agreements in general, the EC Treaty has established its own legal order, which with the entry into force of the Treaty, it becomes an integral part of the legal system of the Member States, and mandatory to be implemented by national courts. The Law deriving from the treaty, as an independent source of law, because of its special and original nature cannot be overcome by the provisions of domestic law. That would deny its character as a Community law and would undermine the legal basis of the Community itself. This is the simple logic, that define the drafting of the Albanian constitutional provisions.

References:

1. Borcard, K. D. (2010). *The ABC of the European Union Law*, Publications Office of the European Union, Luxembourg.

2. Greco, G. (2009). *Argomenti di Diritto Amministrativo*. Giuffrè. Milan.
3. Meça, M. (2014). The impact of the jurisprudence of the ECJ in the Albanian legislation, Scientific journal "Avokatia", – Vol. 3, – No.1, – Tirana.
4. Medda, D. and Donati, F. (2010). International protection of human rights, *Albin*. – Tirana.
5. Omari, L. and Anastasi, A. (2010). *E drejta kushtetuese*. ABC. – Tirane.
6. Puto, E. (2013). The suitability of the foreign normative in particular the European normative with the internal legal system and administrative system of the Albania. – Tirana.
7. Puto, A. (2006). *The public international law*. Albin. – Tirana.
8. Schutze, R. (2012). *European Constitutional Law*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Trauner, F. (2008). The Europeanisation of the Western Balkans: deconstructing the EU's routes of influence in justice and home affairs, The essay presented at the conference "ECPR Fourth Pan-European" about policies on European Union, Riga, Latvia.
10. Zajmi, I. (2011). *European Law (lectures)*. University of Tirana, – Tirana.
11. Stone, A. The European Court of Justice and the judicialization of EU governance. Refer to http://www.livingreviews.org/lreg_201-2.
12. Decision of ECJ on 5 February 1963, Van Gend & Loos against the Dutch Tax Administration, Case 26/62.
13. Decision of European Court of Justice, 16 December 1981, Pasquale Foglia against Mariella Movello, Case 244/80.
14. Decision of European Court of Justice, 1964 Flaminio Costa against Enel, 6/64 issue.
15. Decision of European Court of Justice, 9 March 1978, "State Finance Administration against Simmenthal Spa", Case 106/77, rec 629.
16. European Court of Justice decision of 1964 against Enel Flaminio Costa, 6/64 issue.
17. Decision of ECJ, 1981, paragraph 14.

Contents

Section 1. Study of art	3
<i>Yunusova Nigar Gaiyur</i> The art of costume in the Qajar Period	3
Section 2. History and archaeology	9
<i>Gevorgyan Edik</i> Massacre of Armenians in the Ottoman Empire in the 1890s: a brief historiographical review	9
<i>Kabulov Eshbolta</i> Traditional cattle breeding of Surkhan oasis (Uzbekistan)	12
Section 3. Cultural studies	17
<i>Ovcharenko Tatiana Stanislavovna</i> Some aspects of the creation of the theatre collection: search for identity in contemporary art	17
<i>Fokeeva Varvara Petrovna</i> Aby Warburg's Schlagbild: visual images in political representation	19
Section 4. Philology and linguistics	23
<i>Iliukhin Aleksei Nikolaevich</i> Genealogy of Indonesian language: influence of Sanskrit	23
<i>Katranidou Anastasia, Frantzi Katerina T.</i> The Greek Corpus of Defendants' Testimonies: frequent use of infrequent words	25
<i>Kolesnik Rita Vasilevna</i> The ways of expression of the 'dwelling' as a semantic invariant in the Russian language	30
<i>Makiedonova Olga Dmitrievna, Zaporizhzhya National University</i> Metaprograms of suggestive effect in the English advertising discourse	33
<i>Malakhov Sergey Viktorovich</i> The name and the straits of Britain	36
<i>Musaev Syrtbay Zholdoshevich</i> Die Fragen nach dem Verständnis des fremdkulturellen Textes. Fragestellung	42
<i>Radkevich Vita Vladimirovna</i> Specific character of discourse acts actualization in intergender dialogues (on the material of female English-language prose)	45
<i>Riabova Olga Valentinovna</i> Communicative aspects of the modern Russian language intonation in Russian Practice course (B2–C2)	48
Section 5. Pedagogy	52
<i>Movsisyan Emma Alexander</i> Some aspects of higher education institutions activity evaluation	52
<i>Oliinyk Olesia Vasilyevna</i> Professional training future teacher elementary school the formation of constructive skills to younger pupils: the theoretical aspect	55
<i>Shubnyakova Victoria Arkadevna</i> Crossfit as an innovative technology of physical education in professional training of the specialists of emergency rescue services of EMERCOM of Russia	58

Section 6. Psychology	62
<i>Kryvenko Yulia</i>	
Marital satisfaction in intercultural marriages from the perspective of Ukrainian women married to Turkish men	62
<i>Kushchazli Maria Ivanovna</i>	
Kreative Selbstverwirklichung der Persönlichkeit in der beruflichen Tätigkeit.....	65
Section 7. Sociology	68
<i>Kalanova Sabohat Muradovna</i>	
Succession of generations as the process of cultural transmission.....	68
Section 8. Philology and linguistics	73
<i>Zhilyaeva Olga Andreevna, Bykov Sergey Ivanovich, Dneprovskaya Valeria Aleksandrovna</i>	
The words of Greek and Latin origin in medical English texts.....	73
<i>Kaypnazarova Miyrihan Kalmuratovna</i>	
Names of house utensils in northern dialects of the Karakalpak language	76
<i>Opaeva Raygul</i>	
Complex nouns productively used in the Karakalpak language.....	79
(Translated from Russian by Ruslan Dospanov)	79
Section 9 Philosophy	82
<i>Ilieva Nina Zlateva</i>	
The process of education: sustainability and sense	82
Section 10. Economics and management	87
<i>Borbotko Valentin Valentinovich</i>	
Organizational-economic mechanism labour market young professionals	87
<i>Lyndyuk Elena Anatolievna</i>	
Features of modernization of the system characteristics of civil service under the influence of globalization processes	89
<i>Suleymanov Qazanfar Salman, Zeynalova Saadat Jumshud, Shamilov Rashad Fuad</i>	
Innovative competition model of Azerbaijan's industrial enterprises.....	92
<i>Chokusheva Gulnara Ryskulovna</i>	
The evolution of the concept of «Economic efficiency»	95
Section 11. Science of law	105
<i>Menga Irisi</i>	
The subject matter of administrative courts in Albania	105
<i>Rukaj Merisë</i>	
The tendencies of state sovereignty in the European Union	107
<i>Rukaj Merisë</i>	
The relationship between EU legal order and Albanian legal order	109